

Повесть
Ради Любви

Элис Голд

Ради Любви

Элис Голд

Елена Гроховицкая

Ради Любви

<https://litres.ru/74653344>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ради Любви» — это больше, чем повесть. Это ресурс на пути к успеху: история, которая показывает, как любовь может быть самой жёсткой школой — и единственной силой, которая помогает её пройти. Правда и характер — вот что делает эту историю настоящей. Иногда самое сильное решение — это решение ради себя. Именно такие решения и ведут к настоящему успеху!

Елена Гроховицкая

Ради Любви

Элис Голд

РАДИ ЛЮБВИ

Повесть

Самара

2011

ББК 84(2Рос = Рус)6

Г 95

Элис Голд

Г 95 **РАДИ ЛЮБВИ** / Повесть / – Самара: ООО «Книга»,
2011. – 880 с, ил.

ISBN 978-5-91899-001-8

Кто я есть и для чего живу? Какова роль Человека в развитии Вселенной? Можно ли что-то изменить в своей жизни и противостоять превратностям судьбы?

Главная героиня – Елена, получает ответы на эти вопросы после контакта с НЛЮ. Приобретённые знания помогают понять смысл жизни и разобраться в мироустройстве, осо-

знать для чего нужны испытания, через которые проходят большинство людей и как, не прибегая к насилию решить проблему мирным путём.

А до этого она завоёвывает авторитет среди сверстников, оказавшись один на один с лицемерием, завистью, подлостью и предательством. Первая любовь пробуждает надежду, что жизнь наладится, но тут любимый (Александр) уходит служить в армию. От одного слова «Афганистан» по коже пробегают мурашки. Неужели конец? Неужели война разлучит два

любящих сердца? Нет, не война мешает быть вместе.

Обстоятельства и... Стас. И так свадьба. Семейная жизнь

длится не долго, из-за лживости, унижения, злобы, Стаса и его родителей, Елена убегает из дома, с маленькой дочкой на руках. Попытка хоть как-то устроиться в жизни, знакомство с разными людьми, поиски угла, чтобы приткнуться, вынужденное

расставание с любимой дочкой... Казалось, Елена должна озлобиться на весь мир! Но – нет! Терпение и мужество

героини поражают и вызывают восхищение. Встреча с будущим мужем... Какую нужно иметь волю и веру в человека, сколько нужно приложить усилий, чтобы поднять голу-

паренька с самого настоящего дна, на котором он был, когда пил, наркоманил и занимался бандитизмом! Любовь, успех, настоящая дружная семья, материальное благополучие – это награда за то, что пришлось вынести, за то, что нашла в себе

силы жить и не перестала надеяться, что будет счастливой.
Людмила Терменёва, редактор.

ISBN 978-5-91899-001-8

© Элис Голд, 2011

Рождение

– Шурочка! Всё хорошо, у тебя родилась дочка, – сказала врач, показывая маме её маленькое сокровище. – Просто красавица! А какие глаза большущие!

– А что у неё на головке? – удивилась акушерка.

– Это шапочка. В рубашке на свет рождаются, но такое впервые вижу. Не простая родилась девочка, – ответила врач, осматривая малышку.

– Доченька моя, Леночка... – ласково прошептала Александра.

И девочка криком отозвалась...

Кто я...

...Прошло тридцать три года. Я со своей семьёй живу в че-

тырехкомнатной коммунальной квартире, на четвёртом этаже сталинского дома. Через открытое окно, слегка шевеля занавески, в комнату струился утренний воздух, охлаждая цветы на подоконнике. Мягкий солнечный свет падает на диван и два кресла, детскую стенку и стол-книжку, за которым завтракает доченька Настенька и мой любимый мужчина Володя.

– Сегодня мне приснился необычный сон, – сказала я, подсев к столу. – Хотите, расскажу?

– Хотим! – по-детски звонко ответила дочурка.

– Рассказывай! – улыбаясь произнёс Володя, поставив чашку с чаем на блюде.

– Мне приснилось, что я в каком-то здании поднимаюсь на лифт -те. Со мной две не очень молодые женщины, одна из них немного

сутулая.

Внезапно

лифт

останавливается,

но

двери

не

открываются. Женщины начинают нервничать, переводя взгляд с индикатора на двери лифта.

Решила не ждать, когда откроются двери, и лёгким движением рук раздвинула стену. Вошла в просторное помещение. Брешь в стене за спиной тут же исчезла. Я попала в огромный офис с

4

рядами столов и сидящими за ними сотрудницами. Красивые молодые женщины в аккуратных деловых костюмах быстро стучали по клавишам печатных машинок. Их не отвлекло от работы моё появление. Обратила внимание на молодого человека. Как и остальные, он был одет строго. Движения его уверенны и быстры, он куда-то спешил с папкой в руке. Последовала за ним. Вскоре он подошёл к мужчине постарше и молча, протянул папку. Почувствовала, что это Создатель, и насторожилась. Присела на корточки за столом и стала тихо наблюдать. Создатель, изучая документы, бросил в мою сторону спокойный взгляд, и на душе стало теплее, волнение улеглось. Затем вновь углубился в бумаги – я загрустила. Молодой человек тоже увидел меня. Убедившись, что Создатель занят, поспешил к столу, где притаилась я. Наклонился ко мне и взволнованно прошептал: «Ты как сюда попала?» – «Через стену». – «Это же невозможно!» – удивился он и, глядя в сторону Создателя, который продолжал делать вид, что никого не замечает, потянул меня за локоть: «Идём скорее, я тебя провожу». – «Я хотела поговорить...» – «Мне это известно, но тебе нельзя здесь находить-

ся» – «Передай... Создателю, что мне ещё рано возвращаться, мне надо написать картины, книгу, а ещё...» Мой собеседник нажал кнопку лифта и сказал: «Думаю, ты знаешь, как вернуться».

– «Да, конечно», – тихо ответила я, и двери лифтараспахнулись. А потом я... проснулась.

Затянувшуюся паузу прервал Володя: – Как ты думаешь, что означает твой сон?

Вопрос остался без ответа, позвонили в дверь.

– Ко мне пришли. Дорогие мои, вам придётся продолжить-завтрак на общей кухне.

Открываю и вижу: на площадке стоит симпатичная, не очень молодая женщина. Она была согнута и напоминала букву «Г».

Бросив на меня взгляд, громко вскрикнула, а потом принесла извинения за свою несдержанную реакцию.

– Это невероятно! Я сегодня видела вас во сне!

– Очень интересно. Проходите.

Женщина зашла в комнату, оглядываясь по сторонам.

– Меня зовут Татьяна, – представилась гостя. – Я вам звонила.

5

Предложила ей присесть. Женщина не спеша опустилась на краешек дивана.

– Не подозревала раньше, что можно увидеть кого-то во

сне, а потом встретить наяву!

–И что же было во сне? – спокойно спросила я.

–Вы учили меня, как правильно жить. Что интересно, проснулась с ощущением того, что жизнь налаживается.

– Значит, так и будет, – сказала я и стала вспоминать внешность двух женщин, с которыми ехала в лифте сегодня во сне.

– Я пришла к вам по поводу позвоночной грыжи, – прервала моё воспоминания пациентка. – Ничего по дому сделать не могу, всё из рук валится. У мужа на шее сажу... – вздохнула Татьяна. – Наслышана о вашей силе. Сердцем чувствую: только вы можете исцелить меня. Вы – моя последняя надежда!

Глаза женщины светились нежностью и глубоким доверием. Хотелось обнять её, как ребёнка, погладить по волосам и сказать ласковое слово.

–Хорошо. Пройдите в центр комнаты и присядьте на табурет. Ладони положите на колени. Закройте глаза. Про себя произнесите молитву «Отче наш» и простите тех, кто сделал вам больно, попросите прощения у обиженных на вас.

Подошла к магнитофону и нажала кнопку – из динамиков полилась спокойная музыка.

В уголках глаз Татьяны появились слёзы. Настроившись на женщину, бросила взгляд на свои ладони, которые красиво и разнообразно задвигались, будто кем-то ведомые.

И вот долгожданная минута настала: пациентка здорова!

– Приходим в бодрое состояние, открываем глаза, – я да-
ла понять, что сеанс закончен.

– У меня такое ощущение, что я спала, – Татьяна открыла
глаза и потянулась.

– Как вы себя чувствуете?

– Удивительная легкость в теле! Сначала по коже побежа-
ли

приятные
мурашки,
а
потом
какая-то
огромная
энергия

прокатилась по телу волной сверху вниз. Ничего подобно-
го раньше не испытывала и даже не думала, что такое бывает.

Женщина встала, робко и неуверенно сделала несколько
шагов.

6

– Что это? – спросила она со страхом, смешанным с радо-
стью. – Спина не болит? – улыбаясь, поинтересовалась я.

– Ни капельки! Посмотрите, как я хожу! – быстро и легко

Татьяна прошла по комнате, глаза её сияли. – И нагнуться могу!

Татьяна сделала несколько наклонов в разные стороны и подбежала ко мне с распростёртыми руками:

– Елена Алексеевна, вы вернули меня к жизни! Это чудо! Я верила вам. Я здорова, совершенно здорова, это такая радость!

Как только закрыла дверь за Татьяной, раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте! Меня зовут тётёй Надей! – услышала я хриловатый женский голос.

– Очень приятно, я внимательно вас слушаю.

– Читала ваши статьи, они мне очень нравятся. Да и люди о вас хорошо отзываются, сердечно благодарят. Решила обратиться за помощью. Моя мама три месяца почти не спит: мёртвых призывает и разговаривает с ними. Может, у неё дар ясновидения открылся? Пожалуйста, посмотрите маму, мы живём с вами в одном доме. Сама она прийти не может – парализована.

Я пообещала зайти вечером и записала номер квартиры. Предложила пойти со мной Володе, и он согласился. Закончив принимать людей, мы стали собираться к тётё Наде.

Полноватая и суетливая хозяйка встретила радушно и, не мешкая, провела в комнату матери. Та лежала в постели, как будто скованная невидимыми цепями, и шамкающим ртом

кого-то призывала.

– Днём и ночью кричит, – еле сдерживая слёзы, рассказывала тётя Надя. – Три месяца назад умер муж. Теперь всё приходится делать самой: переворачивать её, мыть, менять подгузники. Очень устала. Врачи объясняют недуг просто – старость. Конечно, матери восемьдесят шесть, но я не верю, что она скоро умрёт. Сколько себя помню, она никогда не болела, была крепкой и здоровой. Ума не приложу, что с ней случилось...

– А как она слегла? – спросил Володя.

– На пятидесятый день после смерти мужа произошёл странный случай. Мы с мамой услышали взрыв банки. Глянули на полки – всё цело. А спустя несколько часов у мамы отказали ноги, затем – руки.

Попросила хозяйку квартиры и Володю выйти из комнаты и 7

начала сеанс. Вдруг из тела бабушки Вари вышла душа умершего человека, и я остановилась. Та дала понять, что не хочет, чтобы к ней приближалась, и я покинула комнату.

Тётя Надя и Володя из кухни поспешили мне навстречу.

– Тётя Надя, это не ясновидение, как вы предполагали, это душа вашего мужа, она вошла в тело вашей матери.

– Как страшно! А что же делать?

– Её нужно извлечь, но я такого никогда не делала, поэто-

му про- водить сеанс не стану.

После этих слов у меня неожиданно заболела голова. Боль была какой-то неестественной и усиливалась. Еле сдерживалась, чтобы не схватиться за голову. Мы попрощались и вышли на улицу. Около подъезда я обняла руками голову и опустила на корточки.

– Лена, что с тобой? – заволновался Володя.

– Не могу идти. Голова раскалывается, будто не своя. Ду-
маю, всё дело в том, что я отказалась помочь бабушке Варе.

– А почему?

– Не знаю, как душу умершего человека отправить в иное измерение. Боже, боль невыносима!

– Может, тебе согласиться?

Я отрицательно покачала головой.

– Сегодня ты удалила позвоночную грыжу. Это тоже было впервые. Много для тебя было в первый раз, но ты никогда не отступала.

«Надо соглашаться, – подумала я. – Голова раскалывается, а с такой болью жить невыносимо».

– Хорошо, попробую, – произнесла я вслух, и головная боль ушла, будто её и не было.

– Володя, боль исчезла! И снова мне легко, чудно как-то...

– Видимо, ты приняла верное решение.

* * *

На следующий день, как только появилось свободное вре-

мя, позвонила тётё Наде:

– Мы скоро будем, попросите кого-нибудь из соседей поставить кровать в центр комнаты. Маме свяжите руки и ноги.

8

– Зачем?

– Чтобы во время сеанса она не могла пошевелиться.

Попросила Володю захватить видеокамеру, чтобы записать сеанс. – А камера не будет отвлекать? – поинтересовался Володя.

– Постараюсь не обращать на неё внимание, – улыбнулась я.

– Всё сделала, – доложила тётя Надя, встретив нас на пороге.

Бабушка по-прежнему кричала, охала, порой кого-то звала.

Хозяйка дала разрешение на видеосъёмку и удалилась, а я зажгла свечу. Володя устроился в дальнем углу и быстро настроил видеокамеру. Старушка не реагировала ни на меня, ни на Володю, словно нас не было. Я начала сеанс, бабушка Варя замолчала. От удивления я остановилась и посмотрела на Володю.

– Ну вот, а ты боялась, что не получится, – сказал Володя.

– Не знала, что умею это делать.

Воспользовавшись паузой, душа умершего человека вер-

нулась в тело бабушки Вари и та закричала.

– Это из-за того, что ты отвлеклась, да?

– Ничего, сейчас повторю.

Вновь обнаружила душу умершего человека и уверенно направила её в обитель блаженных. Перед тем как уйти в царство Вечности, душа остановилась, благодарно улыбнулась мне и отправилась домой. Я посмотрела на бабушку. Та всё ещё молчала.

«Откуда у меня такие способности – исцелять, общаться с душами умерших людей?» – на мгновение задумалась я, однако предаваться размышлениям не было времени.

Мы вышли из комнаты. Нас встретила взволнованная тётя Надя и вопросительно посмотрела на меня.

– Я что-то не слышу её криков...

– Ваша мама пошла на поправку. Ещё некоторое время она будет нуждаться в вашей помощи, а потом сможет сама себя обслуживать.

– Как трудно в это поверить! Врачи в один голос твердили: лечение бесполезно – старость, мол, и смерть неизбежна.

– Так бы, наверное, и случилось. Но теперь всё будет хорошо. На этой неделе она встанет на ноги.

– Дай-то Бог! То, что она не кричит, обнадеживает.

– Верьте, так и будет. Завтра мы навестим вас в это же время.

– Лен, а ты уверена, что она пойдёт? – спросил Володя на улице.

– Не просто уверена – знаю. После второго сеанса она сидит, после третьего попытается встать, а после пятого пойдёт с палочкой. – Как это у тебя, получается, предвидеть, исцелять людей?

– Лет десять назад появилось желание узнать о себе всё, однако сама себя остановила.

– Почему?

– Чувствовала, что, если узнаю о себе что-то необычное, моя жизнь сильно изменится, а я к этому не была готова.

Разговаривая, мы незаметно оказались у дверей своей квартиры.

– Очень хочется во всём разобраться, – задумчиво проговорил Володя, перешагивая порог квартиры.

– Сейчас этим и займёмся.

Зажгла свечу и протянула ладони к огню. Володя присел на диван и приготовился наблюдать. Закрыла глаза и настроилась на свой внутренний мир. Пальцы рук зашевелились – я ощутила энергетическое поле. Пошла вибрация, пальцы стали делать определённые движения. Никогда так не делала, поэтому могла лишь догадываться, что будет дальше. Открыв глаза, стала наблюдать за пальцами: они взяли две лежащие на столе свечи и скрутили их. Догадалась, что речь идёт о сближении, связи. Пальцы разъединили свечи – это

означало расставание.

Володя по моей просьбе принёс ножницы и с любопытством продолжил следить, как я изучаю азбуку Космоса.

Несколько часов я резала свечи, соединяла и разъединяла их, составляя причудливые формы, запоминая их значения. И только вечером, смогла задать волнующий меня вопрос: «Кто я?»

Закрыв глаза и настроившись на нужную волну, я узнала о своём космическом рождении, как появилась солнечная система и жизнь на Земле.

Меня переполняли эмоции, и я открыла глаза. Услышала тревожный голос Володи:

– Лена! Ты плачешь?

– Соринка в глаз попала. Так говорят, когда не хотят подтверждать очевидное, – я улыбнулась, смахивая слезу.

– Ну, так, что ты получила ответ на свой вопрос?

–

Мне
трудно
принять
то,
о
чём

узнала,
хочу

10

проанализировать свою жизнь.

Уложила дочку спать и погрузилась в воспоминания своего прошлого.

Вереница воспоминаний

Когда я родилась, закричала не сразу, и врачи, испугавшись за моё здоровье, разлучили меня с мамой. Три дня кормили чужим молоком. А когда вернули, мама решила, что меня подменили. Врачи убеждали, уговаривали, показывали бирку на руке – тщетно.

– Несите мою дочь! – требовала мама. – Где она? Что вы с ней сделали? У моей дочурки большие красивые глазки и светлое личико! А эта девочка с опухшими глазами и жёлтой кожей!

– Да возьмите вы ребёнка на руки! Покормите – сразу почувствуете: ваша кровиночка!

Мама не хотела прикасаться ко мне. Тогда один из врачей предложил:

– Оставим девочку наедине с мамой.

Мама не двигалась. Пришла санитарка, начала мыть полы: – Дочка, а это не твой муж стоит?

Мама посмотрела в окно:

– Как вы догадались?

– Да дочка твоя так же бровки хмурит, как и он.

– И правда. Как я этого раньше не заметила? Доченька моя, прости!

Мама подбежала ко мне, взяла на руки и, прижимая к груди, вы- глянула в окно:

– Лёша! Смотри, дочь – копия ты, – радостно сказала мама.

– Выбрала имя?

– Леночка.

Папа счастливо улыбнулся...

* * *

Папина военная служба закончилась. Родителям предложили квартиру, ясли для меня, папе – место мастера на заводе, где работала мама. Папа хотел вернуться на родину и от всего отказался,

11

мама его поддержала. Захватив нехитрый багаж: мешок вещей и детскую коляску, которую подарили на заводе, родители уехали в Саратовскую область.

* * *

Папа устроился учителем в школу села Сальянка, где родители получили небольшую квартиру в двухэтажном доме. Наступила зима, и стены покрылись инеем, было так холодно, что вода в чайнике и в ведре замерзала. Чтобы согреться, оставляли включённой газовую плиту. На меня надевали несколько ползунков, кофточек и шапочек, на пол стелили всё, что можно, лишь бы мне не ползать по холодным доскам и не болеть. Но не уберегли.

Женщина-врач в больнице внимательно осмотрела меня:

– Ваша девочка умирает: у неё двухстороннее воспаление лёгких. Вы поздно к нам обратились.

Мама разрыдалась. Папа стал успокаивать её, хотя сам не находил себе места. Врач вышла из кабинета и быстро вернулась.

– Хотя шанса можно сказать, и нет, предлагаю сделать укол в темечко, – продолжала врач. – Может это поможет. Во всяком случае, будем знать, что сделали всё возможное. Решайте...

* * *

После моего выздоровления, уехали жить в село Тавринка, где папа получил должность директора школы. Однажды он пришёл с конфетами и с порога протянул мне одну из них, мне тогда шёл седьмой год. Не успела развернуть яркую бу-

мажку, как слышала папин голос:

– Леночка, дай папе конфетку!

Как же не хотелось её возвращать!

– Лена, жадной быть плохо.

Я по-прежнему молчала. Папа нахмурился и указал на угол, который успел стать для меня «источником мудрости». Сколько детских размышлений о жизни помнит этот угол...

– Лена! Подойди ко мне! – вновь слышала строгий голос.

– Пятнадцать минут прошло. Сделала ли ты какие-нибудь выводы?

Когда мне что-то не нравилось, я сдвигала брови и смотрела ис-

12

подлобья. Именно с таким выражением и подошла к папе.

– Выходит, ничему не научилась? – папа сдвинул брови так же, как я. – Что ж, отправляйся снова в угол.

Я вернулась на прежнее место и представила, что в углу, где стою, находится комната как раз для меня. В ней есть кровать, стульчик, столик с кушаньями и любимые игрушки. Голос папы скоро вернул в реальность:

– Лена! Иди ко мне!

Послушно подошла и встала рядом, заранее зная, что снова вернусь в угол.

— Дай папе конфету.

Я отрицательно покачала головой: не дам.

— Тогда иди опять в угол.

...Теперь я представила за комодом, который стоял в противоположном углу комнаты, невидимую дверь: она недоступна людям. Мысленно подбегаю к комоду, перелезаю через него, открываю дверь и попадаю во мрак. Закрываю за собой дверь, а сама тревожно думаю: «А вдруг дверь не откроется, когда буду возвращаться?» Но отогнала от себя плохую мысль, потому что знала: выход всегда есть. Глаза постепенно привыкли к темноте, и

уже
через
минуту
различала
ступеньки.
Меня
манила

неизвестность, и я не боялась того, что ожидает в пути. Чем дальше спускалась вниз, тем становилось светлее. И я уже не перебирала осторожно ступеньки, нащупывая каждую, а бежала по ним. Оказавшись на светлой поляне, посре-

ди ярких цветов, вдохнула прозрачный воздух, наполненный тонкими ароматами растений, и устремилась к лесу.

Со всех сторон слышалось чудное пение птиц. Сказочной красотою дворец возвышался на противоположной стороне озера. Возникло ощущение, что это мой мир и я здесь хозяйка. А значит, не нужно ни у кого спрашивать разрешения, чтобы сделать то, что желаю.

Взгляд остановился на лодке: она качалась на волнах, подобно детской колыбели. Я подошла к ней и осторожно села. Лодка заскользила по серебристой глади воды и причалила к берегу, где находился дворец. К нему вела аллея. Дворец утопал в пышном саду с цветочными клумбами и диким виноградом. Я поднялась по широкой мраморной лестнице. Дворец от стен до потолков был ве-

ликолепно расписан. Вокруг ни души, однако во дворце было всё, что мне нужно. Папин голос снова прервал игру-воображение... – Лена, у тебя было достаточно времени, чтобы обдумать своё поведение. Что теперь скажешь?

– Не отдам конфетку, – твёрдо произнесла я.

Часа два ходила из угла в угол. В конце концов мама не выдержала:

– Отец, прости малышку. Она не так часто сладости видит, вот и зацепилась за конфету. Ты же знаешь, что Лена не жадная девочка. Просто очень принципиальная, вся в тебя.

– Лена, мне для тебя ничего не жаль. Но твоё упрямство пугает. Надо избавиться от него: в жизни оно может навредить и тебе, и окружающим, – сказал папа, смотря мне прямо в глаза.

Однако мне нравилось быть упрямой. Я чувствовала себя сильной и потому не собиралась избавляться от этого качества. Да, конечно, меня могли силой заставить что-либо сделать. Но это не означало, что я безропотно принимаю навязанное мне положение вещей.

К большому сожалению, многие односельчане завидовали нашей семье и не упускали возможности сделать зло. Однажды мама с папой уехали в город, а я с братом осталась дома. Вдруг стучатся в дверь. Открываю – на пороге пожилая соседка:

– Леночка, твой папа попросил меня искупать тебя с братом. Пойдёмте скорее, я уже натопила баню.

– Никуда мы не пойдём! – сразу же отказалась я.

– Ваш папа торопился в дорогу и не успел вас предупредить.

– Как папа может нас отправить в баню, когда мы одни никогда не мылись? – рассуждала я вслух.

– Так я вас искупаю! – настаивала гостья.

«А если папа правда не успел предупредить?» – мелькнула мысль.

Собрала чистое бельё, взяла за руку Сашу и отправилась

за женщиной. В хорошо натопленной бане раздела брата, с неохотой сняла с себя одежду, наполнила тазы водой и намылила себе голову. Подошла соседка и приторно-ласковым голосом предложила: «Леночка, давай тебе головку помою!» Очень хотелось оттолкнуть её от себя, но сдержалась и спокойно ответила: 14

«Не нужно, я сама». – «Тогда я помою голову твоему брату». Хотела возразить, но пена попала в глаза, а когда промыла их водой, увидела: женщина мылит голову Саше.

Когда вернулись, застали родителей дома. На вопрос, где мы были, ответила, что в бане.

Родители переглянулись и попросили подробно рассказать обо всём, что произошло. Выяснилось, что папа никого не просил то- пить баню и купать нас. Мы терялись в догадках. Но на следующий день вечером случилось вот что: мама после ужина подвела брата к ванне, а он заплакал, вырвался из рук и быстро убежал в другую комнату. Раньше Саша, как только видел, что ванну заполняет вода, искренне радовался и говорил: «Подём купася, подём купася!».

Так узнала, что такое порча, и увидела, как она «работает». Это явление меня заинтересовало.

«Когда-нибудь в этом обязательно разберусь!» – подумала я.

Конечно винила себя, что не уберегла брата от «колдуньи». Родители успокаивали, мол, ты слишком мала, чтобы

разбираться в людях. Но я же чувствовала: соседке нельзя было доверять!

А через несколько дней мы с мамой поехали в районный центр. Едва доехали до посёлка Садовый, как вдруг разыгралась вьюга. Водитель-тракторист отказался ехать дальше. К нам с мамой подошла приветливая женщина средних лет и предложила переночевать у своей знакомой.

Сильный ветер глухо завывал, прижимал к земле кустарники, раскачивал деревья.

– Мама! Мне холодно, не могу идти.

– Сейчас принесу одеяло, подождите. – Вера (так звали эту женщину) жила через дорогу и быстро вернулась. Меня закутали, и мы пошли дальше. Ледяные иглы кололи наши лица. Мама постоянно поправляла на мне одеяло, заслоняя собой от ветра. Скоро мучительная дорога закончилась.

– Вот мы и пришли, – сказала Вера и постучала в дверь. – Тётя Маша, это я!

– И чего дома не сидится? – крупного телосложения хозяйка открыла дверь.

– Тётя Маш, пусть люди у тебя переночуют, у меня нигде, – по-

просила Вера.

– Пусть проходят, – буркнула женщина.

– Вера, спасибо тебе, – поблагодарила мама и протянула одеяло. – Спасибо, – еле слышно сказала я.

Вера, махнув на прощание рукой, засемила по снежной тропинке.

– Проходите, холод в избу идёт! – приказала хозяйка. – Не шумите – все уже спят.

В прихожей мы с мамой разулись, сняли и повесили верхнюю одежду.

– Вот ваша кровать. Разбужу завтра рано.

В тепле я согрелась не сразу. Посмотрела на кровать – у меня перехватило дыхание: постельное бельё было чёрного цвета. – Я не лягу сюда!

– Дочка, можешь хозяйку обидеть. Ложись спать.

– Нет.

– Я кому говорю! – повысила голос мама.

«Почему меня заставляют делать то, чего я не хочу? Почему не считаются с моим мнением?» – возмущалась я про себя, но под пристальным взглядом мамы начала растёгивать кофту.

Чтобы как можно меньше места занять на кровати, свернулась калачиком. Представила, что не лежу, а парю, и так заснула. Встала в шестом часу и, одевшись, присела на стул. Проснувшись, мама удивилась:

– Лена, ты не спала?

– Спала, но мало. Мама, давай скорее уйдём отсюда: это

плохое место.

Тётя Маша предложила чаю, но я отказалась за двоих. В район- ный центр мы так и не попали и вернулись в родное село.

Во дворе на подоконнике сидел голубь. Птица даже не поше- вельнулась, когда мама прошла мимо. Не взлетела и ко- гда я тихонь- ко подошла к ней. Оказалось, у птицы сломано крыло. Я нежно провела рукой по перьям – голубь доверчи- во взглянул на меня.

– Я помогу тебе, – взяла его в руки, приласкала и унесла в дом. – У меня голубь! – радостно крикнула с порога.

Подошли родители.

– Папа, голубь замёрз, у него сломано крыло. Можно, он пожи-

вёт у нас, пока не поправится?

16

По взгляду мамы поняла, что моя идея ей не нравится, а когда она сказала, что голубь перепачкает помётом весь дом, стала её упрашивать. Папа встал на мою сторону и предло- жил привязать птицу.

– Да, да, – я обрадовалась, что выход найден, – привяжу голубя к кровати, рядом поставлю блюдечко с водой и едой.

Сбросив верхнюю одежду и сапоги, принялась искать ве- рёвочку. Увидев в моих руках голубя, брат попросил дать

ему его подержать.

– Видишь, – стала объяснять я, – он закрыл глаза, ему у меня хо- рошо. Вдруг ему не понравится у тебя, и он обидится? Прилетел-то он ко мне, а не к тебе.

– Ну, я немножко подержу и отдам.

– А ты не сделаешь ему больно?

– Я осторожненько.

– Ну, хорошо, бери, только очень аккуратно.

Саша протянул ручки к голубю и тихонечко, стараясь не раз- будить, прижал к груди. Брат улыбался: ему было приятно держать голубя.

– Вам помочь? – спросил папа, протягивая мягкую верёвочку.

Я утвердительно кивнула, а брат в недоумении посмотрел на меня, а потом – на папу.

– Зачем привязывать?

– Голубь будет у нас жить, пока крыло не заживёт, – объяснила я. – Мама и папа разрешили.

– Жить? – переспросил Саша, а потом подпрыгнул и радостно закричал: – Ура-а-а!

Голубь взмахнул здоровым крылом и проворковал.

– Саша! Ты же обещал быть осторожным! – я нахмурила брови, хотя на самом деле не сердилась (обычно так делали родители, а я брала с них пример).

– Больше не буду, прости, – извинился Саша.

– Ну ладно, держи лапку голубя так, чтобы папе было

удобно привязывать.

Саша всё старательно исполнил.

– Лена, ну-ка, прижми здесь, – попросил папа, сделав один узелок, – ещё один надо завязать, для надёжности.

17

Другой конец верёвки мы прикрепили к ножке железной кровати. Рядом на газету поставили блюдечко с водой, в другое насыпали пшено и стали наблюдать. Я легла на живот, а голову положила на руки. Саша последовал моему примеру. Неожиданно в окно постучали. Мы с братом прильнули к стеклу.

– Валя! – вскрикнула мама, открывая дверь.

– И правда, Валентина приехала, – удивился папа.

Я подбежала к любимой тёте. Сестра папы, обнимая нас с Сашей, поинтересовалась:

– И кто это у вас тут воркует?

– Голубь. Он сломал крыло и замёрз, – с жалостью в голосе сказала я.

За чаем взрослые заговорили о своём, а я позвала брата наблюдать за голубем. Вечером родители ушли в клуб смотреть фильм. Тётя Валя осталась с нами. Мы беседовали. Было хорошо и уютно. Вдруг кто-то постучал в окно. Я откинула занавеску и с криком отпрянула: на меня смотрело страшное чудовище! Подбежала встревоженная тётя Валя:

– Что случилось?

И, увидев в окне чудовище с горящими глазами, закричала от страха. Судорожно задёргнув занавеску, подхватила Сашу:

– Входная дверь заперта?!

– Нет, – дрожащим голосом ответила я.

– Закрой!

– Боюсь! Вдруг чудовище уже в коридоре?!

Тётя Валя только называлась тётей, ей было двадцать лет и испугалась она не меньше меня. Тётя отнесла брата на кровать и взяла топор у печки. Крепко сжимая топорище, тётя Валя скомандовала: – Иди за мной!

Приоткрыла дверь, но через щель трудно было что-то рассмотреть, и она попросила принести фонарь. Считала тётю смелой и гордилась ею, но очень боялась за неё. Быстро нашла фонарь и включила его. Тётя Валя распахнула дверь – в коридоре никого не было. Она подбежала к входной двери и задвинула засов.

– Ну вот, теперь нам бояться нечего... – облегчённо вздохнула тётя Валя и положила топор на место.

Тут опять раздался громкий стук.

– Тётя Валя! Это чудовище! – закричала я, прыгнула в

кровать, накрылась с головой одеялом и притаилась. Тут кто-то навалился на меня, я решила, что чудовище ворвалось в дом и пожирает тётю Валю с Сашей. Мне стало плохо...

– Лена, это я, Валя! Снова стучат!

Выглянув из-под одеяла, я увидела брата и тётю живыми и очень обрадовалась. Но стук в окно оборвал радость и заставил снова на- прячься.

– Тётя Валя, не могу пошевелиться, мне страшно!

Саша плакал: видимо, наш страх передался ему.

– Притворимся, что дома никого нет. Чудище постучит-постучит и уйдёт, – почему-то шёпотом предложила тётя Валя.

Я старалась не дышать, брату прикрыла рот, чтобы не был слы- шен его плач.

– Вы что там, спите? – услышали мы знакомый мужской голос. – Дети, откройте! Мама с папой пришли!

– Мама! – обрадовалась я и вскочила с постели. С души, будто камень свалился! Подбежала к двери – тётя Валя её уже

открывала. Наперебой мы рассказали о том, что пережили. Папа рассердился, вышел на улицу, чтобы наказать «шутника», но не нашёл его.

– *Сейчас вспоминаю эту историю с улыбкой, но тогда...*

* * *

А утром у меня разболелся зуб. На гусеничном тракторе с будкой на лыжах, мы с папой собрались ехать в райцентр. Я хотела сесть в будку, но папа не разрешил: в кабине водителя ехать теплее. Тракторист, от которого сильно несло перегаром, завёл своего железного коня и тот затарахтел, выпуская клубы дыма, рванулся вперёд.

Скоро заметила – водитель не всегда смотрит на дорогу: закрывает глаза, зеваает. Хотела сказать об этом папе, но тот спал, и я постеснялась его будить. Внезапно водитель уткнулся в дверцу и она открылась, мужчина выпал из кабины.

– Папа, папа! – испуганно закричала я. – Мы едем одни, тракто-

19

рист на улице.

Спросонья папа не понял, что произошло.

– Как на улице?!

– Он заснул и вывалился. Что нам делать?

– Попробую разобраться!

Папа сел на место водителя и стал осматривать рычаги управления, на одном из которых болталась проволока.

«Люди в будке не подозревают об опасности. Спокойно сидят на лавочках, разговаривают. Они даже не знают, что их жизни зависят от расторопности папы, его хладнокровия

и выдержки», – подумала я, и мне стало жарко.

Папа повернул какой-то рычаг – трактор подчинился и быстро рванул вперёд. Счастье, что мы ехали по степной дороге одни. – Нет, не так, – папа вернул рычаг на прежнее место.

– Алексей Николаевич! – долетело до меня.

– Папа, тебя зовут!

– Кто?

– Тракторист, он бежит рядом с трактором!

Папа выглянул из кабины.

– Алексей Николаевич! Левой ногой жмите! – услышала я.

На секунду представила, что папа может тоже вывалиться из кабины и крепко схватила его за пальто, сжала губы... Трактор немножко пофыркал и остановился. Всё было позади, и я крепко-крепко прижалась к папочке. Тут появился запыхавшийся водитель.

– Спасибо, Алексей Николаевич, вовек не забуду! – тракторист благодарно пожал папину руку и обратился ко мне: – Сильно напугалась?

Я спряталась за папу и подумала: «В следующий раз поеду в будке: оттуда легче прыгать...»

– Конечно! – ответил папа, не выпуская меня из своих объятий.

– Понимаешь, Алексей Николаевич, я не хотел ехать.

Председателю признался, что выпивший. А тот: езжай потихоньку, мол, довезёшь. Вот и поехал тихонько. Так тихонько, что заснул. А проспался в снегу. Извини, дочку напугал. Да я и сам перепугался – хмель сразу сошёл!

– Ладно, обошлось. Тебе наука – не пей!

– Завяжу, честное слово, завяжу!

20

– Папа, а мы что, без двери поедем? – спросила я.

– Её завалило снегом, не найти, – ответил водитель вместо папы. – Лена, ну как, поедешь со мной дальше?

«Если ты снова вывалишься, – подумала я, – папа остановит трактор, он уже научился».

– Поеду.

До соседнего села, мы доехали без новых приключений.

– Что там у вас произошло? – любопытствовали пассажиры, вылезая из будки. – Почему водитель бежал рядом? И кто трактором управлял?

Папа не хотел тракториста ставить в неловкое положение и только отмахнулся:

– Пусть он вам сам расскажет, а нам ещё до центра добираться... В городе стоматолог выдернул больной зуб и сказал, что нужно снова приехать – лечить другой. На завтра к врачу со мной отправилась мама. Желающие уехать на тракторе толпились на остановке. В будке уже сидели лю-

ди. Я с трудом протиснулась и неплохо устроилась, как вдруг меня позвала мама. «Если встану, потом не сяду», – подумала я и крикнула:

– Мама, я тебе место заняла.

Но мама категорически заявила, что в будке мы не поедem. И мне пришлось покинуть своё место. Мама взяла меня за руку и подвела к кабине трактора.

– Я хочу ехать в будке.

– Будка не отапливается, а в кабине тепло, – объясняла мама. – Ну и что.

– Лена, в кабине уже сидел человек. Я едва уговорила его поменяться с нами местами. А ты это не ценишь, – пристыдила мама.

– Ценю, пусть он возвращается в кабину, а я займу его место в будке.

– Чего стоим, кого ждём? – донеслись из будки недовольные голоса.

– Скоро тронемся! – крикнул водитель.

– Лена! Что за упрямство?! Раньше ездила в кабине, а теперь не хочешь.

– Не хочу с тобой ехать, – прошептала я.

– Вот так новости! Чем же я не угодила? С отцом бы, наверное, 21

поехала, – обиделась мама.

– Да, с ним бы я поехала: он сумеет остановить трактор, если что, а ты – нет.

– Что?!

– Ты не умеешь останавливать трактор, – повторила я.

И тут мама всё поняла...

– А зачем мне уметь? – с улыбкой спросила она.

– Когда мы поедem, тракторист вывалится из кабины, а ты не сможешь остановить трактор, потому что не знаешь, как им управлять.

Мама засмеялась:

– Ах, вот в чём дело. Уверяю, тракторист не вывалится.

– Но он вывалился вчера – значит, вывалится и сегодня.

Водитель стоял рядом и слышал наш разговор. Он не выдержал и вмешался:

– Лена, вчера я был пьяный, поэтому и выпал из кабины, а сегодня трезвый и буду внимательно следить за дорогой.

Я недоверчиво взглянула на тракториста: – Всё равно не поеду.

Мамино терпение лопнуло – она силой затолкала меня в кабину. Тракторист ей помог.

Я была возмущена очень и решила не разговаривать.

– Александра Трифоновна, а дочь у вас с характером, – засмеялся водитель.

– Ещё с каким! – вздохнула мама.

– А знаете, это даже хорошо. Будь у меня такой характер, я б, наверное, не пил, достиг чего-нибудь в жизни, – горько улыбнулся тракторист.

Хотела сказать, что ещё не поздно исправиться. Но промолчала. Потому что должна была сдержать данное себе обещание.

После поликлиники направились в магазин. Мама работала ди-ректором клуба, проводила разные мероприятия. Ей нужно было купить призы к новомуднему вечеру.

Дома нас встретил Саша и бросился к сумкам с новогодними сюрпризами. Достал гармошку, запрыгал от радости и залепетал: – Моя гамоська, моя гамоська.

Мама попыталась объяснить, что гармошка не его. Но Саша так увлёкся, что ничего не слышал.

22

– Сынок, послушай, эта гармошка не твоя.

– Нет, моя!

Мама глубоко вздохнула и присела рядом:

– Сынок! Ты посмотрел гармошку, немного поиграл. Теперь её нужно положить в сумку.

Саша спрятал игрушку за спину:

– Я посил гамоську, ты пивизла – значит моя.

– Сашенька! Я привезла, чтобы ты её выиграл.

Брат внимательно посмотрел на маму: – Как это?

– Когда я объявлю конкурс, ты выйдешь, заберёшься на стул и споешь «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам». Твоё выступление всем понравится, и я вручу тебе гармошку, как лучшему артисту. Хорошо?

– Хосё, – Саша выпустил из рук игрушку.

До Нового года оставались считанные дни. Саша постоянно спрашивал, когда начнётся праздник. Поэтому, когда наступило долгожданное утро, и он услышал, что пора собираться на утренник, оделся очень быстро. Ему не терпелось получить заветную гармошку. Но к началу праздника мы опоздали: мой костюм Снежинки, мама заканчивала буквально на ходу.

По залу клуба дети кружились в весёлом хороводе.

– Лена, Саша, бегите, – подтолкнула нас мама.

Брат побежал, я осталась у входа.

– Не пойду.

– Почему? – спросила мама.

– Не хочу, – ответила я нахмуясь.

– Леночка, у тебя очень красивый костюм! Ты настоящая Снежинка, обязательно получишь приз. Иди к ёлке, там как раз оценивают костюмы.

– Не пойду!

Подружки позвали к себе, но я не сдвинулась с места.

– Лена, тебя девочки зовут.

Мама потянула меня за руку. Я решительно выдернула руку из тёплой ладони и вернулась к выходу.

– Что ж ты за упрямая такая! Все нервы вымотала! – рассерди-

лась мама.

23

На маму больно было смотреть. Она старалась сделать приятное нам с братом, а тут моё упрямство... Но как сказать, что мне не понравилось наше опоздание? Пришлось присоединиться к ребятам. За лучшие костюмы мы с Лидой получили одинаковые призы – жёлтых пластмассовых зайчиков с гремящими шариками внутри.

Начался конкурс на лучшее исполнение песни. Саша, растолкав детвору, с воинственным криком: «Я буду петь, моя гамоська!» пробрался к центру импровизированной сцены. Но тут неожиданно появилась девочка, резво забралась на стул и запела: «Пусть бегут неуклюже...» Саша оторопел. Для него это было верхом несправедливости. Он подбежал к девчужке и, кряхтя, стал стягивать её со стула. Завязалась борьба. Девочка прекратила петь. Она была старше, почти на три головы выше брата и, разумеется, сильнее. Но Саша не сдавался. Почувствовав, что силы покидают его, закричал что было сил:

– Гамоська моя! Мама мне обещала гамоську, а не тебе!

Вмешалась мама: отцепила Сашу от девочки и шепнула ему на ушко:

– Твоя гармошка лежит у меня в сумке. Пусть девочка споёт, а потом ты выйдешь. Хорошо?

– Хосё, – согласился Саша и немного успокоился, хотя по-прежнему боялся, что кто-то его опередит.

Под бурные аплодисменты мама вручила девочке гармошку. Не успела та поклониться, как Саша подбежал к стулу. Девочка поспешила уступить место. Брат запел, и каждое его слово будто отскакивало от зубов. Внезапно он замолчал, спрыгнул со стула с коротким «Всё!» – и бегом к маме.

– Давайте похлопаем Саше Бухарову и вручим ему заслуженный приз, – мама протянула сыну гармошку.

Праздник продолжался. Дети плясали и веселились. Мама объявила конкурс на лучший танец. Саша незамедлительно появился в центре, среди стоявших по кругу детей. Он громко озвучил танец, который собирался исполнить: «Дрын!» Ребята недоумённо переглянулись. Саша взмахнул рукой и снова крикнул: «Дрын!» Поднимая то левую, то правую руку и нечаянно разбив при этом ёлочную игрушку, начал замысловатый танец. Как хоккеист, пробежал по кругу, заставляя ребят подвинуться назад. Показал «ласточку», подпрыгнул 24

вверх и, не удержавшись, упал на ёлку. Поднялся с помощью детей, и как ни в чём не бывало, продолжил необычный танец. Все кто стоял и сидел вдоль стен потянулись к центру – посмотреть на удивительного танцора. Саша был непотворим, награждён бурными овациями и занял первое место.

* * *

Пришла весна. Настали солнечные дни. Молодая и сочная зелень приятно радовала взор. Я подошла к кровати и отвызала голубя. За зиму он поправился – время отпускать его на волю.

– Я буду скучать по тебе. Рада, что ты был в моей жизни, – прощались я с голубем, глядя ему в глаза.

Приблизила губы, и он осторожно клювом коснулся их. Прижи-мая птицу к груди, широко распахнула дверь и вышла на крыльцо.

– Смотри, какое красивое голубое небо, тёплое солнце! Тебе там будет хорошо, лети!

Я вытянула руки, и голубь вспорхнул ввысь. Сделал в небе круг и вернулся к дому. Сел на открытую дверь и стал смотреть на меня – будто благодарил.

– Я тебя тоже люблю. Береги себя и больше не ломай крыла. А если понадобится помощь или проголодаешься, найди меня.

Голубь взмыл вверх и, сделав прощальный круг, устремился в безграничное пространство. На следующий день он

прилетел вновь, сел на приоткрытую дверь. В это время я подметала пол в коридоре.

– Рада тебя видеть. Как ты, освоился? Хорошо на воле? Наверное, проголодался?

В одно блюдечко насыпала пшена, покрошила хлеба, в другое налила воды. Но птица, ни к чему не притронулась. Я приблизилась к голубю и, глядя ему в глаза, тихо произнесла:

– Что же ты не ешь?

Он смотрел на меня, не отрывая глаз.

– Да ты проститься прилетел, – догадалась я. – Знаю, ты любишь и будешь помнить меня. Нашу дружбу никогда не забуду. Будь счастлив! Прощай!

Голубь сделал прощальный круг и скрылся в небесной сини.

25

* * *

Тогда в стране царил атеизм. О Боге говорить запрещалось, но люди всё равно отмечали Пасху. К нам в гости приехала мамина родная сестра – тётя Тая с дочерью Таней. Все сели за праздничный стол. Скоро Таня захотела погулять и вышла на улицу, но к моему удивлению, быстро вернулась, позвала маму. Я вышла следом, чтобы покататься на качелях и услышала:

– Дочка, если тебе будут говорить, что Бога нет, – не спорь, мол-чи. А про себя повторяй: «Бог есть».

«Что значит Бог?» – задумалась я, поднимаясь на качелях вверх. Через минуту спрыгнула с качелей и подбежала к тётё Тае.

– Тётя Тая, расскажите мне о Боге. Впервые слышу это слово.

– Тише, Лена, не так громко, – она испуганно огляделась по сторонам, а я подумала: «Бог, должно быть, – это что-то серьёзное и важное». – За веру в Бога могут наказать. Скажу одно: Бог видит и знает всё о каждом. Ему помогают Ангелы. Они читают мысли, слушают слова, наблюдают за поступками. Записывают всё о человеке, а в Судный День покажут его плохие и хорошие дела Богу. За грехи человек отправляется в ад, жарится на сковороде, за доброту – в рай, где блаженный покой.

– А кто такие Ангелы?

– Это невидимые маленькие человечки с крылышками. Один сидит на правом плече, записывает хорошее о человеке, другой – на левом и записывает плохое.

Почему то подумала, что тётя Тая неправильно описывает Ангелов и то, что они делают. А потом моя душа затрепетала и наполнилась радостью, ощутила необычную лёгкость и восторг. Я вспомнила, что сильно люблю Бога. Наступило лето, и мы с братом пошли купаться. На пруду было много

отдыхающих. Пробираясь с братом к воде, увидела Андрея Никашевского. Он – в компании взрослых ребят. Наши семьи дружили, и я этому мальчику доверяла. Андрей приветливо махнул рукой.

– Звал меня? – спросила, подойдя ближе.

– Не я, а Вика, – Андрей кивнул в сторону двоюродный сестры.

Она приехала из города и была старше меня лет на пять. Чувствуя неладное, крепко сжала руку брата.

26

– Эй, малышня! Вы чё припёрлись на пруд? – вызывающе на-чала Вика.

Я посмотрела ей в глаза, потом – на Никашевского. Тот неприятно улыбнулся.

– Пока я в деревне, вы купаться не будете! Это мой пляж! – «кру-тая» девчонка встала в полный рост и толкнула меня.

Я упала и выпустила руку брата. Вика тут же взяла его за шкуру и, как котёнка, потащила к воде. Я ринулась на помощь, но Андрей подставил ногу. Я снова упала. Мой «друг» и вся компания, все шесть человек, захохотали. Приподнялась и посмотрела на Никашевского. Как он мог мне нравиться, лживый, двуличный человек?

Раздумывать некогда – Вика окунала брата в воду и с торжеством приговаривала: «Утоплю, уничтожу, директорское отродье!» Брат звал на помощь и вырывался. Но никто не

вмешивался. Мучительница тем временем вошла в раж.

– Отпусти брата, кому говорю! – набросилась я на Вику.

Она легко отшвырнула меня, я ушла в воду с головой. Что делать? Вика старше и сильнее. Отхлёбываясь и кашляя, посмотрела в сторону брата. Он хоть и запутался в рубашке, тем не менее продолжал бороться за свою жизнь. Я закричала что было мочи: – Пусти его! Он тебе ничего не сделал! Он совсем ещё маленький!

Вцепилась в Вику, пытаясь оттащить от брата.

– Развелось вас тут! – кричала та и топила то Сашу, то меня.

Саша судорожно глотал ртом воздух, выбиваясь из последних сил.

– Помогите же кто-нибудь! – взмолилась я, но тщетно.

«Неужели хотят нашей гибели? Выходит, помощи не от кого ждать – вся надежда на себя», – подумала я и вцепилась зубами в Викину руку. От неожиданности мучительница выпустила Сашу, и он сообразил подплыть ко мне и спрятаться за спину. Я почувствовала его дрожь и прижала к себе.

– Не бойся, никому тебя не отдам!

– Забирай щенка и проваливай! – огрызнулась Вика, потирая укушенную руку. – Сегодня не утопила – в следующий раз утоплю! Лучше не попадайтесь на глаза!

Мы выбрались из воды. Проходя мимо Никашевского и

его дру- зей, увидела на их лицах ухмылки.

– Не смейте жаловаться родителям! Пришибу! – грозно крикну- ла вслед Вика.

– Домой пришли через два часа, когда успокоились. Родители узнали об этой истории спустя много лет.

– На следующий день стало известно: бежал опасный преступник и прячется в лесу. Родители строго-настрого наказали гулять только около дома. А у меня созрел план – поймать преступника. Подружки поддержали идею, и мы пошли в лес. Забралась на дерево, чтобы осмотреть округу. И тут увидели мужчину. Он брёл по тропинке, за поясом у него висел топор. Сомнений не было – преступник! Затаили дыхание. Девочки ждали от меня действий и я закричала:

– Зэк идёт! Зэк идёт!

– Зэк идёт! Лови зэка! – подхватили подруги.

Мужчина растерянно стал озираться по сторонам.

– Вы ошибаетесь, – произнёс он, внимательно вглядываясь в моё лицо: – Лена, ты, что ль?

Наступила тишина. Мне казалось, что все слышат, как бьётся моё сердце. Преступник, оказывается, знает сельчан!

– Не узнаёшь меня? Я работаю плотником в школе, мы часто видимся с твоим отцом.

Присмотрелась – точно! Стыдно-то как... и смешно.

– Отбой! – крикнула я девчонкам и слезла с дерева.

Весть о «поимке зэка» быстро облетела село. Только и раз-

говоро- ров было, как я ловила в лесу опасного преступника... а поймала школьного плотника. Называли меня смелой. А вечером поспеши-ла встречать корову. Проходя мимо дома Никашевских, увидела Андрея и его родителей: они прощались с Викой, которая сидела на заднем сиденье машины. «Уезжает домой. Вот и хорошо», – по- думала я.

Андрей догнал меня и схватил за руку.

– Сердишься? Шуток не понимаешь? Вас никто не хотел утопить.

– А если бы утопили, то сказали: «Ой, не рассчитали!» Так, да?

28

Гладко у тебя получается. И подножку тоже не хотел ставить? – спросила, смерив «друга» презрительным взглядом.

Не дожидаясь ответа, ускорила шаг. Когда пришла в конец ули- цы, стада коров видно не было, и я присоединилась к играющим ребятам. Так получилось, что, бросая мяч, не удержала его в ру- ках. Он выкатился на дорогу. Кинулась догонять. Поднимая мяч, слышала резкий скрип тормозов, а когда подняла голову, увидела рядом с собой грузовик. Так испугалась, что не могла пошевелить- ся. Ко мне подбежал пожилой мужчина и крепко схватил за ухо. От боли едва не заплакала.

– Сейчас я надеру тебе уши, чтобы раз и навсегда запом- нила: нельзя играть на дорогах! – строго сказал мужчина. –

Водитель грузовика – мой сын, недавно из армии вернулся. А по твоей милости мог в тюрьму загреметь!

Разъярённый отец шофёра всё кричал и кричал, дёргая то одно, то другое ухо. Они пылали. Я с трудом сдерживала слёзы. «Только бы не заплакать, только бы не заплакать», – твердила сама себе.

Наконец мужчина отпустил меня и пригрозил:

– Чтобы около своего дома тебя больше не видел! Пожалуйешься родителям – пеняй на себя!

В это время показалось стадо коров, и я погнала Бурёнку домой.

Родители, увидев меня, ахнули:

– Это что такое? Кто тебе оттянул уши?

– Я не скажу, он угрожал мне.

– Кто? – встревожилась мама.

– Ну-ка рассказывай, как дело было! Не заставляй отца ходить по селу и выяснять!

Мама протянула руку к моему уху, и я закричала от боли, слёзы потекли из глаз... Разбираться с обидчиком родители пошли вместе. Примерно через два часа на пороге появился тот самый по-жилой односельчанин и, пряча глаза, извинился. Спустя несколько недель уши стали такими же, как и раньше. Глядя в зеркало, радовалась их прежнему виду.

* * *

Лето подходило к концу. Деревья надели багряные, жёлтые наряды. Хотелось скорее сесть за парту, чтобы научиться читать и

29

писать.

– Доброе утро, – разбудила меня мама первого сентября. Не спеша приоткрыла глаза. Щурясь, бросила взгляд на маму и, улыбаясь, произнесла:

– Доброе утро, мамочка!

После завтрака с волнением надела коричневое платье, белый накрахмаленный фартук, белые гольфы и туфли. Густые тёмно-русые волосы мама заплела в ровные косы, украсила их большущими бантами и, сделав шаг назад, восторженно посмотрела на меня:

– Какая ты красивая!

Сердце радостно забилося, когда с роскошным букетом цветов вышла с мамой и братом за калитку.

Восьмилетняя школа стояла рядом, поэтому мы не торопились. Папа уже давно был на работе – заканчивал последние приготовления к празднику. Пахло опавшими листьями. Свежий осенний воздух бодрил. Шуршали под ногами листья, а Саша с удовольствием пинал их новыми ботинками.

Школьный двор пестрел красивыми букетами цветов. Нарядные дети и их родители с нетерпением ждали торжественного момента. Мама за руку подвела меня к сверстникам, а учительница поставила второй по росту после какого-то мальчика.

На крыльцо вышел папа в новом костюме. Он выдержал паузу и начал речь, я гордилась им.

– Вон дочь директора, – донесся голос из-за спины. Я обернулась. Женщины переглядывались и перешёптывались, кивая в мою сторону. Дети рядом указывали на меня пальцами. Стало неловко.

Потом выступила Любовь Михайловна Никашевская, моя первая учительница. Как только закончила, ученики подбежали к ней с цветами. Вручила свой букет и я. И вот будущие выпускники поздравляют малышей. С волнением жду подарка! Когда восьмиклассники вернулись на место, я поняла, что меня обошли. Ловила на себе любопытные взгляды и, одна обделённая, слышала, как стучит моё сердце.

– А дочке-то директора ничего не подарили, – ухмылялись ребята.

Хотела осчастливить людей своим приходом, а они меня отвергли! Не сказала ни слова, ничего не сделала, а меня ненавидят! Зря 30

я ждала праздник!

Захотелось убежать куда-нибудь! Но вспомнила, как ро-

дители учили терпеть, быть выдержанной. Мучаясь, продолжала стоять и делать вид, что ничего страшного не случилось. Много позже я нашла подходящее слово тому, что произошло на линейке, – «интрига».

Домой вернулась без настроения и с порога озадачила вопросом: – Мама, почему всем дали блокнот, цветы, а мне нет?

Мама объяснила это тем, что у папы важная работа, поэтому у него много завистников, которые разными способами пытаются ему досадить. Один из вариантов – сделать это через меня.

– Не буду учиться в этой школе! Меня там не любят!

Мама задумалась, перестала гладить бельё, попросила присмотреть за Сашей, чтобы тот не стянул горячий утюг, и куда-то ушла. Но скоро вернулась и как ни в чём не бывало, продолжила работу.

Вдруг во дворе залаяла собака, и кто-то робко постучал в окно. – Лена, глянь, кто там.

Я встала с кровати и отодвинула штору: – Мам, там мальчик.

– Узнай, чего он хочет.

Я вышла на крыльцо дома.

– Лена, извини, что вовремя не подарили тебе цветов. Со всем запутались... – виновато сказал гость, протянул красивый букет и ушёл.

– Мама, смотри, мне подарили цветы! Меня любят! Я пой-

ду в школу и буду учиться! – счастливая, вбежала в комнату.

Спустя годы мама признается: «Зная твой упрямый характер, поняла: учиться не пойдёшь. Нарвала в саду цветов – и бегом в школу! Подбежала к первому встречному восьмикласснику и попросила его вручить тебе букет».

В школу летела, словно на крыльях! Желание учиться было велико! Но тут же сникла, натолкнувшись на злые усмешки и колкие взгляды.

Домой вернулась грустная. Мама поинтересовалась, что произошло.

– Всё по-прежнему: я никому не нужна, меня не любят...
31

– Главное – мы тебя любим! – утешала мама, – а на завистников не обращай внимания. Ещё не раз столкнёшься с завистью, поверь.

– Я не хочу так жить!

– Никому не позволяй рушить свою жизнь! Тебе нужно учиться. Получишь хорошее образование – найдёшь работу по душе, не будешь ни от кого зависеть.

– Мама, давайте уедем отсюда.

– Когда-нибудь это произойдёт, но только не сейчас.

– Почему?

– Время не пришло.

В это время папа вернулся с работы. Тут же раздался звон стекла – в комнату влетел острый камень. Саша играл на

полу и ближе всех сидел к окну. Просто повезло, что его не задело! Папа быстро догнал злоумышленника: им оказался ученик школы. Папа мог ударить хулигана, но сдержался и только пригрозил ему.

Внутреннее знание не помогло мне избежать неприятностей, так как я была маленькой и зависела от родителей, которые, к сожалению, доверяли только своему опыту.

Помню старый заброшенный дом: на покосившейся двере висел огромный амбарный замок. Так хотелось хоть одним глазком заглянуть внутрь! И вот однажды замка не оказалось.

«Да здравствуют приключения!» – подумала я и побежала за Натшей и Светой, чтобы вместе отправиться за сокровищами.

Около соседнего дома сидела дряхлая старушка. Она хитро щурилась, наблюдая за нами, словно намеревалась сделать что-то нехорошее. Мы вошли в дом и оказались в длинном коридоре, в конце которого уткнулись в запертую дверь. Куда идти теперь? Осмотревшись, обнаружили лестницу, ведущую на чердак. Не всё потеряно! Я уже собралась залезть наверх, как через щель в стене увидела: старушка подошла к двери и... закрыла вход!

«Ловушка!» – подумала я.

– Никто не станет нас здесь искать! – завизжали подружки.
– Мы погибнем! И всё из-за тебя!

Я испугалась, но виду не подавала. И потом, безвыходных

аций не бывает! Солнце пробивалось сквозь щели в стене, слабо освещая коридор. И тут пришло озарение: нужно расширить щель! Немедленно приступили к работе. Хорошо, что пристройка дома, в которой мы находились, была сделана из глины. Через несколько минут мы сделали приличную дыру в стене и выбрались на свободу.

Света и Наташа всё ещё сердились на меня, а я смотрела на них и улыбалась, потому что была счастлива, что живу и что оказалась сильнее обстоятельств.

По возвращении домой решила разобрать игрушки и вдруг обнаружила: жёлтый пластмассовый зайчик повреждён. Вспомнила, как Лида жаловалась на то, что уронила новогодний подарок. Тот треснул, и из него выкатились шарики. Подруга сокрушалась, а я ей сочувствовала. Догадавшись, что Лида поменяла игрушки, побежала к ней.

– Лида, возьми своего зайца, а мне отдай моего!

– Я не меняла зайцев, – сказала подруга и отвела взгляд.

– Ты же сама рассказывала, как уронила зайца, как шарики выкатились.

– Я не брала твоего зайца! Уходи! – сказала Лида и толкнула меня.

– Не уйду, пока не признаешься и не вернёшь моего зайца! – не сдавалась я.

Лида схватила веник, стоявший у печки, и, недолго думая,

стук- нула меня.

– Ты что творишь? – вырвала я веник.

– Не хочу слушать тебя, уходи! – подруга снова меня толкнула. – Ну, всё! – сказала я и бросилась на Лиду.

Завязалась драка. Мы выскочили на улицу. Я первая решила прекратить потасовку и уже направилась к дому, как Лида окликнула меня. Подумала, что она хочет извиниться, и обернулась, а тут – как- меня ударил прямо в лицо. В глазах внезапно потемнело, пришло ощущение, что отсутствую в физическом мире. Но когда почувствовала тупую боль в области головы и резкую боль в районе глаз, то поняла, что жива. Теперь я боялась открыть глаза и не увидеть свет. Наконец, собралась с силами и, щурясь от боли, медленно подняла веки. Сквозь слёзы увидела закат и сильно обрадовалась.

33

– Доченька, что с тобой? – спросила мама, встретив меня дома. – А что? – как будто ничего не случилось, ответила я.

Мама взяла меня за плечи, и со слезами на глазах сказала: – Лена! У тебя фиолетовое пятно почти во всё лицо и чёрное пятно под глазом!

Мне не хотелось выдавать Лиду, но после долгих уговоров обо всём рассказала. Мои родители немедленно направились к Лиде домой. Мы ждали, что она, её мама или папа подойдут ко мне и извинятся. Но, к нашему общему изумле-

нию, этого не произошло.

На следующий день, возвращаясь из школы, заметила возню возле калитки нашего дома. Пять девочек окружили Лиду и били её. Войти во двор я не могла и ждала, когда всё закончится. Папа увидел драку и вышел на крыльцо.

– Твою подругу избивают, а ты смотришь, – попытался пристыдить меня папа.

«Она мне не подруга! Пусть сполна за всё получит! Может, умнее станет! И почему должна помогать человеку, который обманул и чуть не лишил меня зрения?» – подумала я и перевела взгляд на Лиду.

На неё навалились девочки и уже успели поставить по синяку под каждый глаз. Не выдержав напряжённого папиного взгляда, кинула портфель на забор и полезла в драку. «Шухер! Директор смотрит!» – раздалось в толпе. Девочки разбежались, а Лида, стряхивая пыль со школьной формы, с упрёком спросила:

– Почему ты так долго стояла и смотрела?

«А почему должна была вмешиваться? Ты даже не извинилась за вчерашнее», – мелькнуло в голове.

– Но и на том спасибо, – сказала Лида, подняла портфель с земли, отряхнула его от пыли и пошла домой.

Чувствовала: дома предстоит серьёзный разговор. И не ошиблась.

– О чём ты думала, когда били твою подругу? – строгим

тоном спросил папа, не успела я переступить порог дома.

Не хотелось ответом обижать папу, и я промолчала.

– Лена, представь себя на её месте.

«Уже была на её месте», – подумала я и решила сменить тему: – Папа, расскажи, пожалуйста, историю нашей деревни.

34

– Не уходи от разговора.

– А ты обедал?

– Нет.

– Тогда пойдём за стол. Знаешь, я сегодня пятёрку по чтению получила...

За столом вспомнила, как не хотела идти на новогодний утренник. Если бы я настояла на своём и не пошла на праздник, как хотела мама, то всё сложилось бы иначе. Мне бы не вручили зайца за костюм снежинки, не было бы ссоры с Лидой и этой злополучной драки. Поняла, что моё упрямство было не пустым капризом, а своеобразной реакцией на будущую ситуацию. Поэтому для себя отметила, что надо полностью доверять своим ощущениям и защищать их.

Опоздание было для меня предупреждающим знаком.

* * *

– Прошла зима. Наша семья ждала рождения малыша.

Мама уже лежала в больнице. В один из дней папа получил зарплату и купил давно обещанную игру «Конструктор». Я была на седьмом небе от счастья – сбылась давняя мечта!

– Будешь играть, как только сделаешь уроки, – сказал папа и по- ложил коробку на шкаф.

Он ушёл, а я со слезами на глазах стала строчить письмо маме, в котором описывала свою любовь к ней и желание скорее увидеть- ся. Чуть-чуть успокоившись, вернулась к урокам. Когда папа зашёл в дом, в первую очередь спросил:

– Уроки сделала?

– Да, – хмурясь, ответила я.

– Тогда бери конструктор и играй.

Грусть как рукой сняло! Как же здорово собирать из деталей стул, качели, машину! Так увлеклась, что забыла про улицу.

Спыхватилась, когда солнце клонилось к закату. Забежала к Лиде домой (мы поддерживали отношения) и позвала погулять в лес. Кое-где пробивалась зелёная трава, серый подтаявший снег лежал неровными сугробами. Особенно любила высокий бугор, с которого весной рано сходил снег. Здесь возвышался могучий дуб,

словно главный страж окружающего мира.

– Ты уверена, что твоя мама вернётся? – вдруг спросила

Лида, когда мы устроились на зелёной траве под дубом.

– А как же иначе?

– Она может умереть при родах.

До этого момента я не думала о смерти, считала, что люди жи- вут вечно. Слова Лиды неожиданно напомнили, в каком мире живу. Представила жизнь без мамы, и больно сжалось сердце! Возникло непреодолимое желание остаться одной.

– Лида, иди домой.

– А тебе не страшно остаться в лесу без меня?

– Нет.

– Ну, как знаешь, – протянула Лида и пошла прочь.

Когда силуэт Лиды исчез за деревьями, уткнулась лицом в траву, и слёзы потекли по щекам. Казалось, что и лес плачет вместе со мной, сочувственно шумит и пытается утешить.

– Мамочка, пожалуйста, не умирай! Я так сильно тебя люблю, что не выдержу, если ты умрёшь! Пожалуйста, живи! – твердила сквозь слёзы.

Уже стемнело, появились первые звёзды. Поднялась с земли, отряхнулась и прислонилась к могучему дереву. Обведя усталым взглядом поляну, поблагодарила лес за незримое сочувствие и медленно побрела по тропинке домой.

* * *

В день маминой выписки из роддома не отходила от окна, боясь пропустить момент, когда приедут родители. И вот долгожданная минута наступила: возле ворот остановилась

машина. Из неё вышли папа и мама, они улыбались. Папа нёс в руках маленький свёрток, перевязанный розовой лентой.

Не обуваясь, бросилась на улицу. Саша, сунув ноги в ботинки и схватив на ходу куртку, выбежал за мной. Мама широко распахнула свои объятия, и я с размаху прижалась к её тёплой груди. Брат повторил моё движение, и получилось, что он обнял и маму, и меня.

– Лена! Шагом марш домой! Стоишь на снегу разутая, не одетая! – пытался быть строгим папа, но выражение его лица говорило

36

совсем другое.

Нового человечка в нашей семье называли Наташей. Мама объяснила нам, как правильно обращаться с маленькой сестрёнкой. Я была необыкновенно счастлива оттого, что нахожусь рядом с мамой, живой и невредимой, и молча говорила: «Мамочка! Я сделаю всё, чтобы ты гордилась мной и радовалась моим успехам. Никогда не брошу ни тебя, ни папу. Буду опорой вам и детям вашим».

* * *

Весна набирала обороты – всюду зелень и благоухание. После обеда зашли подруги, и мы отправились на прогулку в белоснежный лес, наполненный необыкновенными арома-

тами. Слушая зву- ки леса, с упоением вдыхая запах цветущей черёмухи, я ощущала себя как в сказке.

Девочки сказали, что вчера в своих волосах обнаружили клещей. И теперь без платка в лес не ходят. Насторожилась: я же была без платка...

– Придёшь домой – расчеши волосы. Если расчёска будет за что- то зацепляться, значит, к коже присосался клещ, его нужно снять немедленно, – наперебой советовали Света и Наташа.

Я забежала в дом, быстро подошла к зеркалу и расплела косу. Длинные густые волосы упали волнами на плечи и спину. Приня- лась аккуратно их расчёсывать. И тут расчёска «запнулась». Напра- вила пальцы к этому месту и обнаружила пупырышек. Закричала от страха, бросила расчёску на кровать и помчалась в клуб. Запла- канная и испуганная, я подбежала к маме и с трудом выговорила: – Мама, у меня, наверное, клещ, посмотри...

Мама быстро отыскала на голове клеща и осторожно оторвала его от кожи. Показала неприятное насекомое и раздавила ногой. – Иди домой и обработай ранку йодом! – велела мама.

Но я этого не сделала – испугалась, что будет щипать. Да и как найти место укуса? Интуиция подсказывала, что история с клещом будет иметь продолжение. Так и случилось.

Несколько недель спустя на голове появились чешуйки. Мама подумала, что это лишай, и помазала какой-то ма- зью. Болячка не прошла, а, наоборот, увеличилась в разме- ре. Женщина-врач пред-

ложила странный способ лечения: посыпать место пеплом от сигарет и пить какие-то таблетки. Мама засомневалась, но мнению специалиста доверилась. Спустя время, кожа начала гноиться. Родители решили остричь меня наголо.

Неужели у меня никогда больше не будет таких пышных шел- ковистых волос? Родители утешали, мол, вырастут, и даже лучше прежних. Немного успокоившись, села на стул перед шифоньером с зеркалом, папа накрыл плечи просты- нёй, взял большие ножницы. Раз – и отрезал заплетённую ко- су. Слёзы потекли из глаз. Мама наклонилась ко мне и при- жала к груди. Я видела, как мои пережи- вания терзают ду- ши родителей, и постаралась взять себя в руки, чтобы не рас- страивать их. Затем в ход пошла электрическая ма- шинка. Она жужжала, а я разительно менялась.

– А как я теперь в школу ходить буду?

– В платочке, доченька, – со слезами на глазах отозвалась мама.

После стрижки долго разглядывала себя в зеркало, пыта- ясь при- выкнуть к новой «причёске»: как жить дальше в та- ком облике?

Одноклассники в школе мой новый образ встретили немного удивлённо. Когда узнали, в чём дело, пожалели. Однако скоро перестали сочувствовать, и принялись дразнить «лысой». Пропало желание учиться. А через некоторое время отекли ноги, затем покрылись красными пятнами и стали гноиться. Каждый шаг отзывался болью во всём теле и давался с невероятным трудом, поэтому я перестала ходить в школу. Голова полностью покрылась гнойной коркой. Родители вновь повезли меня в районный центр. Папа проводил нас с мамой до больницы, а сам направился по своим делам. Зашли в кабинет, и мама сказала врачу:

- Ваш рецепт только ухудшил положение.
- Крепитесь, мамаша, – врач беспомощно развела руками,
- остаётся одно – ждать конца...

Мама заметно побледнела. Однако за дверями кабинета твёрдо произнесла:

- Дочка, я не собираюсь мириться с этим диагнозом! Пойдём!

В другом кабинете, где также удушливо пахло лекарствами, за столом сидел мужчина в белом халате и просматривал записи в журнале. Мама обстоятельно передала ему суть дела, однако эскулап ничего нового не сказал. Мама заплакала и упала перед ним на 38

колени:

– Прошу, дайте направление в областной центр.

Врач отрицательно покачал головой. Превозмогая боль в ногах, я подошла к маме и положила ладонь на её плечо:

– Мама, поехали домой.

– Что вам стоит написать бумажку? От этого жизнь ребёнка за- висит! – не обращая на меня внимания, рыдая, мама продолжала упрашивать врача.

Тот сочувственно вздохнул и, наконец, взял ручку: – Никому не говорите об этом, а то мне влетит.

Мама встала с колен, вытерла слёзы и низко поклонилась. Мы вышли из кабинета, и она эмоционально произнесла:

– Теперь папа отвезёт тебя в Саратов, а там вылечат.

Я была рада не столько своему будущему выздоровлению, сколько тому, что прекратилось мамино унижение. И ещё была сердита на докторов за то, что заставили мою любимую мамочку плакать. Грустно было и оттого, что я своей болезнью вынуждаю родителей много хлопотать и волноваться.

Папа вернулся в больницу, и мы вместе вышли на улицу. Затем мама поехала на железнодорожный вокзал за билетами, а мы с папой отправились кое-что купить для больницы. Папа всё время носил меня на руках. Было неловко пе-

ред людьми, а ещё я жалела папу. На перроне, возле вагона, мы обнялись с мамой на прощание.

Кожа головы сильно гноилась и ходила ходуном, будто болото. Через бинты чувствовался неприятный запах. В областной больницы — папа положил меня на кушетку. Молоденькая медсестра, увидев, кого привезли, убежала. Папа гладил мои ноги, и этим опухшим, покрытым корками ногам становилось легче.

— Всё будет, доченька, хорошо. Ты поправишься, — успокаивал папа.

Почти задремала, как вдруг услышала приближающиеся шаги. Неторопливо подняв веки, увидела перед собой радостную медсестру.

— Девочка! Тебе так повезло, слов нет! Едет сам профессор! Это единственный человек, который объяснит, что с тобой, и поможет тебе поправиться! — сказала она.

39

Сейчас, по прошествии лет, я и родители знаем, что причина моей тяжёлой болезни — укусы энцефалитного клеща. Но тогда никто не мог понять, почему я заживо гнию.

Что-то трогательное было в том, как вся больница ждала профессора. Персонал суетился, а в глазах папы горела нескрываемая надежда. Спустя час по коридору в сопровождении «свиты» в белых халатах, бойко шёл профессор. Это была женщина.

– Тебя как зовут? – обратилась она ко мне с улыбкой.

– Лена, – устало ответила я.

– Ты встать можешь?

– Да, могу.

И тут же попыталась выполнить это нехитрое для здоровых людей действие. Ноги не послушались и подкосились. Папа под- держал меня.

– Ничего-ничего, поправишься, – улыбнулась профессор.

Она погладила меня и ушла, за ней потянулись остальные. Скоро вернулась молоденькая медсестра и радостно сообщила:

– Собрали консилиум: будут решать, как лечить. Вы даже не представляете, как вам повезло! Не к каждому больному профессор приезжает самолично!

И медсестра ушла, восторженно поглядывая на нас. Думаю, ей хотелось понять, осознаём мы своё счастье или нет.

Через час папу позвали на беседу, а когда он вернулся, нас послали в лабораторию, где папу попросили освободить от повязки мою голову. Он с трудом снял прилипший гнойный бинт, но не весь. Где-то из середины головы врач пинцетом вытащила волосок и спросила:

– Лена, тебе больно?

– Я ничего не почувствовала.

Папа испуганно посмотрел на врача. Меня попросили

выйти в коридор, и медсестра проводила до стула, а сама зашла в кабинет. Когда папа вышел, я заметила слёзы на его глазах. Никогда прежде не доводилось видеть его таким. Он отвёл от меня взгляд и, достав платок, коснулся им лица.

– Папа, почему ты плачешь? – с тревогой спросила я.

Папа молча взял меня за руку, и мы не спеша отправились в дру- 40

гой кабинет. Две женщины, помогая друг другу, сняли весь бинт с моей головы. Обработали её жидкостью, и одна из них стала, скальпелем соскабливать гной.

– Тебе больно? – спросила врач.

– Нет, я ничего не чувствую.

Было неприятно видеть, как эта отвратительная субстанция вместе с кровью летит во все стороны. Периодически сгустки гнойной массы врач сбрасывала в специальную посуду. Когда со-скабливание завершилось, я подумала, что на этом меня отпустят, но началась другая процедура. Врач взяла ножницы и стала разрезать кожу на голове ото лба. Боль не ощущалась, но от этого неприятное чувство только усиливалось, и я съёжилась.

– А у меня волосы вырастут?

– Делаем всё для этого, – тепло ответила женщина.

Полагаю, врачи тогда думали в первую очередь о спасении моей жизни.

Мне обработали голову жёлтой жидкостью, затем намаза-

ли чёрной мазью с неприятным запахом и плотно перебинтовали. Голове впервые за последнее время стало приятно и легко. Меня попросили снять сапоги и колготки. Но чрезмерная полнота воспалённых ног мешала свободно двигаться. Медсестра сняла наполовину зашнурованные войлочные сапоги, колготки и уложила меня на кушетку. Удалили гной и на обнажённые ноги навели голубой свет лампы. Очень скоро выключили лампу и обработали ноги чёрной мазью, после чего перебинтовали их и сделали укол. В палате, куда меня отнесли, я тут же заснула.

Через некоторое время разбудила медсестра, передала вещи и продукты от папы. Мне очень хотелось поговорить с ним, но в палату его не пустили. Я снова заснула, теперь уже до вечера.

– Леночка, тебе нужно собраться с силами и пойти в процедурный кабинет. Сможешь? – ласково обратилась ко мне медсестра. – Постараюсь.

Медсестра помогла дойти до процедурного кабинета. Вновь сняли бинты с ног и убрали скопившийся гной.

– Краснота стала слабее. Если так и дальше пойдёт, скоро бегать 41

будешь, – заметила врач.

– Правда?! – радостно воскликнула я.

– Конечно, правда, – улыбаясь, ответила врач, завершая процедуру.

В палате, как водится, познакомилась с соседками и выслушала историю болезни каждой. Немолодая женщина потрясла своим терпением и мужеством. Её тело было сплошь покрыто незаживающими ранами, ямками от болячек. Горестно вздыхая, она рассказывала, как из ран постоянно течёт гной разного цвета и густоты, что простыни меняют дважды в сутки.

– Это неизлечимая болезнь? – спросила я у неё.

– Не знаю.

– А вчера привезли мальчика... Он тут уже два раза лежал, – донёсся голос из дальнего угла палаты.

С тревогой задумалась о том, что ждёт меня дальше. Но тут женщины принялись угощать различными сладостями, и страшные мысли быстро рассеялись.

Прошёл месяц. Я играла в коридоре с девочками в «догонялки».

Меня остановила медсестра и сказала:

– Лена, беги в приёмную, мама приехала!

Я стремглав помчалась к центральному входу.

– Мама! – закричала я издалека, бросаясь в родные объятия.

– Уже бегаешь? Какая молодец! – воскликнула мама, обнимая меня.

– Правда, иногда ноги подкашиваются, ещё не совсем окрепли, – сияла я от счастья.

– Доченька, я тебе привезла фруктов, орехов, конфет. Целый чемодан!

– Спасибо, мамочка, огромное! Обязательно всё попробую, но позже. Давай лучше поговорим. Как вы живёте?

Не ожидая от меня таких слов, мама прослезилась. Мы долго беседовали по душам, пока мама не сказала, что ей пора на поезд.

Скоро меня перевели в другую палату. Перед сном девочка с соседней кровати спросила меня:

– Хочешь с Богом поговорить?

Слово «Бог» звучало в моей жизни второй раз. Мне нравилось, как оно звучит, и то представление, которое у меня сложилось о Боге. Теперь же мне предлагают с Ним поговорить. Я обрадова-

лась и взволнованно произнесла:

– Хочу! А как?

– Дождись, когда все заснут: нужна полная тишина, – заговорщически прошептала соседка. – Затем распрями левую ладонь, указательным пальцем правой руки проведи круг три раза и при- слони к нему ухо. Затаись и слушай, что Он скажет. Бог очень занят, поэтому, возможно, сразу не ответит, но ты жди.

Наконец, все утомонились, наступила тишина. Наглухо

закрыв- шись одеялом, сделала всё, как сказала девочка. Не услышав голо- са Бога, сильнее прижала к уху ладонь – и снова ничего. Вспом- нила предупреждение девочки о занятости Бога и стала терпеливо ждать, когда Он освободится.

Уже светало, и Бог мог ответить в любую минуту. Девочка, ко- торая поделилась секретом, проснулась. Увидев, что я не сплю, ис- пуганно спросила:

– Ты что там делаешь?

– Жду Бога, – прошептала я.

– Ты что, под одеялом вот так на корточках всю ночь про- си- дела?

– Да, а что?

– Седьмой час, а ты ещё не спала.

– А я и не хочу. Мне бы Бога дождаться. Иначе он дове- рять не станет, – произнесла я, не отрывая ладони от уха.

– Лена! Ты что, шутки не поняла?

– Какой шутки?

– Разговор с Богом – это же шутка, – девочка с удивлени- ем посмотрела на меня и продолжила: – Не думала, что пове- ришь. Чтоб не спать до семи утра... Я бы не смогла. Прости.

Девочка вышла из палаты. «Как можно так шутить?» – по- ду- мала я и стала, преодолевая боль, распрямлять затёкшее тело. Для меня было истиной: если человек говорит, значит, он так думает, чувствует. А по-другому зачем? «Люди в об- мане видят выгоду», – вспомнила слова родителей. «В обма-

не нет никакой выгоды – одно разочарование и боль! Ложь запутывает и усложняет жизнь. Не понимаю, почему люди отказываются от правды. С ней чувствуешь себя свободным и счастливым!» – с этими мыслями я задремала. Разбудил громкий голос нянечки. В палате было шумно.

43

В углу на коленях, на рассыпанном горохе, стояли мальчик и девочка. Колени их кровоточили.

– Что происходит? – чуть слышно прошептала я.

– Нянька злится! Ещё насмотришься, привыкай, – ответила соседка по кровати.

В палату зашёл дежурный по столовой и стал приглашать на завтрак, а когда увидел наказанных, поспешил к ним.

– Это что такое? Кто это вас? – изумился он и стал поднимать малышей с колен. Дети сопротивлялись и дрожали:

– Мы виноваты, нам и отвечать.

– Так, всё ясно. Дети, где нянечка? – обратился дежурный к присутствующим.

Никто не вымолвил и словечка.

– Ну ладно, сейчас выведу её на чистую воду! – сказал молодой человек и ушёл.

Через пятнадцать минут пришла заведующая отделением.

– Вас нянечка наказала? – спросила она.

– Если мы скажем, нас накажут ещё сильнее, – отозвался

мальчик. – Тогда я её уволю! Вставайте, не бойтесь.

Заведующая помогла детям подняться. Ноги ребят и го-рох на полу были перемазаны кровью. Нянечка получила строгое пред- упреждение. Но свои методы «воспитания» не оставила.

Как-то незаметно для себя стала любимицей многих тех, кто работал и лежал в больнице. «Хочу, как все дети, баловаться, не слушаться, проказничать», – решила я однажды. Сказано – сделано, и во время тихого часа предложила игру:

– Пусть каждый простыню привяжет к обеим спинкам кровати так, чтобы получилась крыша.

Мальчишки и девчонки с азартом включились в новую забаву. Когда «крыши» были готовы, а я проверяла крепость узлов, раз- дался крик: «Нянька идёт!»

Дети кинулись развязывать простыни. Свою простынь я, как и многие ребята, не успела развязать. Зашла нянечка.

– Кто это сделал? – грозно спросила женщина. – Кто зачинщик?

От страха сжалось сердце... «Свободы захотелось? Дока- тилась, примерная девочка», – корила себя.

Нянечка подошла к первой попавшейся кровати и сдёрнула оде- 44

яло. Девочку схватила за плечи и затрясла:

– А ну-ка признавайся! Кто это придумал? Не скажешь – на го-рох поставлю!

Девочка испуганно указала пальцем в мою сторону. Ня-нечка удивлённо подняла брови.

– Если не наговариваешь, то я прощаю Лену. А теперь всем спать! – с этими словами женщина вышла из палаты.

Я облегчённо вздохнула и о нянечке подумала с благодар-но-стью. Немного погодя ребята зашушукались:

– Если бы кто из нас такое выкинул, точно не поздорови-лось, а вот Леночке всё с рук сошло.

– Ну, а что? Она у нас самая послушная, её можно и про-стить. – Да, ну и отчебучила она. Такого от неё не ожидал.

Тут вошла нянечка и строго произнесла: – Что ещё за раз-говоры?

В палате вмиг стало тихо.

Перед ужином медсестра вручила письмо от мамы, из ко-торого я узнала, что она выслала мне таблицу умножения: вспомнила, что перед тем, как поехать в больницу, родители купили мне своео-бразную игрушку – таблицу умножения в кубиках. «А вдруг по-сылка придёт, когда меня выпишут из больницы?» – забеспокои-лась я и села писать ответ.

Дорогие мои мамочка, папочка, Саша и Наташа!

«Очень странно, что мама вместо белой бумаги, как обыч-но, положила в конверт обложку от тетради. На зелёной бу-

маге хуже писать, да и читать тоже. Белые листы, что ли, у них кончились?» – подумала я и продолжила:

Сегодня я, как обычно, пошла на процедуры. С головы сняли бин- ты, а делать ничего не стали. Сказали, чтобы я шла в душ голову мыть. Я даже переспросила, потому что подумала: слышалось. А когда повторили, побежала в душ. Оказалось, у меня на голове есть волосы длиной в пять миллиметров, я от радости чуть не заплакала. Сдала все анализы, и скоро будет ясно, отпустят меня домой или нет. Мамочка, папочка! Приезжайте к

45

Новому году. Уверена, меня к этому времени выпишут. Я так рада, так рада! Таблицу умножения высылать не нужно: я скоро приеду домой. Целую вас много раз и люблю. До свидания.

Ваша дочь Лена

В конце письма нарисовала, какой длины у меня волосы на голове, и обвела левую руку. Вложила письмо в конверт и побежала искать нянечку. Она обещала после ужина опустить корреспонден- цию в почтовый ящик.

Лишь вернувшись домой, узнаю, что мама не собиралась высы- лать кубики: таблица умножения была на зелёном тетрадном листе, который я вернула с ответом.

* * *

Приближался Новый год. Я вместе с ребятами делала из бума- ги гирлянды и фонарики, вырезала снежинки. Мечтала встретить праздник дома. Ко мне подошла медсестра и попросила зайти в ка- бинет главврача.

– Леночка, ты здорова, – объявила врач.

Я подскочила на стуле:

– Значит, могу ехать домой?

– Хоть сейчас. Но без взрослых, сама понимаешь, не могу тебя отпустить, поэтому дождёмся родителей. Как они приедут, сразу ко мне. Хорошо?

Кивнула головой и пулей вылетела из кабинета. Мне хотелось поделиться со всеми своей радостью, рассказать о выздоровлении.

– Мама, смотри, это моя невеста Лена, – услышала я и остано- вилась.

– Леночка, подойди, пожалуйста, ко мне, – попросила женщина, которая держала мальчика за руку.

Я подошла и вопросительно посмотрела на женщину.

– Ах, вот ты какая! Дай-ка тебя рассмотреть. Мой Андрюшка все уши про тебя прожужжал. Ты и впрямь красавица! Придёшь к нам в гости? Конечно же, не сейчас, а когда выпишешься. Да и Ан- дрюшка поправится. Он уже лежал здесь несколько месяцев назад,

но всё заново началось.

– А я уже здорова, мне не дают таблеток и уколов не делают. Жду родителей, чтобы уехать домой, – похвасталась я.

– Поздравляю тебя, Леночка. Очень рада за тебя. Андрюша, слышал? Невеста твоя выписывается, и что ты будешь делать?

– А я её не отпущу, – отрезал мальчуган, приблизился ко мне и крепко обнял.

Я с возмущением оттолкнула мальчика и нахмурила брови: – Никакая я тебе не невеста!

– Невеста! – заупрямился Андрей.

Поняла, что спорить бесполезно, и побежала прочь. Андрей крикнул мне вслед:

– Я люблю тебя, Лена!

Обернулась и посмотрела в его глаза: они не лгали. Мама Андрея развела руками:

– Это так, Леночка, ты наша невеста.

Всё это было как-то неожиданно и странно. Я не знала, как реагировать, и побежала дальше. До меня доносились слова Андрея: – Ты моя невеста! Не забывай, я тебя люблю!

Я тут же вспомнила Серёжу, который каждое утро клал под мою подушку фрукты и сладости.

– Наверное, он тоже меня любит, – подумала я и скрылась

за углом коридора.

* * *

До Нового года оставалось три дня. Я ждала родителей каждый час, каждую минуту и поэтому, немного грустила, что они до сих пор не приехали за мной. Вместе с ребятами сидела за столом и прикрепляла к нитке вату. И вдруг:

– Леночка, смотри, кто к тебе приехал!

Оглянулась и... увидела папу.

– Папа, папочка приехал, миленький мой! – бросилась я в его объятия, прижалась к нему. – Ты один? А мама где?

– Дома.

Мне немного взгрустнулось, так как сильно соскучилась по маме, но потом сказала себе, что скоро её увижу, и улыбнулась папе.

47

Тем
временам,
шумная
подготовка
к
Новому
году

приостановилась, ребята смотрели только на нас.

– Не отвлекайтесь! – одёрнула их новая нянечка.

Дети, словно очнувшись, снова уткнулись в поделки.

– Я тоже домой хочу! – слышался плач.

Мы с папой поспешили к заведующей отделением. Папа высказал искреннюю благодарность за моё эффективное лечение и поздравил весь медицинский персонал наступающим праздником, подарил врачам духи, а нянечкам и санитаркам – конфеты.

– Лене долгое время нельзя будет отращивать волосы: они ещё слабые, – напутствовала нас на прощание главврач и, заметив, как сильно я расстроилась, добавила: – Просто чудо, что ты осталась жива. Если честно, мы ни на что не надеялись. И то, что у тебя появились волосы, – это чудо вдвойне. Береги себя!

После того как мы с папой ещё раз поблагодарили всех, я убежала собирать вещи. Попрощалась с ребятами и, выйдя из палаты, громко отапортовала папе:

– Я готова!

– Ну, раз готова – пошли на выход!

В подвале получила верхнюю одежду. Как я соскучилась по своему пальто, шапочке и сапогам! Всё это быстро надела и вперёд папы выскочила на улицу. И тут сказались два с половиной месяца больничной жизни – я стала задыхаться.

– Давай постоим, чтобы ты немного привыкла к свежему

возду- ху. Сделай глубокий вдох и выдохни, – посоветовал папа.

Легче не становилось, но я нашла в себе силы, чтобы сказать папе:

– Пойдём потихонечку.

– А я тебе подарок привёз – меховую шапку с длинными ушами, о которой ты мечтала.

Я от радости захлопала в ладоши. Папа достал из пакета мохнатую шапку, я быстро взяла её из его рук и коснулась лицом меха.

– Какая мягкая... Папочка, спасибо большое, – я обняла его и поцеловала. – А можно её надеть?

– Даже нужно: вижу, старая шапка тебе уши не закрывает. Так и простудиться недолго. Не замёрзнешь переодевать?

48

– Нет, не замёрзну, я быстро.

Сняла осеннюю шапочку и надела зимнюю ушанку.

– Как уютно, тепло, – довольно произнесла я.

– Нравится? – уже заранее зная ответ, спросил папа.

– Очень.

Теперь я дышала полной грудью, на душе было светло и радостно: я ехала домой...

В районном центре папа нанял грузовик, мы сели в каби-

ну и тронулись в путь. Машину трясло, а я без конца ударялась о потолок кабины. Поначалу терпела, но, когда сильно разболелась голова, пожаловалась папе, и он попросил шофёра ехать потише.

– Сбавлю скорость – только к вечеру приедем! – попытался возразить водитель.

– Ну и что! Здоровье дочери важнее! Сбавляй ход! Во сколько приедем – во столько и приедем. Хоть утром! Деревня-то никуда не денется!

Я облегчённо вздохнула и довольно улыбнулась папе. Ещё было светло, когда мы въехали в село. Мои одноклассники, увидев меня, побежали рядом с машиной. Некоторые из них чуть под колёса не угодили. Все, кто встречался на улице, приветливо махали нам рукой.

«А вот и родной дом!» – мысленно воскликнула я. Казалось, я не была здесь несколько лет.

Мы с папой вышли из машины, навстречу нам выбежали мама и Саша. Долго обнимались и целовали друг друга. Вскоре прибежали одноклассники, подружки. Им не терпелось поговорить, но родители не разрешили. Сказали, чтоб приходили утром. Папа знал, что дорога утомила меня и мне нужно отдохнуть. Я, счастливая, прилегла на кровать, мои родные присели рядом. Немного поговорив, мама принесла ужин в постель. За разговорами незаметно заснула.

Разбудил стук в окно. Оказывается, я проспала до двух часов дня. Подруги с шумом вошли в дом и согласились со

мной пообедать. За столом мы о многом переговорили. В школе начались зимние каникулы. Я радовалась, что не нужно ходить на уроки, потому что стеснялась платка на голове. У одноклассниц узнала, какие темы пройдены, и стала заниматься самостоятельно. В свободное время бегала на замёрзший пруд, каталась на санках.

49

Саша не отставал от меня. Мы возвращались домой уставшими, но счастливыми.

В один из дней мама подозвала меня к себе, чтобы посмотреть мою голову. Я подошла и сняла платок. Мама ахнула.

– Лёша! Иди скорее сюда!

– Что, опять? – на ходу воскликнул папа.

Было ощущение, что родители ожидали такого исхода. Мама за- плакала...

– В больницу не поеду, там не помогают, а только оттягивают конец, – глядя на родителей, твёрдо сказала я.

«Лучше это время проведу с родными и вдоволь наиграюсь с ребятами», – подумала я.

– Доченька, не думай о плохом! Что-нибудь придумаем, – пы- талась приободрить мама, вытирая слёзы. Папа молча погладил по голове. Стало нехорошо от его прикосновения.

– Такого раньше не было, – пожаловалась я, передёрнувшись. – Какие-то противные мурашки начинают бегать по

голове, когда я сама или кто-то до неё дотрагивается.

– Это пройдёт, – почему-то спокойно и уверенно сказал папа.

С каждым днём становилось хуже. Струпья распространялись быстрее, чем в первый раз. Родители были в отчаянии, они искали средство, которое бы помогло мне, но их поиски были напрасными.

Однажды зашла к маме на работу. В кабинете её не нашла и пошла в библиотеку, чтобы у тёти Гали спросить о маме. Услышала знакомые голоса и решила подождать конца разговора, чтобы узнать у мамы, когда она пойдёт домой. Тихо пройдя за стеллаж и выбрав книгу, стала её читать. Когда услышала своё имя, оторвалась от чтения и стала слушать.

– Галя, даже не знаю, что делать! Всю литературу об этой болезни перерыла. С кем можно поговорить – поговорила. Нет спасения! Галя, понимаешь, я теряю дочь! Мы с Лёшей в отчаянии! – мама заплакала.

– Шурочка крепись, крепись, моя хорошая. Смотрела в энциклопедии, как ты просила. Там написано, что любая простуда, стресс могут спровоцировать возобновление болезни.

– Так и было, Галя. Лена с Сашей пошли на горку, вымокли до

нитки, замёрзли... И вот...

Чтобы не обнаружить себя, я незаметно ушла из библиотеки. «С моей болезнью у родителей нет покоя, – рассуждала по дороге домой. – А что с ними будет, если умру? Они будут очень несчастны. Нет, этого нельзя допустить! Трудно представить, как можно с моим заболеванием справиться... Я должна бороться, собрать все силы и выздороветь!»

Вечером зашли в дом, незнакомые, но очень красивые женщина с мужчиной и сказали:

– Возьмите один к одному прополис и сливочное масло, вскипятите массу и, остудив её, нанести на голову. Леночка будет жить!

Папа держал пчёл, поэтому прополис у нас всегда водился, да и масло – не дефицит. Родители немедленно приготовили мазь и перед сном помазали мне голову. А утром не поверили глазам: очаг воспаления уменьшился и побледнел. Радости не было предела. Новость о чудесном событии облетела село. Жители искренне радовались за нашу семью. Мама помазала голову целебной смесью ещё два раза, и болезнь окончательно отступила...

Родители удивлялись простому рецепту. Но больше всего поражаало другое: рецепт принесли в дом совершенно незнакомые люди!

— Что ж получается, мы их не знаем, а они нас знают? Чудо какое-то! — изумлялась мама. — Будто специально явились, чтобы Леночку спасти. А может, они из будущего?

— Мать, ладно тебе выдумывать! — отмахнулся папа. — Приду- маешь же!

Он был атеистом и в чудеса не верил. Я выполнила обещание, данное самой себе: не огорчать родителей. Я выздоровела. Для лю- дей моё исцеление было чудом, а для меня — промыслом Божиим. Потихоньку разговоры о случившемся поутихли, и всё пошло сво- им чередом.

* * *

Каникулы закончились, и я пошла в школу, даже не подозревая о трудностях в учёбе, которые мне предстояли. Болезнь ухудшила память. После обеда сразу садилась за уроки и занималась до позд- него вечера. А рано утром вставала пораньше и учила материал заново. На переменках не играла с одноклассниками, а повторяла

51

то, что учила дома. Каждая хорошая оценка была маленьким под- вигом. И знали это только родители, которые видели, как я упор- ствую.

Позже выяснилось, что болезнь повлияла и на обоняние. От сильных, резких запахов начинала болеть голова, бледнело лицо. Родители боялись, что болезнь может вернуться, и

старались убе- речь меня от неприятных запахов, стрессов, следили за питанием, контролировали физические нагрузки. Мы с мамой часто ходили на прогулку в лес. Нередко брала с собой карандаши и бумагу, что- бы в рисунке запечатлеть увиденную красоту природы. Мама рисо- вать не умела, но видела ошибки и подсказывала, как их исправить. А вот па- па рисовал красиво, в юности он даже мечтал стать худож- ником. Только жизнь распорядилась иначе...

Со временем раны на голове затянулись, но поверхность оста- лась бугристой, неприятной на ощупь. Родители успо- каивали: мол, отрастут волосы и скроют неровности. Но вме- сто волос вырос пух. Папа предложил остричься наголо, что- бы укрепить корни волос. Я согласилась, а что ещё остава- лось делать?

* * *

Наступила весна. Заметно потеплело. На деревьях вот-вот долж- ны были появиться первые листочки. Близился день моего рож- дения. Родители предложили позвать однокласс- ников. Я очень обра- довалась, потому что ни разу не отме- чала этот праздник с ребятами.

С самого утра родители уехали на мотоцикле в магазин, а я оста- лась дома лепить пельмени. И, конечно, без платка. Вдруг кто-то постучал. Думая, что это мама с папой, смело подбежала к окну. Но, увидев Лиду и Дашу, растерялась и

кинулась мыть руки. Быстро надела платок и пригласила одноклассниц в дом.

– Ты извини, что пришли пораньше. Может, помочь нужно? – сказали девочки, проходя в комнату.

– Пельмени нужно доделать, – ответила я смущённо.

– Лена, поздравляем тебя с днём рождения! Желаем здоровья и успехов в учёбе! – отрапортовала Даша и протянула брошь в виде красной смородины.

– Очень красивая, спасибо большое, – поблагодарила я, рассма-

52

тывая подарок.

Потом подняла глаза на Лиду, ожидая увидеть надменный взгляд или ухмылку. Лида задумчиво смотрела на меня. Перевела взгляд на Дашу – она добродушно улыбалась.

– Мы думаем, тебе уже можно ходить без платка, – неожиданно произнесла Лида.

– Ну что вы! Меня мальчишки засмеют.

– Будут смеяться – мы их побьём, – решительно сказала Даша.

– Чего ты стесняешься? Лысой тебя никак нельзя назвать: на голове есть волосы. Мы же видели: ничего смешного. У тебя просто короткая стрижка.

Почувствовав, что одноклассницы говорят искренне, стянула с головы платок.

– Ну вот, теперь другое дело, – в один голос сказали они.

Решение пришло само собой: если остальные ребята не будут надо мной смеяться, в школу пойду без платка.

Пельмени готовы, а родителей всё нет. Я волновалась – что же делать?

– Ну что, будем варить пельмени? – спросила я гостей.

– Давайте, я даже знаю, как они варятся, – согласилась Даша.

– Я тоже знаю – надо вскипятить воду и посолить, а потом... – Лида не договорила.

– Надо же, пельмени долепили! Какие молодцы! – воскликнула мама, подходя к нам. – Спасибо, девочки, дальше я сама.

Одноклассницы прошли в зал, а я спросила: – А папа скоро придёт?

Мама нежно погладила меня по голове: – Скоро. Молодец, дочка, что сняла платок.

– Девочки случайно увидели меня так и даже не смеялись.

– Дочка, смеяться-то не над чем: волосы растут густо, ямок не видно. И выглядишь ты очень даже современно.

Это придало мне уверенности в себе, и, окрылённая, я побежала к девочкам. Скоро вошла мама и предупредила, что ненадолго отлучится. Мы снова остались одни.

– Папа купил гитару. Я учусь вместе с ним. Пока только одну песню могу исполнить. Хотите, сыграю?

– Просим, просим! – девчонки захлопали в ладоши.

Не успела взять первые аккорды, как постучали в окно. Хотела было по привычке натянуть платок, но девочки его отобрали. Вышла встречать одноклассников. Взглянув на меня, ребята опешили, но быстро сумели взять себя в руки.

– Хорошо выглядишь, не надевай платок, – робко начал Сергей Савиреев.

Никогда не видела его таким стеснительным, даже тогда, когда первый раз предложил понести портфель, был смелее. На меня нахлынули воспоминания. Сергей несёт свой и мой портфель, провожает до дома. Мы разговариваем, смеёмся. Сергей вешает мой портфель на забор и мы идём дальше вдоль дороги. Мальчишки и девчонки дразнят нас женихом и невестой.

– Лена, поздравляем тебя с днём рождения! – продолжил Сергей. – Прими от нас этот подарок, – он протянул свёрток, и ребята пожелали здоровья и успехов в учёбе.

Сели за стол. Гости заметили подъезжающих на мотоцикле родителей, побросали вилки и задали стрекача. Некоторые вылезли через форточку. Родители зашли с гостинцами в зал и, увидев меня в компании только Лиды и Даши, растерянно спросили:

– А где все остальные?

– Увидели вас и убежали, – сказала я, пожимая плечами.

– Наверное, подумали, что будем ругаться... – предположил папа. – Как же теперь мой день рождения?

– Их нужно догнать и сказать, что день рождения отмечается с нашего разрешения, – нашла мама выход из положения. – Лида и Даша, поможете?

Ребят посчастливилось вернуть – день рождения удался на славу! А самым лучшим подарком стало то, что в школу пошла без платка и никто надо мной не смеялся.

А когда начались летние каникулы, к нам в гости приехала тётя Валя и предложила маме съездить в Волгоград, она согласилась. Я напросилась с ними. Саша сказал, что тоже хочет поехать.

– Нет, сынок, останешься дома, поможешь папе по хозяйству, присмотришь за сестрёнкой. Будешь за старшего.

Такой подход брату понравился и он успокоился. Собирались недолго и на следующий день отправились в путь.

54

* * *

– Вот, Лена, здесь ты родилась, это твоя родина, – сказала мама, когда на горизонте показались многоэтажные дома. – Волгоград – город-герой. Люди здесь живут очень хорошие.

Но, как ни странно, особых чувств, кроме приятного волнения, я не испытала.

– А вот и дом бабушки Нади...

Жму на звонок под номером тридцать один. Дверь открывается. Бабушка Надя нас встречает с распростёртыми объятиями и радушной улыбкой. Уже в комнате знакомлюсь с Геной, двоюродным братом. Гена – третий сын тёти Таи, старше меня на два года. Он мне нравится: у него привлекательная внешность, приятный голос, хорошие манеры. Бабушка приглашает всех к столу.

– Тебе нравится здесь? – спрашивает меня мама.

– Очень.

– Когда ты была маленькой, то спала вон в той комнате, – бабушка показывает рукой на спальню и широко улыбается.

После обеда выходим с Геной во двор. Он сразу куда-то уходит, а я усаживаюсь на качели и смотрю вверх. В синем небе светит солнце, плывут пушистые облака. Люблю их рассматривать и видеть в них замысловатые фигуры. Вдруг слышу за спиной:

– Как думаешь, кто на качелях: девочка или мальчик?

– В брюках, стрижка короткая. Наверное, это мальчик.

– Девочки тоже носят брюки и стригутся коротко. Иди, познакомься.

– Если это мальчик, он меня обзовёт. Не пойду!

– Трусиха!

– А если ты смелая, что ж меня посылаешь знакомиться?
Срываюсь с места и мчусь домой.

– Бабушка, у тебя есть платок?

– Зачем тебе?

– Девочки думают, что я мальчик. Нужно показать им, что я девочка.

– Ну и мудрая же ты, – хвалит она. – Сундук открой, возьми лю- бой, какой понравится.

55

Открываю старый большой сундук, хватаю первый попавшийся платок. От него немного нафталином вест. Спокойно выхожу из подъезда и снова сажусь на качели.

– Смотри, смотри, это всё-таки девочка! – воскликнула одна.

Девочки подходят и становятся по обе стороны, начинают меня расспрашивать:

– Как тебя зовут? – интересуется та, что повыше.

– Лена. А как зовут вас?

– Меня – Кристина, а её – Снежана. Молодец, догадалась платок надеть, а то мы голову ломали: мальчик ты или девочка? Подойти боялись.

– В гости приехала? – вступает в беседу Снежана.

– Да, к бабушке Наде.

– Знаю твою бабушку, она на первом этаже живёт, – хвастается своей осведомлённостью Кристина.

– Хочешь, покажем, где тут что находится? – предлагает

Снежана. Я соглашаюсь.

* * *

На следующее утро после завтрака мама сказала, что как только придут Тая с Геной, отправимся на Мамаев курган. Но родственники задерживались, и я спросила разрешения погулять. Мама

попросила не уходить далеко. Вышла из подъезда и вдохнула утренний прохладный воздух. Тут же подбежали девочки.

– Мы думали, ты не выйдешь, – слегка запыхавшись, проговорила Кристина.

– Я ненадолго, мы собрались поехать на курган. Когда была ма-ленькой, я здесь жила.

– С бабушкой Надей? – уточнила Снежана.

– Да.

Затеяли в песочнице построить дворец. Ночью прошёл дождь, поэтому легко получалось строить башни. Так увлеклись, что не обратили внимание на тарахтенье трактора. И только тогда, когда он врезался в деревянные борта песочницы, оторвались от игры и с визгом бросились врассыпную – кто куда. Трактор продолжил движение, разламывая всё на пути. Наш дворец с минуты на минуту должен был попасть под гусеницы. Но меня волновало не это. Дев-

чушка лет трёх-четырёх не убежала вместе со всеми. Она копалась в песке, не замечая трактор. Взрослые, которых хватало во дворе, ничего не предпринимали, предпочитая обсуждать происходящее и грызть семечки. Считанные секунды – и громада обрушится на малышку. Некоторые дети от ужаса закрыли ладошками глаза. Кто-то пытался закричать, но слова застряли в горле – страх парализовал.

«Мне только восемь лет, что я могу сделать?» – промелькнуло в голове. Однако в следующее мгновение я уже не думала о возрасте, своих возможностях, а стремительно мчалась к малышке. Только бы успеть, только бы успеть! Кто будет первым – я или трактор? Непременно должна быть я, и никак иначе!

Собрав все силы, сделала бросок. Ни о чём не подозревавшая девочка оказалась в моих объятиях. Теперь нам нужно спастись обеим – гусеницы уже нависли над головами. В полный рост уже не встать. Я перекатилась вместе с девочкой подальше от трактора. И только тогда, когда оказалась в безопасной зоне, разомкнула руки и выпустила девчушку. «Живы», – осознала я и медленно поднялась с земли. Тут же увидела, что трактор проехал по месту, где только что была я с девочкой, и мне стало не по себе.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – еле переводя дух, спросила девчушку.

– Да.

– Ничего не болит?

– Нет.

Одёрнула ей розовое платье и спросила: – Ты испугалась?

– Нет.

– Ну и хорошо, – сказала и подумала: «А вот я испугалась».

Ко мне подбежал мужчина и схватил за плечи.

– С тобой всё в порядке?

– Да, – ответила устало.

Страхивая песок с моего платья и тела, мужчина сказал:

– Вы ведь погибнуть могли из-за этого алкаша! Погоди, сейчас я с ним разберусь!

Он побежал к трактору, который уже успел врезаться в столб.

Мужчина рывком вытащил пьяного водителя и закричал:

– Сволочь! Какая же ты сволочь! Посмотри, что натворил!

57

Если бы девочка не вытащила малышку, гнить бы тебе, алкого-лику, в тюрьме! Иди в ноги ей падай, благодари! Детей напугал, песочницу сломал!

У тракториста заплетался язык, он и двух слов связать не мог.

Из подъезда выбежала молодая женщина и закричала: – Где моя дочь?

Малышка увидела маму и побежала к ней. Женщина подхватила дочку, прижала к груди. Затем опустила на землю, всю осмотрела и воскликнула:

– Девочка моя, живая и невредимая, слава Богу!

– Ты плачешь? – произнесла девочка.

– Уже не плачу, доченька, всё хорошо, – счастливая мама вытерла слёзы. Подхватила девочку на руки и направилась к подъезду. Остановившись около небольшого скопления людей, о чём-то спросила.

– А вон она! – громко ответили ей и стали показывать в мою сторону.

– Где? – женщина обернулась и взглядом встретила со мной.

Подошла ко мне и сказала:

– Всю жизнь буду помнить тебя и благодарить. Спасибо тебе, что ты есть на свете.

Она снова прослезилась и, чтобы дочь не видела слёз, прижала её к груди.

Вскоре меня окружили взрослые и дети, говорили, что я спасительница и героиня. Кто-то удивлялся моему поступку, кто-то восхищался, каждый пытался меня погладить и обнять...

Когда пришла домой, бабушка вязала носки и одновременно разговаривала с тётёй Валеё, мама спала.

– Мама, бабушка, тётя Валя! Вы что, ничего не знаете? – удивлённо спросила я.

– Что случилось? – спросила бабушка.

Мама проснулась и прищурившись, посмотрела на меня.

– Я девочку спасла, – торжественно произнесла я.

– Что? – с недоумением произнесла мама.

– На улице только об этом и говорят, сходите, послушайте, – гордо заявила я.

В это время позвонили в дверь, и бабушка пошла открывать.

58

– Ну и ну, такие новости! – воскликнула тётя Тая.

– Не томи, рассказывай, – произнесла бабушка.

– Пьяный тракторист наехал на песочницу. Все дети, кроме маленькой девочки, разбежались. Наша Лена, рискуя собой, бросилась под трактор и вытащила малышку из-под самых гусениц. Представляете!

Воцарившуюся тишину прервала мама: – Лена, ты могла погибнуть!

Она бросилась ко мне и стала меня ощупывать.

– Ничего не повредила?

– Нет, – ответила я бодро.

Мы обнялись. Когда заглянула в глаза мамы, заметила слёзы.

– Мамочка! Я живая, всё хорошо. Представляешь, меня все героиней называют.

Мама улыбнулась, обняла меня и сказала:

– Ну, а как тебя ещё называть? Только так и называть. Ты насто- ящая героиня, очень смелая и добрая девочка.

К нам подошла бабушка, провела рукой по моим волосам и спросила:

– Ты что, совсем не боялась под трактор бросаться?

– Сначала не боялась, а когда всё прошло, испугалась.

– Ну, племяшка, даёшь, весь наш род прославила! – с гор- достью произнесла тётя Тая.

Потом задумалась и сказала:

– Я рисую картину так. Бабы семечки лузгают, мужики в до- мино играют. В это время пьяный в лоскуты тракторист крушит песочницу. Все дети разбегаются, а наша Леночка, рискуя жизнью, кидается под трактор и выхватывает из-под гусениц девочку, спа- сая её от гибели. Думаю, что самое страшное в этой истории – это бессовестные тётеньки и дя- деньки. Ругают пьянчугу, а сами чем лучше? Просто наблю- дали, когда чужая жизнь буквально висит на волоске...

– Ну, Таиска, ты разошлась – целую речь толкнула. А может, они ничего не видели? – предположила бабушка Надя.

– Никто не видел, одна наша Леночка глазастая...

– А я согласна с Таей, – вступила в разговор тётя Валя. В дверь снова позвонили и бабушка поспешила открыть.

59

– Извините за вторжение. Вы меня не знаете, я здесь с дочкой в гостях, – с этими словами в комнату вошла мама спасённой девоч- ки. – Сердечно хочу поблагодарить Леночку и её родителей... – Я мама Лены, мы тоже здесь в гостях, приехали родных по- видать, – сказала мама.

– Спасибо вам за то, что вы родили такую дочь. Она спасла мою девочку. Передайте своему супругу мою благодарность. Низкий вам поклон! Может быть, мы и не встретимся больше, но знайте: есть на свете женщина, которая каждый день желает вам долголе- тия и здоровья.

Женщина положила на стол несколько коробок конфет и сказала: – Извините, что скромно... Что могу... Будьте счастливы!

* * *

Вот и кончилось лето! Первые дни учёбы промчались весело. Затем всё пошло как обычно: ленивым школьникам – плохие от- метки, хорошие – старательным. Мне, как и

прежде, высокие бал- лы давалась с трудом.

В один из дней резко распахнулась входная дверь, и раздался папин голос:

– Смотрите, что я вам привёз. Сюрприз!

Папа внёс тяжёлую коробку и поставил в зале на пол. Замахал над ней руками, будто факир, произнёс «Трах-тибидох!» и радостно воскликнул:

– Это телевизор!

– Телевизор... Что это такое? – озадаченно спросила я.

– Сейчас узнаете, – сказал папа гордо и открыл коробку.

Мама, брат Саша и я не понимали, почему папа испытывает вос- торг, однако с большим интересом наблюдали, как он достаёт из коробки ящик и ставит его на стол, вытягивает шнур и вставляет вилку в розетку. На экране появились помехи, раздался треск. Папа повернул переключатель канала, и на экране появилась молодая женщина. Она стала на всех нас смотреть и что-то говорить.

– К телевизору подключу антенну и настрою каналы, будет чёткое изображение и чистый звук, – объяснил папа. – Скоро мы узнаем, где и что происходит, можно будет слушать песни и смо-

Папа выключил аппарат, вынул шнур из розетки.

– А что, тётенька в телевизоре нас знает? – спросила я.

– Нет, конечно, – ответил папа и продолжил рассказывать

о возможностях телевизора.

Я отвела в сторону брата и тихо сказала:

– Видел, как строго смотрела тётенька из телевизора?

– Видел, – настороженно ответил брат.

– Она недовольна тем, что вещи и игрушки повсюду валяются. Давай порядок наведём, а то тётенька в следующий раз подумает: «Прошло время, а у них всё такой же кавардак».

Саша забежал по комнате, собирая игрушки, а я стала укладывать разбросанные вещи в шкаф. Когда окончили уборку, захотелось, чтобы папа поскорее настроил чудесный аппарат, и тётенька увидела, что мы молодцы.

Односельчане спешили взглянуть на чудо техники. Папа предлагал прийти позже, когда настроит телевизор, но никто не хотел уходить. В доме стало тесно, и мы с братом вышли на улицу. Чуть ли не каждый прохожий спрашивал:

– Лена, говорят, Алексей Николаевич какой-то телевизор привёз, а в нём люди сидят и сплетничают. Это правда?

– Я видела только одну женщину. Сейчас папа настраивает телевизор, чтобы её хорошо было слышно и видно, – общала я. – Вот чудо! Пойду, посмотрю.

Когда вернулись домой, папа возился с какой-то непонят-

ной кон- струкцией, а рядом сидели мужчины и вели разговор о политике.

– А-а, пришли! Ещё несколько минут – и буду к телевизору под- ключать антенну. Можете пока перекусить, – сказал папа.

Мы помыли руки и заняли места за столом.

– Дети, готово! – услышали папин голос через некоторое время.

Саша завертел головой и повторил: – Готово.

– Ну что, вы идёте? – крикнул папа.

Мама разрешила отлучиться, и мы рванули в зал. Телевизор по- казывал без помех, чётко и ясно, с чистым звуком. На экране со- лидный мужчина рассказывал последние но- вости. Присутствую- щие искренне удивлялись чуду. Мы с братом вели себя сдержанно, 61

а я подумала: «С одной стороны, телевизор – это интересно, а с другой... Чувствуешь себя скованно, как не дома...»

На следующий день папа нам показал, как обращаться с телеви- зором. Времени перед уроками было немного, поэто- му мы с братом поспешили устроиться перед экраном. Си- дели смирно, изо всех сил стараясь не шалить. Но уже через несколько минут я устала от напряжения и показала ведуще- му новостей язык – тот неотреаги- ровал. «Даже бровью не повёл. Какое самообладание!» – удивилась я. Повторила – и

снова никаких эмоций.

«Плохо видит он, что ли?» – подумала я и вплотную подошла к экрану. Опять показала язык. Мужчина не обращал на меня никакого внимания. М-да, наверное, этим его не удивишь.

Решив разнообразить «программу», приставила к ушам прямые ладони и пошевелила ими из стороны в сторону. Брат присоединился, и теперь мы уже вдвоём строили смешные рожицы, прыгали и подражали голосам животных.

– У меня сложилось впечатление, что он нас не видит, – когда выдохлась, сказала я.

– И у меня тоже, – поддержал меня брат.

– Это даже к лучшему, – сделала я заключение, и стала собираться в школу.

– А можно с тобой пойти? – спросил Саша.

– В прошлый раз, когда тебя взяла с собой, ты на уроке ходил по классу, – припомнила я брату.

– Леночка, ну пожалуйста, возьми меня с собой, я буду сидеть молча и тихонечко рисовать, – принялся упрашивать Саша.

– Собирайся, но, если нарушишь обещание, больше никогда не пойдёшь со мной в школу.

Сашу усадила за последнюю парту и время от времени поглядывала на него. Брат вёл себя спокойно, внимательно следил за тем, что происходило на уроке, а позже даже заинтересовался буквами и цифрами.

Так что в первый класс он пошёл подготовленный от и до: умел хорошо читать и писать, знал счёт до ста. Однако уже в начале учебного года Саша потерял интерес к учёбе и прекратил выполнять домашние задания – дескать, ему всё известно. Скоро из-за своей самоуверенности, отстал от одноклассников, но, вовремя

спохватившись, вновь выбился в лучшие ученики. Саша всё схватывал на лету. Если мне на запоминание материала приходилось тратить часы, то брату – несколько минут. Родители часто говорили: «Если бы ты, Саша, занимался столько, сколько Лена, стал бы профессором уже в школе...»

Всё чаще в семье заходили разговоры о переезде в соседнее село.

– Школа в Тавринке восьмилетняя, Лене придётся завершать среднее образование в соседнем посёлке Садовый. Это два года жить в интернате. Да и Сашу ждёт то же самое, – приводила доводы мама. Папа внимательно её выслушивал, но по-прежнему не решался на переезд... Наверное потому, что не хотел терять должность директора школы. В новой школе он мог быть только учителем. Тем не менее, возникло ощущение, что рано или поздно ему всё-таки придётся согласиться, и я не ошиблась.

Переезд в посёлок Садовый

Вот и наступила пора переезжать. Ближе к вечеру мы до-

брались до посёлка Садовый.

– Ну вот, дети, и наше новое жилище, – сказал папа, когда помог выбраться нам из грузовика, и показал на небольшой кирпичный дом, окружённый забором.

К машине подошли две девочки и с нескрываемым любопытством стали наблюдать за суетой вокруг разных узелков, коробок и чемоданов. Одна из них, пониже ростом, полненькая, со светлыми, стриженными под каре волосами, подошла ко мне и спросила: – Как тебя зовут?

– Лена, а тебя?

– Лариса. Я твоя соседка с левой стороны, а Света живёт справа.

Стройная, кареглазая брюнетка, ростом выше меня на полголовы, протянула мне руку.

– Очень приятно, – я улыбнулась и приветливо пожала ей руку.

Внезапно возникла твёрдая уверенность, что мы станем хорошими подругами. Но нужно было помогать разгружать машину, и я попросила девочек далеко не уходить, обещала подойти к ним, как

только освобожусь.

63

– Хорошо, – ответила Света, убирая с глаз длинную непослушную чёлку.

– Мы спустимся к реке, – добавила сероглазая Лариса.

Новый дом был не очень просторный, но довольно уютный. Понравился мне и маленький симпатичный дворик. Папа решил провести воду на кухню и снести стену чулана, все поддержали эту идею. Примерно через два часа родители отпустили меня к новым подружкам. Они были у реки и бросали камешки в воду. – Заждались? – весело спросила я.

Девочки улыбнулись.

– Ты в каком классе учишься? – спросила Света.

– В четвёртом.

– И я в четвёртом! Значит, будем учиться вместе.

– Везёт тебе, Света, – надула пухленькие губки Лариса.

– Ларис, ну чего ты расстроилась? Ведь никто дружбу с тобой не разрывает, – попыталась успокоить подругу Света.

– Конечно, только теперь вы не просто соседки. Вы ещё и одно-классницы, – не унималась Лариса.

– Лариса, а ты в каком классе учишься? – предпочла я сменить тему разговора.

– Она на год младше.

Ответила почему-то Света и обратилась ко мне: – Лена, пойдём, покажем тебе село.

– Вы идите, а мне домой пора, – Лариса внезапно отвернулась, чтобы уйти.

– Лариса, я дружила с двумя девочками, и никто из нас не считал себя третьей лишней. Думаю, и у нас, соседки, всё получится. Пойдёмте по селу вместе, – улыбнулась я.

Лариса поставила руки в боки, а мы со Светой подхватили её, и все вместе пошли вдоль дороги. Около калитки одного из домов я увидела трёх девочек и спросила:

– Кто это?

– Самая толстая – Ирка Торгобедова, наша одноклассница, хорошистка. До сегодняшнего дня она была моей подругой, – фыркнула Света.

– Почему была? – удивлённо посмотрела я на неё.

– Потому что теперь я тебя считаю лучшей подругой. А Ирка 64

мне никогда не нравилась.

– Зачем тогда с ней дружила?

– Она списывать давала, – призналась Света.

– А что же теперь, ведь она больше не даст тебе списывать? – подметила я.

– За ум возьмусь: всё начну делать сама. Хочешь, вместе домашние задания будем делать? – предложила Света.

Я согласилась, и Света обняла меня в ответ.

– Ты моя подруга, никому тебя не отдам, ни на кого не променяю. Было забавно и в то же время приятно это слышать.

– Света, ты что-то мимо идёшь, не заходишь, словно чужая?! За- зналась или чё, подругу новую нашла? – крикнула Ирина.

– Тогда у неё и списывай! – крикнула одна из девочек, поднимаясь с лавки.

– Рядом с Ирккой сёстры: та, что повыше, учится с Ларисой. Делаем вид, что ничего не слышим, – шепнула на ушко Света.

– И вообще на нашей улице не появляйся! – поддержала Ирину другая сестра.

– Купили её, что ли? – не выдержала и огрызнулась Света.

– Не посмотрим, что ты дочь милиционера – побьём! Проваливай подобра-поздорову! – снова прокричала Ирина и зло засмеялась.

– Не спорь с ними, ты всё равно ничего не добьёшься, – сказала Лариса.

– Полюбуйся, Лена, с кем я дружила, – с горечью произнесла Света и, подумав немного, громко крикнула: – Да, правда, чё с ними связываться? Идёмте отсюда, девочки!

– Топай, Петруша, топай, пока есть чем! – прокричала Ирина, и все три сестры засмеялись.

– Моя фамилия Петрушова, поэтому меня так дразнят, – шепнула Света.

Захотелось поскорее увести соседок с этой улицы, пока перебранка не переросла в крупную ссору, и я попросила их показать мне школу.

– Школа находится в десяти минутах ходьбы от нашего дома, – сказала Лариса.

– Если идти быстрым шагом, – добавила Света.

– Ну так что, идём? – спросила я и посмотрела сначала на Свету, 65

потом на Ларису.

Девочки согласились.

– А давайте соревноваться, кто быстрее добежит до столба! – предложила я.

– Давайте! – обрадовалась Света и рванула вперёд.

– Так не честно, нужно одновременно! – крикнула ей вдогонку Лариса.

– Я первая, первая! – выкрикивала Света, подзадоривая нас.

– Покажем ей класс? – я повернулась к Ларисе.

– Покажем!

Мы сорвались с места. Я подумала, что, если прибегу первой, это плохо повлияет на нашу дружбу, поэтому решила, что лавры победы не должны достаться никому из нас. Так и случилось: вместе с Ларисой мы обогнали Свету и одновременно оказались у столба. – Кажется, ты поддалась... – отдышавшись, сказала Лариса.

Тут подбежала Света, и Лариса переключила своё внимание на неё:

– Эх, ты! Начала первой, а прибежала последней.

– А это потому, что кто-то хотел схитрить, – поддержала я.

– Смотрю, вы уже спелись, – улыбнулась Света.

Новая школа удивила меня: просторные светлые классы, паровое отопление... Она ни в какое сравнение не шла с моей прежней школой.

Утром с новыми подругами отправилась на занятия. Одноклассники смотрели на меня с любопытством, но я старалась не замечать их пристальные взгляды. Света заявила, что будет сидеть со мной за одной партой, и её сосед уступил мне место. Класс постепенно заполнялся ребятами.

– Косёнков Игорь, – прошептала Света, указывая на симпатичного мальчика со светлыми выющимися волосами. – Его мама в библиотеке работает, заставляет много читать. Учится он хорошо, но приставучий очень... В общем, сама увидишь.

Игорь поставил портфель на стул и вытащил из него небольшой кулёк. Подходя по очереди к каждой парте, доставал из пакета конфеты и угощал девочек.

– И он это делает каждый день? – удивлённо спросила я.

– Очень часто, – усмехнулась Света. – Не рекомендую держи-

ваться в классе после уроков.

Хотела спросить, почему, но не успела – Игорь протянул мне конфету. Я застеснялась и вежливо отказалась. Ирина Торгобедова взяла конфету и тут же съела. Сосед по парте не удержался:

– Наша Ира не отказывается от сладкого, поэтому она такая тол-стая.

Весь класс разразился смехом, а Света прокомментировала: – Это Боря, наш красавчик. Светлая голова, учится хорошо, мог быть отличником, но ленится. А с Торгобедовой сидит для подстраховки, чтобы при удобном случае списать.

– Она не обижается на такие шутки?

– Ирка знает, что полная, и давно к подколкам привыкла. На Борьку вообще мало кто обижается – его любят.

Игорь закончил «обход». Обратила внимание, что оказалась единственной, кто не взял угощение.

Прозвенел звонок на урок. Классная руководительница Татьяна Ивановна представила меня одноклассникам и поддержала желание Светы сидеть со мной за одной партой.

Странно, но кабинет после урока опустел мгновенно. Я осталась одна. Вспомнила предостережение Светы, завоновалась и уже поднялась, чтобы выйти. Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появились ребята во главе с Игорем Косёнковым. Трое из них плотно закрыли дверь и остались стоять «на страховке». Двое других скрутили мне руки.

– Могу сделать с тобой, что захочу, – процедил сквозь зубы подошедший вплотную ко мне Игорь.

Вдруг услышала: кто-то ломится в класс. «Атаман» приказал крепче держать дверь и никого не впускать. «Лена, беги!» – закричала Света и затихла. Видимо, её оттащили от кабинета.

Что же мне предпринять? Вспомнила, как в пионерском лагере мальчишки пытались устроить что-то подобное. Тогда притворилась слабой, а потом рванула руки что было сил и оттолкнула обидчиков. Приготовилась повторить этот «манёвр». В тот самый момент, когда Игорь протянул свои губы к моему лицу, я вызволила правую руку из захвата и резко ударила его по лицу. Он отскочил, словно резиновый мячик, и ударился спиной о стену.

– Не упустите её! – прокричал Игорь, присев от боли.

67

Но меня уже никто не мог остановить. Я раскидала мальчишек в разные стороны и открыла дверь. Те, кто её подпирали снаружи, распластались на полу. Выйдя в коридор, увидела стоявших вдоль стен одноклассниц: все они смотрели на меня.

– От вас требовалось только поддержать, больше ничего! Не смогли справиться с одной девчонкой, придурки! – возмутился Ко-сёнков, выходя из класса. И, потрогав подбородок, добавил: – Она мне чуть челюсть не свернула!

Девчонки поняли, что Игорь остался с носом, захлопали в ладоши и весело заверещали:

– Мы отомщены, отомщены!

Подбежала взволнованная Света:

– Я пыталась тебе помочь, но мальчишки меня не пустили. А из девчонок даже никто пальцем не пошевелил, чтоб тебя освободить! Предательницы! Ведь знали, что тебя ждёт... Сами через это прошли.

– Спасибо, Света, – спокойно сказала я и обвела одноклассниц взглядом. Мне стало их жаль.

– А ты молодец! – сказала Света с восхищением. – И не подумаешь, что в тебе столько силы!

На классном часу Татьяна Ивановна поинтересовалась, была ли у меня какая-то общественная нагрузка. Узнав, что я рисовала, обрadowалась:

– Вот и хорошо. Свете нужна помощница: в классе никто, кроме неё, не умеет рисовать. Будете вместе выпускать стенгазету.

Я взглянула на Свету как на соперницу, а она – на меня.

– Почему помощницей, если рисую лучше тебя? – прошептала я Свете.

– Ещё не видела, как я рисую, а уже говоришь, что лучше.

– Я так говорю, потому что знаю.

– Нет, не знаешь.

– Давай посоревнуемся: нарисуем девушку и сравним.

Через десять минут мы показали друг другу работы. У подруги вышел неплохой рисунок, но всё же я сделала одно замечание: – У твоей девушки лицо безжизненное, а у моей характер ярко выражен. Значит, я выиграла.

– Ничего подобного, моя красивее.

68

– Твоя девушка выглядит неестественно, – не унималась я. – Если хочешь, покажем одноклассникам работы. Пусть они решат, у кого лучше.

На перемене подруга протянула рисунки Игорю Турбенко: – Оцени, кто нарисовал лучше – я или Лена.

Мальчик взял листочки и, тщательно изучив, воскликнул: – Ленин рисунок лучше, забираю его на память!

Турбенко вышел из класса. Света чуть не заплакала: – Он тебе подыграл!

– Конечно, это неприятно осознавать, но факты – упрямая вещь. Я рисую лучше!

– Это не так!

– Именно так, – сказала я и отвернулась, еле сдерживая смех.

Вернулся Турбенко и, громко крикнув «Смотрите все!», привлёк всеобщее внимание.

– Смотрите! – одноклассник развернул мой листок. – Какой раз- врат! Лена рисует голых женщин.

Мою девушку невозможно было узнать!

– Отдай рисунок! – с негодованием воскликнула я.

– Что, стыдно?!

– Это тебе должно быть стыдно за то, что испортил рисунок! – Будешь знать, как рисовать девушек в купальниках!

– Тебе-то что?

Игорь не ответил, сложил листок и убрал во внутренний карман пиджака.

– Пойду всей школе покажу твоё творчество! И пусть все видят, какая ты художница.

– Ненормальный!

– С тобой станешь таким... – Игорь вышел из класса.

«Привлекает к себе внимание», – подумала я.

– Да, Турбенко отмочил, – усмехаясь, сказала Света.

– Тебе весело?

– Ну, так, – пожала плечами Света, едва сдерживая улыбку.

– Турбенко клеветает на меня, а ты молчишь? Подругой ещё называешься!

Света перестала улыбаться. Когда Турбенко вернулся в класс, даже попыталась отнять у него рисунок. Но Игорь был сильнее, 69

поэтому ничего не получилось.

* * *

Зима постепенно вступала в свои права. Река покрылась льдом и стала похожа на сплошной, блестящий на солнце комок. Я любила смотреть сквозь замёрзшую воду на стволы, корни деревьев и кустарников. Часто и брат вместе со мной ложился на живот и любовался застывшим подводным ми-

ром.

Школьная жизнь шла своим чередом. Игорь Турбенко продолжал привлекать к себе моё внимание всевозможными странными выходками. Но на меня его поступки не производили впечатления. Тогда он стал бить меня при каждом удобном случае. Пришлось рассказать об этом папе.

Однажды после уроков Игорь подошёл ко мне и с ухмылкой произнёс:

– Твой папа подходил разбираться. Так вот, знай: бил и буду бить тебя, пока не согласишься выйти за меня замуж.

– Какое замужество! Мы же в четвёртом классе... – Я подожду. Ты скажи «да», и я успокоюсь.

– За психа никогда замуж не выйду! – отрезала я и тут же полу-чила сильный удар в живот. От острой боли опустилась на корточ-ки и зажмурила глаза, чтобы не заплакать.

– Турбенко опять бьёт Бухарову, позовите учителей! – донес-лось словно сквозь сон.

Когда одноклассник нагнулся, чтобы ещё раз ударить, раздался громкий голос Татьяны Ивановны:

– Не смей! И чтобы без родителей в школу не приходил!

– Никого приводить не буду, – ответил Турбенко и пошёл прочь. – Со справкой вылетишь! – пригрозила учительница.

– Ну и пусть, – еле слышно буркнул Игорь.

Татьяна Ивановна наклонилась ко мне и спросила: – Лена,

ты в порядке? Идти можешь?

– Я ещё немножко посижу, – с трудом проговорила я.

– Вот подлец! Так искалечить недолго, – возмутилась классная руководительница. – Не соображает совсем.

В результате, Игорь пропустил неделю занятий, а его родители

70

не пожелали прийти в школу. К сожалению, Игорь не изменился и мои мучения продолжились.

В тот день была дежурной и после уроков осталась мыть полы. Только собралась поменять грязную воду на чистую, как на пороге появился Турбенко. Я не стала ждать, когда он пустит в ход кулаки, и вылила на него грязную воду.

Он не ожидал такого оборота и замер на пороге. Я подготовилась к удару, но Турбенко, молча сняв с уха обёртку от конфеты и стряхнув яблочный огрызок с плеча, выразительно посмотрел на меня и вышел из класса.

Через минуту прибежала Марина Василькова: – Это ты так Турбенко отделала?

– Я, а как он?

– Как ошпаренный вылетел из класса! Настоящее чучело! Спол- на получил!

– А как ты думаешь, он вернётся?

– Ты не видела, как над ним потешались! В таком виде он сюда не сунется. А вот что будет завтра – вопрос. По крайней

мере у тебя есть теперь против него средство – ведро грязной воды, – подмигнула одноклассница.

– И то верно, – сказала я, и мы рассмеялись.

После обеда ко мне домой зашли подруги, и мы вместе отправились в сельскую библиотеку. Она находилась в клубе, недалеко от наших домов. Мы поднялись по ступенькам и... увидели лежащего перед входом в клуб немолодого мужчину. Подруги забежали за мою спину.

– Он умер?... – испугалась Света. – Что будем делать?

– Схожу за взрослыми, а вы оставайтесь здесь, – сказала я.

– Я боюсь мертвецов, я... с тобой, – пролепетала Света, чуть не плача.

– И я одна здесь не останусь, – заявила Лариса.

– Ладно, идёйте со мной, – согласилась я и открыла входную дверь.

В клубе, кроме библиотекарки, никого не оказалось. Обратилась к ней, однако она почему-то отказалась помочь. Я не выдержала и выпалила:

– Он лежит на голом цементе, замёрзнуть может. Как вы потом

71

будете жить, зная, что могли, но не спасли человека?

Бросилась к выходу, вспоминая о том, как уже однажды выхватила маленькую девочку из-под гусениц трактора, а теперь спасаю жизнь мужчине, до которого, похоже, нико-

му нет дела в этом мире. Библиотекарша всё же вышла на крыльцо и наклонилась к лежащему.

– Фу, да от него перегаром несёт! Ему проспаться бы! – резко отпрянула она.

Помахивая рукой перед носом, женщина развернулась и сделала несколько шагов по направлению к двери.

– Вы собираетесь уйти? – удивилась я.

– А что?

– Его надо хотя бы на лавку поднять.

– С пьяницами я ещё не возилась! Пить надо меньше! – пренебрежительно бросила библиотекарша.

– Девочки, давайте попробуем его поднять! – сказала я.

– Лена! Ну и упрямая же ты! – проворчала библиотекарша. – Всё-таки добились своего.

Вчетвером мы кое-как поставили неподвижное тело на полусогнутые ноги, а потом уложили на деревянную лавку.

– Хорошо, лавка не железная, – сказала я.

– Ты о нём беспокоишься, словно он тебе родственник, – заметила библиотекарша.

– Он ей не родственник, – сердито отчеканила Лариса.

– Ну всё, с меня хватит! Работать нужно!

– Спасибо вам большое! – поблагодарила я женщину.

Та пожала плечами и вошла в клуб. Мы остались дежурить у спящего «красавца»: вдруг ему помощь потребуется. Мороз щипал щёки и нос. Чтобы окончательно не замёрзнуть, начали прыгать с ноги на ногу. Но пальцы на руках и ногах

всё-таки окоченели. Терпеть не было сил, и мы пошли по домам. Несмотря на то, что библиотечка уверяла, будто алкоголики не замерзают, я считала нелишним сообщать каждому встречному о беспомощном мужчине, заснувшим у клуба. Рассчитывала на то, что найдётся родственник или знакомый, который знает, где живёт мужчина, и отведёт его домой.

Утром, прежде чем идти в школу, мы со Светой завернули к клубу- 72

бу, чтобы проверить, лежит ли вчерашний бедняга. Мужчины не было.

– Давай после уроков у библиотечки спросим, чем дело кончилось, – предложила Свете.

По окончании занятий зашли в клуб. Нам и узнавать ничего не пришлось – всё увидели своими глазами. К нам навстречу шли библиотечка и спасённый мужчина, который во всеуслышание благодарил:

– Если бы не вы, пропал! Каждый день готов вам говорить «спасибо», кланяться в ноги и твердить о вашей доброте.

Лицо библиотечки было красным, наверное, от удовольствия. На удивление, женщина, поравнявшись с нами, сделала вид, будто не замечает нас. «Если бы мужчина узнал правду, он, наверное, разочаровался бы в этой женщине...» – подумала я и молча вышла из клуба, Света следом

за мной.

– Лена, ты грустная из-за неё? – спросила Света.

– Есть немного.

– Вообще она очень нечестная! Мужчина должен у тебя в ногах валяться: ты его спасла, а не эта врушка. Хочешь, вернусь, и скажу, что её с трудом уговорили помочь?

– Нет, не надо. Пусть и без особого желания, но она же помога- ла. Её есть за что благодарить.

– Добрая ты очень, – заключила Света.

«Услышав сегодня хорошие слова в свой адрес, библиотекарша в следующий раз, надеюсь, не пройдёт мимо человека, просящего о помощи», – мысленно ответила подруге.

* * *

Ближе к вечеру с подружками затеяла покататься с горки. Чуть позже во двор детского садика пришли и другие одноклассницы.

– А давайте, спускаясь с горки, как фигуристки, исполнять раз- личные элементы, – предложила я. – Кто лучше сделает, тот и по- бедит.

– Как это? – с недоумением спросили девочки.

Охотно продемонстрировала «выступление». Идея понравилась – выстроились в очередь, чтобы начать «катание». Но вышла

небольшая заминка. Чтобы оценивать участниц, нужно жюри. – Давайте я буду «комиссией», – предложила Лариса. – Ещё один человек нужен! – заявила я, продолжая играть роль организатора.

– Я буду вместе с Ларисой, – выдвинула свою кандидатуру Таня.

Конкурс на лучшую фигуристку открылся. Каждая «спортсменка» очень старалась. Например, Света даже озвучила выступление: она скатилась с горки под песню «Листопад», успев сделать ласточку и присесть на колено. Забавно получилось у Ирины Торгобедовой. Демонстрируя элементы из «произвольной программы», она не удержалась на ногах и упала, покотившись с горки, словно мячик. Поднялась на ноги, подпрыгнула и снова упала. Зрители с трудом сдерживали смех. Ирина «на закуску» развела руками и изобразила книксен. Тут хохот, наконец, прорвался наружу. Неожиданно для жюри Ирина объявила себя победительницей соревнования. Воцарилось молчание.

– Моя программа была самой сложной и зрелищной, – заявила она.

Насчёт зрелищности никто не спорил – все снова засмеялись. Ирина обиделась и ушла домой. Выступления пошли по второму и третьему кругу. В конце решили не присуждать первое место – победила дружба.

Хлопьями повалил снег. Стемнело. В окнах домов зажёгся свет. Перед тем как разойтись, решили каждое воскресение

ные собираться в детском садике. От лунного света искрился снежок. Вечер казался каким-то особенным, таинственным. Представилось, что вот-вот покажется Снежная Королева в серебристых ледяных одеяниях и холодно, пронизывающе глянет на нас. Когда посмотрела вслед проезжающему на санях мужчине, мне стало немножко жутко от своей фантазии. В голову пришла необычная мысль.

– Девочки, спорим, что даже с трёх метров не попадёте в меня снежком, – сказала я.

Подруги дружно засмеялись.

– Ну, ты и насмешила! Я, не прицеливаясь, попаду, – заявила Лариса.

– Давай покажи! – подзадорила её.

74

Почему-то была абсолютно уверена в том, что я неуязвима. Первый снежок пролетел мимо.

– Что скажешь, подруга? – отреагировала я на промах Ларисы. – Я толком не прицеливалась.

– Ты же уверяла, что попадёшь не глядя!

– Да, говорила. Вот сейчас я точно попаду! – сказала соседка и слепила новый снежок.

Пристально посмотрела в глаза Ларисы – они горели негодованием. Переключившись на руку, мысленно отвела её в сторону, и Лариса вновь промазала.

«Откуда я знаю, что нужно делать именно так?» – удиви-

лась сама себе и продолжала контролировать ситуацию.

– Чтобы с трёх шагов не попасть? Быть такого не может!
– за- кричала Лариса.

– Уверяю, зря стараешься, – невозмутимо произнесла я.
– Буду не я, если не попаду! – вспылила подруга.

И третий снежок полетел в сторону... – Дай-ка попробую,
– вмешалась Света.

И снова я пристально посмотрела в глаза бросавшей и уси-
лием воли заставила промахнуться.

– И ты не попадёшь! – весело и уверенно сказала я.
– Я с папой, когда бываю в тире, всегда куда-нибудь да
попадаю. А уж на этом расстоянии – только в «десятку», –
пообещала Света и бросила снежок, но промазала.

– Этого не может быть! – изумилась она. – Мне надо со-
средо- точиться.

– Да сколько угодно! – засмеялась я.

Света пошла на хитрость: бросила снежок из-за спины,
но и эта попытка оказалась неудачной. Девчонки заметно
злились, а мне было весело. Поняла, что могу управлять
людьми. Исчезло вну-треннее напряжение, ещё более укре-
пилась вера в собственные силы.

– Если ты такая всемогущая, попробуй увернуться от нас
двоих одновременно, – в отчаянии предложила Лариса.

– Вы, конечно, усложнили задачу, но даже вдвоём вам в
меня не попасть.

– Сейчас посмотрим, – в один голос сказали подруги.

Снежки полетели так быстро, что едва успевала контролировать ситуацию.

– Девочки, ваш обстрел напоминает автоматные очереди. Вам не надоело? – улыбнулась я.

– Всё, больше не могу, сдаюсь, – Лариса бросила снежок себе под ноги.

– Я тоже, – добавила Света и напоследок всё-таки метнула «сна-ряд». Но и он пролетел мимо.

Подруги заторопились домой. «Наверное, обиделись», – огорчилась я.

– Девочки, я лишь хотела, чтобы было весело, – хотела сказать я, но они уходили всё дальше и дальше.

Весна

На смену холодной зиме пришли тёплые весенние деньки. Весь воскресный день занималась творчеством. Семь рисунков принесла утром в школу и раздала одноклассникам, и ребята сдали их под своими фамилиями.

– Лена, а где твоя картина? – удивилась молодая учительница по рисованию.

Светлые волосы её были собраны «ракушкой», только два локо- на спадали на лицо. Зауженная к низу чёрная юбка плотно облегла стройную красивую фигуру, а белая гипюровая кофточка притяги- вала взгляд.

– Не успела, – ответила я.

– Все уже сдали работы, даже Турбенко. Кстати, Игорь, я раньше не замечала за тобой склонности к рисованию.

Послышались тихие смешки. Игорь довольно улыбнулся. Учительница осторожно вытащила альбомный лист из папки рисунков и кинула взгляд на Турбенко.

– А может, тебе кто-то помогал? – задала провокационный вопрос учительница.

– Нет, Ольга Викторовна, никто не помогал, я сам, – бойко ответил одноклассник.

Класс разразился дружным хохотом, а мне стало как-то не по

76

себе: не приятно слушать враньё, к которому была причастна. И корила себя за то, что сделала, не подумав о последствиях. Учительница взяла второй рисунок и с восхищением произнесла: – А вот работа Птинцова. Просто великолепно! Саша, ты говорил, что не умеешь рисовать. Я бы так не сказала. Правильная и выразительная композиция, чёткое изображение... Зачем было скромничать, не понимаю.

Класс заливался смехом, а учительница продолжала:

– Света, ты хорошо нарисовала балерину, но я ожидала большего.

Я не утерпела и повернулась к подруге:

– Слышала, как Ольга Викторовна хвалила мои работы? А я ведь совсем не старалась. Представляешь, что будет, когда принесу картину под своим именем?

Света не нашлась, что ответить.

После уроков одноклассники по-доброму шутили, называя меня сапожником без сапог.

«Конкурс – серьёзное событие», – подумала я, доставая дома из шкафа ватман и акварельные краски.

Первые наброски готовы... Прервалась на обед и с новыми силами продолжила работу. Сюжет картины прост: дивная сельская природа, вдалеке на зелёном лугу – стадо коров и пастух, на переднем плане ребята купаются в речке, а малыши, радуясь солнцу, забавно играют в мяч.

Мама всегда активно участвовала в моих делах, вдохновляла и подбадривала. Неожиданно она посоветовала изменить черты лица одному из нарисованных мальчиков, а когда у меня не получилось, выхватила кисточку и сама осуществила задуманное. Взглянув на мамино художество, расплакалась от досады.

– Мама, картина была почти готова, а ты всё испортила... Обещала Свете и себе самой, что обязательно займу первое место, – сокрушалась я, – а сейчас... работу вообще не стоит выставлять.

– Дочка, подожди, ничего не трогай, дай высохнуть краске, а там мы всё поправим, – обнадёжила мама.

– Нет, мамочка, ты уже ничего исправлять не будешь, – покачала я головой.

– Хорошо, не притронусь, только не расстраивайся.

77

Спустя несколько минут закрасила испорченное место, а ког- да оно подсохло, нарисовала заново. Всё получилось как нельзя лучше. Никаких исправлений заметно не было. Заснула усталая и счастливая...

В конце месяца в школьном коридоре вывесили лучшие работы, среди них были все мои рисунки под чужими фамилиями. Висела и работа Светы. Моего пейзажа почему-то не оказалось, и одно- классники стали смеяться:

– Нам нарисовала – мы выиграли, а себе нарисовала – проиграла.

– Что, подруга, на это скажешь? Где обещанное призовое место? – сыпала соль на рану Света.

Что ответишь? Впредь урок – не хвали себя раньше времени!

Завуч объявил о линейке и о том, что всех ждёт сюрприз. Учени- ки в нетерпении собрались в коридоре. Я не встала в первый ряд, как обычно, а примостилась у стены, за спинами мальчишек.

– Дорогие ребята! – начала директор. – Конкурс «На луч-

ший ри-сунок» был важным моментом для всех школ Саратовской области. Для нас большая честь приветствовать победителя этого конкурса, так как конкурсантка заняла первое место не только в районном, но и областном конкурсе. Всего лишь одна картина выиграла приз, и именно из нашей школы. Картина, занявшая первое место, сейчас находится в детском музее творчества в Саратове. Я очень этим горжусь! Думаю, и вы, ребята, тоже. Спешу назвать имя победителя – Лена Бухарова!

Нахмурила брови и сконцентрировалась на услышанном: прозвучало что-то похожее на мою фамилию. Вдруг одноклассники расступились, сделав для меня живой коридор. От волнения чуть заметно подкосились ноги, дрожь прошла по телу.

– Поприветствуем победительницу конкурса «На лучший рисунок» Лену Бухарову! – широко улыбаясь, сказала директор школы.

– Лена, ты победила! Иди же! – услышала голоса одноклассников.

Взяла себя в руки и под бурные аплодисменты направилась к директору. Она поздравила меня с победой, пожала руку и вручила подарок – медную подставку для ручек в форме павлина. Когда вернулась на место, директор объявила, что линейка окончена и аплодисменты прекратились. Я наконец осознала, что 78

произошло, радости не было предела.

– Всё-таки победила! Я победила! – восторженно говорила себе, разглядывая диковинного павлина.

– Поздравляю тебя! Но знаешь, если бы я очень постаралась... – начала было Света.

– Давай прекратим этот вечный спор, – я не дала договорить подруге. – Ты хорошо рисуешь, но я – лучше. Тебя не убедил конкурс? Тогда просто смирись.

* * *

Я училась в седьмом классе, когда папа однажды вернулся домой с новостью:

– Партия назначила меня директором Сальянской средней школы. Мы переезжаем!

– Я никуда не поеду! – категорично заявила я. – Здесь мои подруги. В школе у меня со всеми хорошие отношения. Мне нравится наш дом. Не хочу со всем этим расставаться!

– К сожалению, здесь мне отказано в часах, я без работы, – объяснил папа.

– Не уезжать же с любимого места из-за этого. Мама работает, как-нибудь перебьёмся. А потом, пап, устроишься и ты ...

– Мне нравится учить детей. Это моё призвание.

Папа был непреклонен. Я сильно расстроилась и едва

сдерживала слёзы. Мама попыталась меня уговорить:

– Лена, нам дают просторный дом, с большим участком, заведём свой сад, как в Тавринке, помнишь?

Я кивнула головой.

– Сейчас идёт строительство, но к зиме заедим, а пока временно проживём в двухквартирном доме.

– Когда едем? – тихо спросила.

– Через две недели. Дочка, найди Сашу: ему надо рассказать о нашем решении.

Я вышла из-за письменного стола, за которым делала уроки, и направилась во двор. Брат играл в рыцаря. На плечах – мамин пла-ток вместо плаща, в руках – меч из палки, на голове – шлем из бумаги. Воображаемый соперник был си-лён и очень хитёр, но брат легко справился с ним, о чём известил победным возгласом. Не

79

хотелось прерывать игру брата, но пришлось.

– Саша, тебя зовёт мама.

– Зачем?

– Чтобы рассказать о красивых местах, где можно жить.

– Мне и тут хорошо.

Я перестала подбирать слова и уходя выпалила: – Мы переезжаем!

Брат резко остановился.

– Не хочу никуда переезжать, – услышала за своей спиной.

Успокаивая и убеждая сына, родители признались, что тоже не хотят уезжать, однако должны смириться с обстоятельствами.

Лишь маленькая сестрёнка ничего не понимала, была весела и беззаботна. Она ещё не знала, что такое привыкнуть к дому, лю- дям, а потом с грустью покинуть уже ставшие дорогими и родными сердцу места...

Жестокая школа

Мы перетащили последние вещи в открытый кузов грузовика и залезли внутрь. Только куда-то запропастилась бабушка Надя. Она гостила у нас и решила помочь с переездом. Я вернулась в дом и увидела бабушку, которая говорила в пустоту:

– Мы переезжаем, поехали с нами, будешь хозяином в новом доме.

Бабушка поклонилась. Чтобы она не заметила меня, тихо вы- скользнула на улицу.

– Бабуль, ты почему так долго? – встретила её у порога.

– Домового звала.

Это слово слышала впервые, потому спросила: – А кто это, домовый?

– Хранитель дома.

– А почему его никогда не видела?

– Он для глаз человеческих невидим, – пояснила бабушка

и предупреждающе поднесла к губам указательный палец. – Никому не рассказывай, это наш с тобой секрет, хорошо?

– Хорошо, – пообещала я и вспомнила Бога, о котором тоже

80

нельзя было говорить.

«Есть запретная тема для людей. Но это не значит, что ею никто не интересуется. Видимо, бабушка кое-что знает, но осторожнича-ет. Умеет же она гадать на картах! Останемся с ней наедине – задам ей несколько вопросов», – решила я.

Когда выгрузили багаж, папа предложил брать из коробок только необходимые вещи, чтобы не тратить время на сборы при следующем переезде.

– А когда пойдём в школу? – поинтересовалась у папы.

– Завтра. Школа находится от дома в пяти минутах ходьбы. Идёмте, дорогу покажу, – ответил он.

Мне было всё равно, как выглядит новая школа и дом, который строится для нашей семьи. Показалось, что эта местность никогда не станет родной. Захотелось вернуться к подругам и одноклассникам, в наш прежний уютный небольшой домик. Странное чувство овладело мною: вроде у меня есть подруги, дом, и в то же время ничего нет.

Припомнила свой первый детский сон. Над головой висела конфета в яркой и красивой обёртке. Я тянулась к ней ручонкой, пыта- ясь достать. Вот-вот она будет моей... Но –

увы! Проснувшись с вытянутой рукой, осмотрелась по сторонам – желанной сладости нет. Побежала спросить, кто взял мою конфету, а мама ответила, что всё это лишь приснилось. Удивительно, я тогда ещё не понимала, что значит «приснилось»...

Вот и сейчас – как в том детском сне: – не достать конфету, и счастья мне здесь не видеть.

– Лена, ты о чём задумалась? – участливо спросил папа.

– Стараюсь освоиться, – с едва заметной грустью ответила я.

По папиному настроению поняла, что ему здесь нравится. И должность директора как раз для него, потому что по природе своей он лидер, у него хорошие организаторские способности, знания, опыт. Я должна только радоваться за папу, который нашёл своё призвание, за маму, которой предложили место директора Дома культуры. Но веселиться не получалось...

Ночь прошла беспокойно: переживала о том, как сложится завтрашний день, как встретят новые одноклассники.

В школу пошла вместе с братом и папой. После того как пере-

81

обулись в сменную обувь и сняли верхнюю одежду, папа познакомил нас с классными руководителями. Мою класс-

ную руководительницу звали Анастасией Петровной Тунаевой. Это была невысокая женщина плотного телосложения. Большие глаза цепко смотрели сквозь линзы очков. Из-под цветастого платка выглядывали седые волосы. Одета старушка была в тёплую бежевую кофту и тёмно-синюю юбку, на ногах хлопчатобумажные чулки и комнатные тапочки.

Я вошла в просторный и светлый класс – пронеслось шушуканье: «Новенькая, новенькая». Окинула взглядом ребят: больше тридцати человек.

– Тишина! – вдруг крикнула учительница и свирепо сдвинула густые брови.

Разговоры тут же прекратились.

– Хочу представить Лену Бухарову, она будет учиться в нашем классе. Сядет она на первой парте вместе с Игорем, а ты, Вова, пересядь на свободное место.

Игорь, на вид добродушный мальчик, был немного полноват, небольшого роста, рыжий и весь в веснушках, тогда как Вова – высокий, темноволосый, с большими синими глазами и красивой фигурой.

Анастасия Петровна вела алгебру и геометрию. Выяснилось, что я отстала на десять тем. Классная руководительница покачала головой и дала задание Юле Тюбиной, стройной и курносой девочке, в манере поведения которой было много мальчишеского, помочь мне разобраться в пройденном материале.

На перемене несколько одноклассников подошли ко мне,

чтобы поближе познакомиться. Я поймала взгляд привлекательного блондина и улыбнулась. Он взял мою ручку со стола, но сказать ничего не успел – раздался голос Нади Абитовой:

– Отдай девчонке ручку: что она подумает о нас?

И Максим беспрекословно выполнил приказ.

«Значит, вот кто у них главный», – подумала и посмотрела на Надю Абитову: невзрачная и очень худенькая, она носила короткую стрижку, как и Юля Тюбина.

После уроков Юля подошла ко мне.

– Ты останешься в группе продлённого дня?

82

– А что это?

– У вас что, в школе такого не было?

– Нет.

– После уроков делаем домашку, бывает, сдуваем друг у друга. В столовой кормят бесплатно. У нас весь класс ходит в группу.

– Пожалуй, останусь, – согласилась я.

И действительно, время на продлёнке потратила не зря. Пообедав, хорошо поработала над домашним заданием, сыграла в шахматы со всеми, кто умел. На удивление, равных мне не оказалось. Даже Игорь Туркевич, носивший звание чемпиона школы, проиграл партию.

– Меня даже десятиклассники не обыгрывают, – удивился он. – Я спокойно жить не смогу, пока реванш не возьму.

Мальчишки, которые вертелись возле нас, как сороки на хвосте, быстро распространили сенсационное известие: школьный чем- пион проиграл.

– Надо же, новенькая обставила в шахматы самого Туркевича! – восхищённо рассказывал Олег Самойлов окружившим его одно- классникам.

У Олега смешно торчали уши. Поглядишь на него – обязательно улыбнёшься. Мне нравились его большие, шоколадного цвета глаза. Но, к сожалению, они были колючими, и в них нельзя было влюбиться.

– Представляете, всех пацанов обыграла, и Туркевича в том числе! – сказал Максим Низитин, подходя к одноклассникам. – Надо же, девчонка играет в шахматы лучше мальчишек! Я такое впервые вижу! Теперь Игорь не чемпион: новенькая отобрала у него это звание.

– Я просто был не готов, – крикнул Игорь.

Мне, откровенно говоря, нравился ажиотаж вокруг моей победы. В то же время стало тревожно: глаза девочек горели завистью и ревностью.

– Подумаешь, – выразила настроение подруг Надя и вышла из класса. За ней потянулись другие.

А мальчишек одолел спортивный азарт. Они предложили партию в шашки, но и в этой баталии их постигла неудача. В класс зашла Марина Кислиёва, с решительным видом

и вызываясь спросила:

– Ты не боишься в классе оставаться одна с пацанами? Когда она улыбалась, у неё появлялись милые ямочки на щеках. Но сейчас лицо Марины было чересчур серьёзно. Я посмотрела в её большие тёмно-серые глаза и с улыбкой ответила:

– Нет.

Марина растерянно заморгала длинными ресницами и, не найдя что сказать, вышла из класса. Посмотрела ей вслед: «Красивая девочка, жаль, неправильная осанка портит фигуру».

Когда собиралась домой, меня отозвал в сторону Туркевич и попросил прийти завтра пораньше, чтобы в шахматы поиграть. Я согласилась.

Утром Игорь ждал меня в классе уже с расставленными на шахматной доске фигурами.

– Никогда себе не прощу вчерашнее поражение. И ведь кому проиграл? Девчонке! – сокрушался он.

Мне было жаль его, где-то в глубине души я желала ему победы. Как говорится, что хотела, то и получила, – проиграла.

– Ну что, Игорь, может быть, ещё партию? – шутила я.

– Несмотря на то, что ты вроде как не проснулась, так ска-

зять, не в форме, победа далась мне очень тяжело. И рисковать ею не буду. Ни за что! Хочу спать спокойно, с меня хватит.

– Я ж тебе дала отыгаться.

– Ну и глупо: ходила бы в звании чемпиона, почивала на лаврах. А теперь что ж? Проиграла! Не расстраивайся, ты достойный противник, но больше с тобой играть не буду: так спокойнее. Кстати, я специально тебя пораньше пригласил: рассчитывал, что будешь в полусонном состоянии. Сам полночи не спал – тренировался, готовился. Зря ты меня пожалела – я бы на твоём месте так не сделал, – сказал Игорь и вышел из класса.

Я от его слов окончательно пробудилась. «Хотела, чтобы чело- веку было хорошо? Вот и радуйся», – сказала сама себе. Не спеша сложив шахматы в коробку, приготовилась к уроку: достала учеб- ник, ручку с тетрадью.

Первым в класс со словами «Ты случайно не ночевала тут?» за- шёл Максим Низитин. Затем распахнулась дверь, и с шумом вбе- жали два мальчика. Они лупили друг друга портфелями, успевая 84

огрызаться. Максим вышел из класса, и драка тут же прекратилась. Один из хулиганов, высокий мальчик с мелкими чертами лица, вдруг обнял меня и попытался поцеловать. С трудом освободив руку, залепила ему пощёчину. Он от боли отпрянул, прижимая ла- донь к красной щеке.

– В следующий раз хорошенько подумай, прежде чем лезть, – сказала я и направилась к выходу.

Второй мальчик, невысокого роста, казах по национальности, преградил мне путь.

– Мне повторить? – чётко и уверенно произнесла я.

– Нет, – замотал он головой.

– Тогда прочь с дороги.

– Пропусти, а то и тебя огреет. Ну и рука! Кстати, новенькая, могла бы и полегче, – всё ещё морщась от боли, пробормотал пострадавший.

До звонка на урок в класс больше не заходила. Перед самым началом занятий парень, получивший оплеуху, проходя мимо моей парты, прошептал:

– У меня ещё будет удобный момент для поцелуя.

Внешне он был некрасив, однако, судя по ответам на уроках, сообразительный.

На литературе читали текст по ролям. Когда очередь дошла до меня, класс затаил дыхание. С заданием справилась блестяще – подобрала нужную интонацию.

– Ну надо же, какая дикция у этой красавицы! – прервала затянувшуюся паузу Надя.

Ребята засмеялись. В такой ситуации оказалась впервые и подумала, что лучше не обращать на это внимание.

– Хватит ржать! – рявкнул на весь класс Максим.

– Низитин в красавицу влюбился, – негромко съехидни-

чала Надя.

Снова по классу прокатилась волна смешков и шушуканья. Учительница сделала замечание и в наступившей тишине продолжила урок.

После урока Максим стал оправдываться перед Надей и доказывать, что ко мне не питает симпатий. «Такой хорошенький и так некрасиво себя ведёт», – подумала я.

85

Дабы окончательно доказать всем, что я для него ничего не знаю, Максим поставил мне подножку. В это время я быстрым шагом шла по коридору и несла стул. Чтобы не упасть, стала размахивать руками. Тяжёлая ноша качалась в руке в разные стороны и выводила из равновесия ещё больше. В голове лихорадочно крутилась мысль: «Только бы не упасть, только бы не упасть...» По инерции пробежала несколько метров и чудом не коснулась лицом пола. Через несколько мгновений уловила равновесие и остановилась. Перевела дыхание, выпрямилась и с лёгкой дрожью в ногах пошла дальше, в класс.

За спиной слышала истерический смех одноклассников и реплики мальчишек:

– Бухарова сейчас чуть не шлёпнулась! Видели, как она, согнувшись, ножками перебирала?

Ребята стали по очереди изображать меня. «Да, они не

упустят возможности унижить, чтобы самоутвердиться, – подумала я. – Как хорошо, что удалось удержаться. Страшно представить, что было бы, если б упала».

Начался урок истории. Когда все заняли места, учительница Тамара Ивановна подняла Максима и принялась отчитывать. Потом посмотрела на меня и спросила:

– Лена, ты чему улыбаешься?

Пожалев Низитина, ответила:

– Тамара Ивановна, мне не больно.

– Как же так? Я защищаю тебя, а ты всё портишь, – обиделась учительница.

Максим повернулся в мою сторону и засмеялся:

– Видите, Тамара Ивановна, она улыбается – значит, всё хорошо.

– Ну, как знаешь... Хотела как лучше. Если ничего не случилось, начнём урок.

После урока Низитин продолжил вместе с ребятами смеяться надо мной. А я-то думала, что Максим осознал, что поступил плохо. Направилась на улицу, чтобы не слышать, как меня обсуждают.

Проходя мимо столовой, услышала шум и заглянула туда. Мои одноклассники Шапин и Калашов скрутили моему брату руки и били его в живот. Подбежала к мальчишкам и

отшвырнула их от брата. Откуда только силы взялись?

86

– Ещё раз тронете – не поздоровится! Понятно? – пригрозила я. – Да ладно-ладно, успокойся, не подойдём к нему больше.

Одноклассники поспешили уйти.

– Саша! Как ты?

– Нормально.

– Что-нибудь болит?

– Сейчас нет.

– Давай договоримся: если кто тебя тронет, говоришь мне.

– Хорошо, – сказал Саша и побежал на урок.

«А за меня некому заступиться», – подумала я и глубоко вздохнула.

* * *

В течение двух недель учителя редко меня спрашивали: тактич- но ждали, когда освоюсь. А потом их будто прорвало: стали приди- раться по любому ничтожному поводу. Например, классная руково- дительница припомнила, что вместо того, чтоб подтягивать хвосты по математике, я играла в шахматы.

– Анастасия Петровна, мы же играли в шахматы в отведённое для отдыха время.

– Не отдыхать, а алгебру учить надо!

Однажды Абитова пришла в школу с накрашенными ресницами. Классная руководительница тут же заметила это и попросила смыть тушь. Одноклассница отказалась, и Анастасия Петровна в сердцах выгнала её из класса, а потом ни с того ни с сего переключилась на меня.

– Бухарова, встать! Тоже иди, умойся!

– Зачем?

– Кажется, всех предупреждала: кто накрасит ресницы, будет смывать тушь. Тебя это также касается!

– Но у меня не накрашены ресницы.

– Как не накрашены, если чёрные?

– Они от природы чёрные.

– Не оправдывайся, а иди, умывайся! Не начнём урок, пока не оставишь класс!

Вышла из класса и встала у стены.

– И тебя выгнали? – спросила Надя.

87

– Ты же слышала.

– Да, только не пойму за что. Она что, не может отличить, когда ресницы накрашенные, а когда – нет?

Я ели заметно пожала плечами.

– Ладно, пойду умываться, а то наша Настя от меня не отстанет.

Спустя десять минут одноклассница вернулась с чёрными разводами под глазами. Девочкой она была некрасивой, а

теперь каза- лась и вовсе страшной. В туалете не было зеркала, поэтому Надя не подозревала, что так выглядит.

– Ну что, пойдём? – обратилась ко мне Абитова.

Я почему-то растерялась и не сообразила предупредить её.

– Ты иди, я после тебя.

Надя открыла дверь, ребята встретили её молчанием.

– Чего уставились? – с раздражением бросила Надя.

В этот момент Игорь Кузнецов не удержался. Стараясь подавить смех, он закрыл рот ладонью и лбом стукнулся о парту. В следую- щую секунду класс взорвался гоготом. Надя обиделась и быстро вышла из кабинета, оставив дверь открытой.

Анастасия Петровна хлопнула ладонью по столу и гаркнула: – Хватит!

В ответ раздались негромкие смешки.

– Я сказала: тишина! – закричала учительница и встала из-за стола.

Она взяла указку и пошла по рядам. Кузнецов никак не мог успокоиться, и Анастасия Петровна стукнула его указкой по спине. – За что? – возмутился Игорь.

– Знаешь за что! Если не успокоишься, отправишься за роди- телями!

– Я сам им всё расскажу, ещё и директору пожалуюсь!

– Пожалуешься и вылетишь со справкой: у тебя одни двойки! Кузнецов взял портфель и вышел из класса.

– А ну сядь на место, кому сказала! – закричала, багровея от гнева, классная руководительница.

Игорь невозмутимо прошёл мимо меня. Я вернулась в класс. На перемене ко мне подошли Алла и Рая.

– Послунявила бы палец и провела по ресницам, а потом пока- зала, что он совсем не окрасился, – посоветовала Алла.

88

– Ей доказывать – себе хуже делать, – сказала я.

– И чего она на тебя накинута? – посочувствовала Рая.

Я ничего не сказала, так как отвлеклась на Надю. Она прошла мимо нас, и кто-то усмехнулся ей вслед. Абитова оглянулась, зло посмотрела на весельчака и сказала:

– Ты ещё пожалеешь об этом!

– В младших классах Абитова вместе с Кислиёвой, Махаловой и Тюбиной крепко лупили мальчишек, – поведала Алла. – По прав- де сказать, я им тоже иногда помогала. С тех пор мальчишки нас боятся.

Прозвенел звонок на классный час, и все с шумом заняли места. Анастасия Петровна спросила, какой общественной работой я за- нималась в прежней школе.

– Была членом редколлегии, – ответила ей.

– Хорошо рисуешь?

– Да.

– Вот и отлично. В нашем классе все плохо рисуют. Олю

Дани- лову определяю тебе в помощницы. Вот вам задание – выпустить стенгазету к новогоднему празднику.

Высокая и стройная Оля заплетала длинные волосы в косы и укладывала их «корзинкой», поэтому немного походила на дворянку. Анастасия Петровна прикрепила к нам ещё двух девочек – кашку Аллу Ержакову и рыженькую, конопатую Свету Махалову. Обе девочки были склонны к полноте и выше меня ростом на пол- головы.

Классная руководительница объявила о предстоящем концерте: – Времени предостаточно, но уже сейчас пора думать о новогодней программе. Кто что может предложить?

Класс молчал.

– Красавицу спросите, – хмыкнула Надя.

– Что? – не поняла Анастасия Петровна.

– Наверняка Бухарова знает, как выйти из этого затруднительного положения, – не унималась одноклассница.

– Лена, а действительно, может, что-нибудь подскажешь? – спросила учительница.

Идей по поводу культурной программы на Новый год у меня было хоть отбавляй. Я вышла к доске и объявила:

89

– Сценка называется «Баба-Яга и Кощей Бессмертный».

– Кто же будет играть Бабу-Ягу? Не ты ль, красавица? – ехидно ухмыльнулась Абитова.

– Участвовать в сценке может любой желающий, а смысл та- кой... – продолжала я, не реагируя на смешки и едкие комментарии. Вкратце рассказала содержание сценки.

– Фу, ерунда какая-то! – воскликнул Калашов.

– Если ерунда, предложи, Калашов, что-нибудь другое, – вмешалась Анастасия Петровна.

– Песня «В лесу родилась ёлочка», – улыбнулся одноклассник.

Класс залился смехом. Учительница стукнула ладонью по столу и гаркнула:

– Хватит!

Одноклассники замолчали.

– Когда ребята показывали эту сценку в пионерском лагере «Ор- лёнок», выступление понравилось зрителям. Было очень интересно и весело, – спокойно сказала я.

– Лена, а ещё можешь предложить какой-нибудь концертный номер?

– Да, – бодро ответила, осознавая, что моя активность коробит завистников.

Света Махалова подняла руку и выдвинула меня ответственной за культмассовый сектор.

– Ну конечно, свалите всё на Бухарову: она будет и рисовать, и сценки сочинять, – возразила классная руководительница.

– А что, если, кроме неё, некому? – вставила реплику Ал-

ла Ержакова.

– Чем же вы будете заниматься? – с укоризной произнесла Ана-стасия Петровна.

– Помогать, – пролепетала Махалова.

– Лена, что скажешь? – спросила учительница.

– Согласна, – без колебания ответила я.

– А я и не удивляюсь.

Анастасия Петровна одобрила все номера, которые я предложи-ла, и одноклассники были вынуждены с этим считаться.

90

* * *

Прошла неделя. Мы переехали в новый дом. В классе отношения со сверстниками не наладились. Приняла решение: заканчиваю восьмой класс – поступаю в училище. В какое? Всё равно, лишь бы не оставаться в этой школе. Папа предложил педагогическое, и я согласилась.

Следующий день был необычен тем, что я должна была участвовать в шашечном турнире. Перед уходом в школу предупредила маму, что после занятий задержусь. В начале соревнования убедилась: достойных противников нет – и играла сильно не задумываясь. Оставалась последняя партия... Соперника хорошо знала: он нередко захаживал в гости к брату, чтобы сразиться в шашки или шахматы. Сергей

часто проигрывал Саше, и я была уверена: победа за мной. После пятого хода Сергей погрузился в глубокое раздумье. От нечего делать мысленно прокрутила продолжение партии и увидела...свой проигрыш. Горячая волна прокатилась по телу. Что делать? Сергей обдумывал ход, а я – как спасти своё положение. Тут меня озарило, и я обратилась к сопернику с непринуждённым видом:

– Что-то у нас с тобой игра затянулась, а ведь домой хотим не только мы с тобой, но и комиссия. Давай эту партию свернём. Нач- нём новую и быстро закончим.

«Только бы согласился, только бы согласился...» – стучало в голове. С облегчением вздохнула, когда услышала «Согласен». Мгновенно смела рукой шашки с доски, чтобы Сергей не успел передумать. Подняла глаза на членов жюри: догадались они о моём проигрыше или нет? Старшеклассник, видимо, так и не успел ничего сообразить. А вот Константин Петрович, учитель физкультуры, смотрел на меня с большим удивлением. Всё, Лена, жди серьёзного разговора... Новая партия.... Я собранна и внимательна. Просчитав ходы на несколько шагов вперёд, двигаю белую шашку и смотрю на Сергея. Он смущён и обеспокоен. Скоро соперник попадает в ловушку и теряет две шашки. В панике делает ещё один неправильный ход и ... терпит поражение. Аплодисменты и поздравления... Я получаю грамоту за первое место, Сергей – за второе.

Ждала, когда же подойдёт учитель физкультуры. Но, не дождав-

шись, так и ушла с трепетным волнением в душе. Предчувствие не обмануло: Константин Петрович заглянул домой вечером. Я как раз мыла посуду.

– Ну, Алексей Николаевич, поздравляю! – начал он едва не с порога. – Такую дочь умную вырастил, у которой нам всем учиться надо. Так восхищён, что не мог не зайти. Поздравляю, Алексей Николаевич, от всей души.

Ничего не понимаю! Мне казалось, что Константин Петрович будет ругать меня... А он:

– Поздравляю, Лена! Ты – молодец! Наверное, и сама это осознаёшь. Вижу, какая ты мудрая. Далеко пойдёшь! В общем, так держать! Признайся, что просчитала всё, да?

Я кивнула.

– Скажи, а как это у тебя получается?

– Что?

– Влиять на ситуацию, изменять её, если она складывается не в твою пользу, и в результате получать то, что хочешь.

Нужно было время, чтобы объяснить, а гость торопился. Поэтому я просто пожала плечами.

– Ну ладно, Алексей Николаевич! Побегал.

Учитель на прощание крепко пожал папе руку и снова об-

ратил- ся ко мне:

– Ещё раз поздравляю! Сразила наповал, никак не могу успо- коиться!

Я улыбнулась и смущённо опустила глаза. Когда учитель ушёл, спросила папу:

– Может, это нечестно с моей стороны? Ведь я знала, что он вы- игрывает, но не сказала.

– Ему надо было знать. Потому ты и лучшая, что знаешь. Никог- да не сомневайся в этом и не мучай себя. Даже Кон- стантин Петро- вич не выдержал, пришёл и выразил восхи- щение твоим способ- ностям. Поверь, не каждый обладает такой гибкостью ума, как ты. А Сергею не надо быть лопу- хом!

* * *

На следующий день я вернулась из школы в подавленном на-

92

строении.

– Что случилось, Лена? – заволновалась мама.

– Только вышла к доске отвечать домашнее задание по геогра- фии, как в меня кинули скомканную бумагу, ластик и карандаш. Мальчишки загалдели, что я ничего не знаю, а

потом кто-то крик- нул: «На мыло её!»

– А что учительница?

– Не стала меня спрашивать, вызвала к доске тех, кто бросался. А они – ни в зуб ногой. Конечно, ещё больше разозлились. Говорят, двойки, мол, получили из-за меня...

– Доченька, сколько же тебе приходится терпеть? Милая моя, чем же помочь тебе?

– Сегодня утром, когда шла в школу, – продолжала я, – встретила Наташу Бисекову. Она младше на год. Мы дружили в пионерском лагере, даже переписывались. Идём, а она и говорит: «Заклевали тебя совсем. Как ты, бедненькая, это терпишь? Я к тебе очень хорошо отношусь, твои письма храню, но ничем не могу помочь. Пыталась брата просить, чтоб заступился, а он и слушать не хочет. Рассердился и предупредил, что, если вмешаюсь, со мной будет то же, что и с тобой. Извини, Лена, я не такая сильная, у меня духу не хватит – не выдержу...» Что оставалось делать? Сказала «спасибо» за поддержку. На том и расстались: она боялась, что нас вместе увидят. Mam, почему люди ко мне плохо относятся?

– Видишь ли, папе сейчас трудно. На место директора метила Ольга Викторовна Фильчакова, а отец её планы нарушил. Вот она и мстит нам, село настраивает против, на детях отыгрывается.

– Но я не хочу так жить! Вернёмся в посёлок Садовый,

пока наш дом не заняли, а?

– Заняли, дочка. Ещё когда мы там жили, у меня и отца спрашивали время отъезда.

– Но ведь могут дать другой, если попросим. Мне здесь очень плохо! Хочу к своим подругам, в нормальную школу.

– Понимаю, доченька! И папа за тебя не может заступиться! Его самого клюют со всех сторон. Зарекомендует себя в глазах руководства – ему и нам станет легче.

– И сколько ждать?

– Неизвестно.

93

– Пока это случится, я школу закончу. И всё время мучиться?

Мама прижала меня к себе, провела рукой по волосам... Я заплакала.

– Доченька моя! – Мама с болью заглянула в мои глаза.

– В Тавринке нам тоже мстили, – говорила я сквозь слёзы, – но меня поддерживали подруги. Я как-то справлялась. А тут все против. Разве так можно жить?

Мама не знала, как утешить, и переменила тему:

– Да, Лена, чуть не забыла! Татьяна, что в библиотеке работает, сказала, что ты можешь прийти за котёнком.

Давно мечтала о котёнке! И не только потому, что любила

жи- вотных. Надеюсь, что маленькое живое существо поможет пере- жить неурядицы, станет настоящим другом, которого так не хвата- ло в Сальянке.

– А где она живёт? – вытирая слёзы, спросила я.

– На краю деревни, третий дом с краю. Может, сначала поешь? – Сейчас не хочется.

Дом тёти Тани отыскала сразу.

– Молодец, что пришла первой. Будет из чего выбрать, – сказала хозяйка, провожая меня в комнату.

У стены, в картонной коробке, лежало пять крохотных пуши- стых комочков. Котята жались друг к дружке, чтобы согреться. – Ну как, нравятся?

– Да. А больше всего – тёмненький.

– Пёстрый, что ли?

– Да, этот.

– Ну-ка возьми его, – посоветовала тётя Таня. – Он должен по- чувствовать тебя и полюбить.

– Думаю, он меня полюбит, потому что я его уже люблю.

– Да, кстати, это кошечка.

– А я и хотела кошечку.

Мягенький комочек закрыл от удовольствия глазки и приятно замурлыкал на моих руках.

– Гляди – запела! Тогда это судьба! – засмеялась хозяйка. – За- бирай!

– А как она без мамы?

– Сначала поскучает, а потом привыкнет. Дома налей ей

– Хорошо. Я её Муркой назову.

– Точно Мурка! Вон как громко мурлычет!

– Смотрите, кого принесла! – с порога радостно воскликнула я.

Все вскочили из-за стола. Я достала из сумки кошечку и не успела опустить на пол, как сестрёнка схватила её за шею и побежала в спальню. Мы – за ней. С трудом уговорили Наташу отпустить котёнка.

За столом ждал сюрприз: мама с папой торжественно объявили, что покупают машину.

– Машину? – одновременно переспросили я, Наташа и Саша.

– Да, дети, машину, – улыбнулся папа и утвердительно кивнул.

– Здорово! Будем теперь кататься!.. – мечтательно произнёс Саша.

– «Шестёрку» не тянем, а вот «запорожец» можем себе позволить. Помните, как ездили на мотоцикле, мёрзли в дождь и ветер? – вздохнула мама и уже совсем весело продолжила: – А теперь будем всё время в тепле!

* * *

Спустя несколько дней родители купили машину. Радости

не было предела. Вечером папа принёс пушистую ёлку, и в доме сразу же запахло свежей хвоей.

– Наряжать будете? – подзадорил папа.

– Будем, будем! – закричали хором.

– Это ещё не всё. – Папа поставил портфель на стол и с улыбкой начал перечислять: – Это три подарка от районо, это три подарка от школы, а это три подарка от клуба.

– Сколько подарков! – восхищались мы.

Мама достала из коробки стеклянные игрушки, большую крас- ную звезду и домик под ёлку. После того как нарядили лесную кра- савицу, папа сказал:

– У меня есть предложение: поедemте-ка в город за покуп- ками к Новому году.

– На машине? – спросила Наташа.

– Конечно, – кивнул папа.

– Ура, поедem! – закричал Саша, хлопая в ладоши.

95

Мы удобно устроились в салоне. Папа повернул ключ за- жига- ния, перевёл рычаг на нужную скорость, плавно нажал педаль газа. Автомобиль тронулся с места и, постепенно на- бирая ход, покотил по снежной дороге.

– Лёша, скользко, не спеши, – предупредила мама.

Папа кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Он был со- средо- точен и напряжён. Спина его не лежала на спинке во-

дательского кресла, плечи немного приподняты и отведены назад, а шея вытянута вперёд, грудь изредка касалась руля. Мама сидела рядом с папой, поэтому, чтобы поговорить с нами, ей приходилось поворачиваться.

– Как вы там, дети?

– На улице холодно, ветер дует, снег идёт, а нам всё равно: над нами крыша! – отвечали мы весело.

Я посмотрела через стекло на быстро мелькающие деревья и вспомнила о подругах, представила, чем они сейчас могут заниматься. Неожиданно пришла идея, которую немедленно озвучила: – Пап, коль у нас машина, давай на зимних каникулах поедem в в посёлок Садовый.

– И я хочу, и я! А меня возьмёте? А меня? – галдели наперебой брат и сестра.

– Замечательная мысль! – согласился папа и улыбнулся мне через зеркало. – Всех возьмём, правда, Лена?

– Ура-а! – я так обрадовалась предстоящей поездке, что не удержалась и поцеловала папу.

Представила встречу с подругами, и на душе потеплело.

– Мам, спой свою любимую «Снежинки падают», – предложила я.

Мама кашлянула разок-другой, как бы показывая, что настраивается, и запела:

– Хорошо, когда снежинки па-да-ют...

Мы эту песню хорошо знали, поэтому сразу подхватили и стали подпевать.

Домой возвращались со множеством покупок, снова пели хором. В какой-то момент показалось, что жизнь налаживается и будет так же хорошо, как в посёлке Садовый. Вдруг «запорожец» резко вы-скочил на встречную полосу, повернулся вокруг своей оси... Никто не проронил ни слова. Время растянулось, и появилось ощущение, 96

что я контролирую ситуацию. Папа, не переставая крутил руль, автомобиль закладывал всё новые и новые обороты – и наконец, вновь покати́л по прямой. Папа нажал на тормоз и, взволнованный, повернулся к нам.

– Дети, простите, – виновато произнёс папа. – Как вы?

– Живы, – сказала я.

– Хорошо, что на тормоз не нажал, а то бы нам тут не сидеть, – промолвила мама.

– Знал, что этого делать нельзя. Вы молодцы – не запаниковали, ничего под руку не говорили, – похвалил нас папа.

Машина тихонько тронулась с места. Мысленно заново прожи-ла происшествие и вспомнила сон, который приснился накануне. Он оказался вещим и точь-в-точь повторял то, что случилось на дороге. Кроме одного: во сне машина поднялась высоко в небо, а потом из-за того, что мне стало некомфортно от вращений по кругу, мягко опустилась на землю.

Стресс вернул к реальности, и я поняла, что автомобиль не сделает семью счастливее.

* * *

На следующий день предстоял новогодний вечер. Мама пошла со мной. В кабинете директора школы она помогла переодеться в костюм Хозяйки медной горы. Сшитый мамой наряд получился великолепным. Длинное платье до пят с длинными рукавами, переливалось всеми оттенками зелёного цвета. Тюль чёрного цвета, напоминавший длинные волосы, прикреплялся к короне, которую папа вырезал из картона, а мы с мамой оклеили фольгой, бусинками и камушками. Когда появилась в спортзале, где вокруг наряженной ёлки готовились встречать праздник, присутствующие ахнули, а за тем прокатился шёпот. В конкурсе на лучший костюм мне не было равных: я получила подарок за первое место и благодарность за участие.

За новогоднюю газету нашему классу также присудили первое место. Не подкачали мы и с художественной самодеятельностью: выступили отлично!

Анастасия Петровна, оказавшаяся рядом со мной, неожиданно разоткровенничалась:

– Знаю, что газету доделывала одна, без помощников, которых назначила. Теперь весь класс расхваливают за актив-

ность, а ведь это твоя заслуга. Если бы не ты, они не показали бы ни одного номера художественной самодеятельности. Одноклассники твои бес- толочи, недалёкие, неблагодарные. Издеваются над тобой, а ведь ценить должны. Извини, но их всех ненавижу – задушила бы своими руками...

Произнося этот монолог, Анастасия Петровна грызла ноготь большого пальца. Может, выпила немного? Ребята рассказывали, что однажды видели её на уроке в нетрезвом состоянии.

– Ещё раз прости, – продолжала Анастасия Петровна. – Твой отец попросил меня вести часы алгебры и геометрии, а я не хотела. Но не отказала – и теперь вот мучаюсь и других мучаю. Твой отец, Лена, хороший и порядочный человек, а я, как говорят обо мне за глаза, просто старая карга. Знаю, так не говоришь: ты даже мухи не обидишь. А они, твои одноклассники, так и норовят оскорбить, унижить. Ты, добрая, их прощаешь. Случается, и я тебя обижаю, прости. А Кузнецов допрыгается – со справкой вылетит. Ладно, Лена, веселись, пойду.

Анастасия Петровна пошла, слегка покачиваясь. Смотрела ей вслед и думала о её одиночестве: сын редко приезжал к ней, а мужа давно похоронила. Она хороший математик, любит свой предмет, а вот ученики её ненавидят и издеваются. Очень жаль, что такое происходит.

Закончились танцы. Вышла на улицу и вдохнула мороз-

ный воз- дух. Мохнатые снежинки плавно опускались на лицо и одежду. На рукаве заметила невероятно крупную снежинку и стала её разглядывать. Тишину нарушили одноклассники: они с шумом и хохотом распахнули дверь. Пошла с ними, покидая школьный двор. Кузнецов предложил похулиганить:

– А чего нам бояться, если с нами дочь директора?

Все повернулись в мою сторону. Интересно, что для них значит «похулиганить»?

– Вовка, тащи картошку, и нитки не забудь! – приказал Шاپину Игорь.

Что он задумал? Мы стояли напротив дома Шапина, поэтому

посыльный быстро вернулся.

98

– Ну что, с кого начнём? – спросил Кузнецов.

– Давайте с нашей Насти, – сказал Шاپин.

– Она и так на мне зло срывает, а за это совсем убьёт. Зачем далеко ходить? Начнём с твоих соседей, – предложил Кузнецов.

– Нет, Игорь, давай подальше, хотя бы через три дома.

– Ладно, уговорил.

Девчонки помогли привязать картошку к окну какой-то

избы, протянули нитки сквозь ветки деревьев и спрятались в кустах, я – вместе с ними.

– Ну что? – оглядев всех, почему-то прошептал Кузнецов.

– Давай, – тоже шёпотом отозвался Артём Бакин.

С волнением наблюдала, что из этого получится.

– Не разбегаемся, пока не дам команду. На счёт три – дёргаем.

«Ну и влипла же я», – пронеслась мысль. Картошка громко за- стучала по стеклу. Пожилой хозяин выглянул, но, никого не увидев, зашторил окно. Игорь дал команду повторить, и картошка забара- банила громче прежнего. «Поразительно, как только удары стекло выдерживает», – подумала я.

Хозяин отодвинул шторку и приложил ладонь ко лбу, пытаясь увидеть в темноте того, кто стучит, но безрезультатно. Старичок не слышал, как над ним смеются, зато видела я. Некоторые одно- классники схватились от смеха за животы и попадали в сугроб. Тут дверь распахнулась, и на крыльцо вышел дедушка:

– Ни стыда ни совести! Стариков больных будите! Не позволюсь вот и подойду к вам, уши надеру! А потом вашим родителям рас- скажу, чем вы тут занимаетесь! – пригрозил мужичок.

Вспомнила, как однажды в Тавринке мне надрали уши. Это было очень больно! Я не дёргала за ниточку, однако воспринимала себя соучастницей хулиганства. Пережива-

ния переполняли душу. Хотелось как можно дальше убежать от этого места. И чем скорее, тем лучше. Тут Игорь скомандовал:

– Встречаемся на перекрёстке следующей улицы! Бежим!

Дорога к моему дому проходила как раз через этот перекрёсток. Невольно продолжала безумное приключение. Оказавшись на соседней улице, я села на лавочку и стала наблюдать издалека за одноклассниками. Когда они покинули назначенное место, пошла

домой.

99

«Завтра начало долгожданных зимних каникул...» – подумала я уже в кровати и закрыла глаза в надежде увидеть хороший сон.

Школьная традиция

Ура! Седьмой класс окончен! И весьма успешно, хотя четвёрки и пятёрки дались с большим трудом. На каникулах надеялась отдохнуть и набраться сил и терпения ещё на год.

– Наконец-то! Давно не ощущала себя такой счастливой! Три месяца не встречаться с одноклассниками! – делилась радостью с мамой.

– Лена, а ты разве не знаешь про школьную традицию? – удивилась она.

– Какую ещё традицию? – настороженно спросила у мамы.

– Жить месяц в интернате и работать в совхозе.

– Что значит жить в интернате?

– А это значит, что сегодня нужно сложить необходимые вещи в чемодан и завтра к восьми утра подойти к интернату. Там будут все твои одноклассники.

– Это несправедливо. Почему я должна жить с теми, с кем не хочу?

Мамин взгляд выражал сочувствие.

– Могу я не жить в интернате, а просто приходить на работу?

– Нет, доченька.

– Но мама! Папа ведь директор, может....

– Он не захочет конфликтовать с руководством.

– Но мне там будет очень плохо!

– Я буду в интернате воспитательницей и тебя поддержу, если что.

– Так радовалась, что расстаюсь с одноклассниками. И на тебе!.. С трудом выносила их в школе, а теперь придётся терпеть сутками. Мама, я не выдержу!

– Ты у меня сильная, выдержишь. Настройся на то, что через год с одноклассниками расстанешься, и тебе станет легче.

Тяжело вздохнула и отправилась собирать вещи. Проснулась как обычно – в семь часов. После завтрака взяла лёгкий чемодан, и скрепя сердце отправилась в интернат. Молча, не

мания на ребят, зашла в здание и получила ключи от комнаты. «С кем бы ни стала жить, всё одно — плохо», — подумала я и, пихнув чемодан под кровать, вышла на свежий воздух.

Подъехал автобус. Одноклассники поспешили занять места. Нас привезли на свекольное поле, раздали мотыги и поделили каждому по два ряда. Анастасия Петровна объяснила, как правильно пропалывать и рыхлить в междурядьях, и попросила соблюдать технику

безопасности.

Одноклассники

большей

частью

шутили

и

озоровали. Мне разговаривать было не с кем, поэтому я упорно работала, ни на что не отвлекаясь. Закончив первый ряд, начала второй.

– Смотрите, а красавица-то передовица! – иронично заметил кто-то из ребят.

Шапин с подковыркой добавил:

– Флага ей не хватает!

– Эй, Бухарова, захвати и мой ряд! – крикнул, кривляясь, Куз- нецов.

– И мой! – поддержал Калашов, а следом за ним – ещё несколько человек.

Мальчишки смеялись, девчонки хихикали.

Внезапно Кузнецов завопил от боли: мотыгой стукнул себя по ноге, пошла кровь. Махалова помчалась в автобус за аптечкой. Не- смотря на то, что он плохо ко мне относился, стало жаль его. После работы нас повезли обедать. В столовой сообщили: едем купаться на пруд – и попросили переодеться. Забежала в комнату – там по- прежнему никого не было. «Видимо, буду жить одна, – подумала я. – Да оно и к лучшему». Собралась выйти из интерната, как ус- лышала:

– Вот увидите, наша красавица сначала побарахтается, а потом станет пузырьки пускать.

– Неужели решится с нами поехать?

Распахнула входную дверь, и разговор прекратился.

Автобус приехал, мы заняли места и тронулись в путь. На улице было жарко, хотелось поскорее окунуться в прохладную воду. Ав- тобус остановился на дороге, до пруда было рукой подать. Ребята стремглав ринулись к пруду. Мальчишки на ходу стянули майки, девчонки разделись на берегу. Быстро освободилась от сарафана и 101

нырнула. Мальчишки, по обыкновению, ёрничали.

– Смотрите, смотрите, Бухарова тонет! – воскликнул Жиляков. – Дурак, она ныряет! – поправил Шапин.

– Значит, сейчас потонет! – И оба засмеялись.

Я посмотрела на мальчишек, а потом взглядом обвела остальных одноклассников: кто-то внимательно наблюдал за мной, а кто-то не обращал на меня никакого внимания.

– Смотрите, а Бухарова-то плывёт, – удивилась Кислиёва.

– А кто сказал, что она не умеет плавать? – сказал Низитин и посмотрел на Абитову. – Да она плавает лучше многих из нас!

Вскоре Анастасия Петровна дала команду садиться в автобус. Без особого желания мы вылезли из пруда.

– Бухарова-то жива! – пошутили за моей спиной.

– Будешь паясничать – пойдёшь в интернат пешком, – вступила классная руководительница.

После ужина мама на правах воспитательницы объявила о предстоящем концерте:

– От каждой комнаты требуется подготовить один номер художественной самодеятельности. На это даётся три дня.

– А судьи кто? – спросил Лёша Алимов.

Высокий, спортивного телосложения Алексей с большими лазурно-голубыми глазами и волнистыми каштановыми волосами слыл самым умным и красивым мальчиком в классе. А когда пел под гитару, был и вовсе неотразим. Есте-

ственно, многие девчонки были в него влюблены. Если бы Алимов защищал меня от насмешек и нападков сверстников, то и я не устояла бы перед его обаянием.

— Из-за того, что здесь моя дочь, я отказалась входить в состав жюри. Анастасия Петровна и Тамара Ивановна будут судить конкурс.

Одноклассники зашушукались. На этом собрание окончилось, и мы разбрелись по комнатам. Удобно устроившись на кровати, прикинула: «В комнате я одна — мне и номер делать. Нужно придумать что-то оригинальное». С этой мыслью и заснула...

* * *

Прошло три дня. Решила выступать с цыганским танцем. Этот

102

танец я разучивала с помощью телевизора. Когда показывали концерт цыганского ансамбля, мама звала меня: «Лена, беги скорее, цыган показывают!» Вставала напротив экрана и копировала движения артистов. Мама оценивала со стороны и при случае подсказывала, как лучше.

В интернате был проигрыватель с колонками. Я за пластинкой и костюмом побежала домой. Брат и сестра очень обрадовались, увидев меня. Поочерёдно обняла их и поцеловала.

– Лена! А скоро твой интернат закончится? – спросил Саша.

– Нет, не скоро. Что, надоело полы мыть? – пошутила я и рас- смеялась.

– Не из-за полов я... соскучился, – надул губы брат.

– Ладно-ладно, не буду больше дразнить. Тоже скучаю и по тебе, и по Наташе! – села на диван, притянула к себе брата с сестрой и дала по конфете. – Это на полдник давали.

Саша с Наташей зашуршали фантиками... – Как вы тутживаете? Где папа?

– Хоосё, – с конфетой во рту произнесла сестра.

– Папа на рыбалке, – ответил брат.

– Ладно, мои дорогие, мне пора, – бодро сказала и потрепала по волосам Сашу и Наташу.

– Уже? – брат сразу сник.

– К сожалению, да.

В шифоньере взяла костюм, босоножки, пластинку, поцеловала брата с сестрой и ушла.

Сначала сидела в зрительном зале, а потом пошла переодевать- ся. Сняла платье и надела сиреневую блузку с открытым круглым вырезом. Мама в своё время отрезала манжеты у рукавов и сделала длинный разрез до плеч. Потом рукава обшила фольгой. Блузка получилась по-цыгански яркой, как и длинная пышная юбка цвета спелой вишни. Дополнял цыганский образ широкий пояс и распущенные волосы. Подойдя к шкафу, посмотрела в зеркало и подняла ру-

ки, ткань нежно соскользнула вниз, обнажив кожу. Коснулась волос в цыганской манере и, улыбнувшись, вышла из комнаты.

Приблизившись к залу, где проходил концерт, услышала Максима Низитина: он читал басню.

Мысленно повторила элементы танца. Когда объявили номер с 103

песней, ёкнуло сердце. Скоро девочки закончили петь и я напряглась, затаила дыхание.

– «Цыганский танец», исполняет Лена Бухарова, – раздался мамин голос.

По залу пошёл шёпот, но его быстро заглушил неторопливый гитарный проигрыш. Я вышла гордо, с высоко поднятой рукой. В глазах зрителей увидела неподдельное восхищение. Его не смогли скрыть и недоброжелатели. Приступивая каблуками, я задвигалась в такт музыке. Плечи шевелились, стан изгибался... Надя и те, кто был на её стороне, опустили глаза, а потом демонстративно отвернулись.

Выступление полностью поглотило меня. Я не танцевала – жила на сцене. С последним аккордом резко опустилась на пол... Зал взорвался бурными аплодисментами и криками «Браво!». Жюри единогласно признало мой номер лучшим. Снова овации! Я была несказанно счастлива!

– Лена, ты доставила нам огромное удовольствие! Молодец, очень красиво танцуешь! Надеюсь, ещё порадуешь сво-

ими танца- ми, – сказала Тамара Ивановна и вручила приз – книгу.

– Спасибо, – скромно ответила я.

– А разве может быть по-другому? Ведь Бухарова – дочь дирек- тора, – иронично заметил Бакин.

– Тебе не стыдно? Сам ничегошеньки не сделал для кон- церта, а всё туда же – обсуждать! – упрекнула его Анастасия Петровна.

– Второе место отдаём Максиму Низитину и вручаем ему аль- бом, – продолжала объявлять победителей Тамара Ива- новна, и опять зазвучали аплодисменты.

– Третье место заслужили девочки. Они хорошо исполни- ли пес- ню. Дарим им карандаши...

– Заберите себе карандаши! – обиженно крикнула Надя и напра- вилась к выходу. Следом потянулись подружки.

– А мне танец Бухаровой понравился... – Низитин расте- рянно глядел вслед уходящей компании.

– Да молчи ты... – прошептал Алимов.

Максим пожал плечами:

– А чё молчать-то?

– Да тише ты!

Ко мне подошла радостная мама:

– Поздравляю с дебютом! Всё отлично! Хорошо держалась! Смотрелась, как настоящая цыганочка! А на одноклассников не обращай внимания: они просто завидуют.

– В глубине души боюсь, что мне это может понравиться.

– Что? – с напряжением и тревогой спросила мама.

– Быть постоянно в противостоянии и наблюдать, как выдержи- ваю этот кошмар.

– Ну ладно тебе, дочка...

– Понимаю, так приобретается опыт. А нельзя как-то полегче? Или дальше будет ещё хуже?

– О чём это ты?

– О будущем мама, о будущем, – вздохнула я.

Посмотрела на маму, поняла, что она встревожилась, и поспе- шила её успокоить:

– Ладно, мамуль, не бери в голову.

– Лена, всё нормально?

– Да, мама, я рада, что победила, и буду цыганский танец пока- зывать на смотре художественной самодеятельности.

– А таджикский?

– И таджикский.

* * *

До конца лета работала на элеваторе, или току, как говорят местные. Была очень рада, что внесла свой вклад в семейный бюджет. Пожелтевшие листья и частые дожди говорили, что наступает осень. Начался новый учебный год, и школа вновь распахнула двери. Папа сказал, что в нашем классе будет учиться новая ученица. Я собралась познакомиться с новенькой, но, когда увидела на пороге кабинета неопрятную девочку, надежды рассеялись как утренний туман. Новенькую звали Таня Купкаева. Её хохлацкий акцент быстро стал предметом насмешек. К тому же она оказалась троечницей. Роман, полный неуклюжий мальчик, который читал по слогам и невнятно говорил, учился с нами. Ему учителя многое прощали и, что называется, тянули – лишь бы окончил восьмилетку. Однако одноклассники над ним не смеялись так, как над Таней.

105

Каждую субботу в коридоре школы проводилась общешкольная линейка. На ней обсуждались результаты учёбы учеников, озвучивались замечания и планы на будущее. На одной из таких линеек папа рассказал ребятам о предстоящей через неделю поездке в Саратов и зачитал список тех, кто поедет в цирк. Одноклассники, услышав мою фамилию, загудели.

– Конечно, дочке директора всё можно! – возмущались невошедшие в список.

Все не могли поехать в цирк, так как от каждого старшего класса требовалось только по десять человек. Злые разговоры ребят не испортили настроение, я радовалась, что еду в Саратов.

Одноклассники решили отыгаться сполна.

– Ударь Бухарову по голове, – услышала я на алгебре голос Калашова.

– Как, если она сидит через парту? – возразил Бакин.

– Тогда передай Шапину, чтоб он ударил.

– Шапин, стукни Бухарову по голове.

– Как я тебе до неё дотянусь?

– Достань длинную линейку и врежь ей со всего размаха, – по- слышался чей-то совет с другой стороны.

Надеялась, что он не поддастся давлению и найдёт, что ответить ребятам. В крайнем случае, постесняется учительницы. Видимо, была слишком хорошего мнения о нём, потому что он, недолго думая, схватил с выставочного стенда линейку и замахнулся. Что делать? Закричать и сорвать урок? Не позволило воспитание. Я стерпела удар, повернулась и пристально посмотрела на обидчика. В это время Руслан Хубеев отнял линейку у Шапина.

– Эх ты, шляпа! Смотри, как надо! – И стукнул со всей силы.

На этот раз я увернулась. Он снова попытался ударить. Анастасия Петровна услышала возню и потребовала прекратить безобразие. – Она первая начала, – нагло заявил Хубеев.

Руслан, симпатичный мальчик, чуть выше меня ростом, испод- лобья, по-звериному глянул на меня. Сколько училась с ним, ни разу не видела, чтобы он улыбался.

– Да-да, могу подтвердить, – крикнул Шапин.

За густые тёмно-русые волосы, серые глаза и аккуратные черты лица его можно было бы назвать красавцем. Только красота эта, 106

холодная и пустая, отталкивала.

– И я видел, – не моргнув здоровым глазом, подтвердил Бакин.

Длинная чёлка прикрывала его травмированный глаз. Но я ни- когда не замечала за ним переживаний по поводу внешности.

– Если не прекратите, уйдёте за родителями! – продолжала сло- весную перепалку учительница.

– Как что, сразу за родителями, – насупился Шапин.

– Или замолкаете, или... – пригрозила Анастасия Петровна.

Мальчишки угомонились. На перемене заметила, как Марина Кислиёва столкнулась в дверях с Самойловым и что-то бросила ему на ходу. До меня долетело лишь «Она назвала тебя...»

Олег бросил в мою сторону злобный взгляд и ускорил шаг. При- близился к моей парте и со всего размаха ударил меня

по щеке. Лицо запылало. Закружилась голова, но я нашла в себе силы подняться и ответить обидчику пощёчиной. Чтобы он знал, как это больно! Самойлов не растерялся и снова ударил. Я – тоже. После того, как ещё раз «обменялись любезностями», я решила уступить. Одноклассники продолжали молча смотреть на меня. «Только бы не заплакать, только бы не заплакать...» – твердила, как молитву, стискивая зубы от досады и боли. Подошла Кислиёва и с притворным сочувствием спросила:

– Очень больно? – её глаза беспокойно бегали и светились нескрываемым злорадством.

«Ну и чего ты добилась? – корила я сама себя. – Ничего! Все это не по мне! Низко причинять другому страдание, даже если он его заслуживает». Мама рассказывала, что в садике меня частенько обижали, нередко били. Каждый раз всё заканчивалось диалогом: «Почему ты не даёшь сдачи?» – «Не буду их бить, им больно». – «Но они должны знать, что такое боль». И вот я последовала мамину совету. Что из этого вышло? Мне стало ещё больнее. Не только физически, но и душевно. На зло нельзя отвечать злом, иначе люди никогда не научатся любить!

В конце физкультуры Константин Петрович объявил:

– Шесть человек: Бухарова, Кислиёва, Тюбина, Алимов, Низин, Хубеев – едут завтра на областные соревнования.

При себе иметь спортивную форму, зубную щётку, пасту, мыло, полотенце. Сбор около школы в восемь утра. Отсутствовать будем пять дней.

107

– А что там делать будем? – спросила Юля.

– Жить в палатках и бегать.

– Да Бухарова бегать не умеет, – пустила шпильку в мой адрес Уткина.

– В отличие от тебя, Уткина, Бухарова кросс сдала на отлично, – приструнил ученицу Константин Петрович.

Домой пришла в приподнятом настроении.

– Мама, представляешь, завтра уезжаю, – доложила с порога. – Куда?

– На спортивные соревнования, которые будут проходить в основном бору под Саратовом! Я же быстро бегаю...

– Ага, когда маленькая была, около стола могла часами бегать, – засмеялась мама.

– Одно волнует: как буду спать в одной палатке с теми, кто ко мне плохо относится?

– Да, это сложно, но, думаю, ты так будешь уставать, что будет не до них.

* * *

Дорога к месту соревнований заняла около пяти часов. На

по- лане, кроме взрослых, было много сверстников и ребят постарше. Под аккомпанемент гитар ребята пели песни, рядом играли в во- лейбол. Только что прибывшие ставили палатки и разводили ко- стры. Как здесь весело! Может, увижу бывших одноклассников или знакомых из пионерского лагерь?

Учитель физкультуры указал мальчишкам, где ставить палатки, а девочкам поручил собрать сухие ветки для костра.

– Мы и готовить будем? – растерянно спросила Кислиёва.

– Да, – спокойно ответил учитель.

– А я не умею...

– И я не умею, – пробормотала Тюбина.

– Будете учиться у тех, кто умеет.

Мальчишки заявили, что если девчонки не умеют, то они тем бо- лее. Поняла, что, если и я откажусь, нам всем придётся очень пло- хо: на голодный желудок не посоревнуешься. Учитель, наверное, знает как варить, но у него и без этого дел хватает. И я призналась, что умею готовить.

108

– А я, Лена, в этом нисколько не сомневался, – произнёс учитель. – И коль ты у нас ответственная за кухню, смело бери себе помощников.

– А кто помощники-то? – спросил Руслан Хубеев.

– Вы все.

– Делать мне нечего, картошку чистить, – возмутился он.

– Тогда ходи голодным, – спокойно ответил учитель. – Где бу- дешь брать силы?

– Это вас не волнует.

– Ты сюда приехал честь школы отстаивать, а не слюни распу- скать, – отрезал Константин Петрович. – Если хотите победить, тогда мои требования – закон, поняли?

– Поняли, – нестройно отозвались ребята.

– Не слышу?

– Поняли, – сказали все хором.

– А если поняли, живо выполнять.

Мальчишки стали устанавливать палатки, а я с девчонками на- правилась за сухими ветками. Я всё время смотрела по сторонам: вдруг увижу кого-нибудь.

– Лена! – услышала знакомый голос и обернулась.

Радостно ёкнуло сердце: ко мне бежала Лида, подруга детства. Мы обнялись и поцеловались. Марина с Юлей не стали меня ждать и двинулись дальше.

– Ты что тут делаешь? – спросила Лида.

– То же, что и ты.

– Неужели на соревнования приехала?

– А разве может быть по-другому?

– Значит, мы соперницы?

– Лида, это всего лишь игра.

– Понимаю, – весело засмеялась подруга и начала рассказывать, как ей живётся.

Поделилась новостями и я. За разговором не заметила, как по- дошли с сухими ветками Юля и Марина.

– Ты до сих пор болтаешь, а мы что, нанимались работать? – съязвила Тюбина.

Лида с недоумением посмотрела вслед девочкам:

– Это они тебе?

109

– Да.

– И ты молчишь? Не можешь ответить?

– Бесполезно. Против меня весь класс настроен.

– Почему?

– Я – дочь директора.

– Хочешь, разберусь с ними?

– Одна против всех?

– Нет, конечно, команду приведу.

– Вот видишь, команду приведёшь, а я без поддержки. Одна и тридцать с лишним одноклассников, почти все учителя, и не забудь односельчан.

– Да, плохи дела. А почему вы там живёте?

– Родители не хотят уезжать. Ладно, Лида, мне пора, увидимся. – Где вы разбили палатки?

– Видишь, флаг развевается? Там и найдёшь мою «землю обетованную», – весело сказала я.

– А где ваш лагерь?

– Напротив рупора.

Помахали друг другу, и я почти бегом устремила к лесу. Когда проходила мимо играющих в волейбол, узнала бывших одноклассников из посёлка Садовый.

– Всем привет! – крикнула на ходу.

– О! Привет!

– Смотрю, все звёзды собираются! – широко улыбаясь воскликнул Борис, бросая мяч другу.

– Борь, а Лариса со Светой не приехали?

– Не-а!

– Ладно, я пошла.

– Уже уходишь?

– Мы приехали недавно, ещё не разместились.

– Запомни, где играем. Наши палатки напротив, – подмигнул Борис.

– Заскочу после ужина.

– Будем ждать! – крикнул вдогонку Володька Седькин.

– Ну что, Лена, начнём готовить обед? – встретил меня вопросом Константин Петрович.

– Начнём.

Было неудобно перед учителем: слишком много времени потратила я на разговоры с друзьями. Однако не услышала от него ни слова упрёка.

– Так, посмотрим, какие продукты есть... – Константин Петрович заглянул в рюкзаки. – Как думаешь, что можно сделать из тушёнки и гречки?

– Сварить гречку и перемешать с тушёнкой, – предложила я.

– Верно! А вот килька в томате...

– Можно сварить суп.

– Так и поступим: на первое – рыбный суп. Что для этого требуется?

– Соль, картошка, лук и вода.

– Помощники наши разбежались, придётся за водой самому идти.

– А куда?

– Здесь недалеко родник, потом покажу. Пока разберись с продуктами и составь меню на пять дней.

Заглянула в палатку – там было уютно. Она напонила шалаш, который в посёлке строили мы с Ларисой.

– Ну что ж, приступим...

Вернулся Константин Петрович. Поставил ведро на землю, повесил котелок на палку и налил воды.

– Меню составила? – он посмотрел мои записи и сказал: – Надеюсь, получится вкусно. Пока займись костром, а ты почишь картошку...

Суп сварили – пальчики оближешь! Ещё бы, ведь в рецепт во- дили костёр, родниковая вода и отличное настроение повара. Плюс чистейший лесной воздух и песни под гитару. Вкушая «пищу бо- гов» (а именно так окрестили обед), Кис- лиёва не преминула бро- сить камень в мой огород:

– Не успели приехать, а Бухарова развлекаться начала: то с одни- ми поговорит, то с другими.

– Марина, здесь просто очень много Лениных знакомых. Как с ними не поговорить? Это невежливо и даже обидно для них. Дру- зьями дорожить надо, – заступился учитель.

– А как же ветки для костра? Вы дали команду.

– Совершенно верно. Я дал команду, и Лена её исполнила.
Ска- 111

жи, Марина, ты сколько принесла?

– Две.

– Какое совпадение! И Лена две. Только ещё суп заме- чательный сварила, который ты, Маринка, уплетаешь за обе щеки! Не стыдно за своё поведение?

– А чего стыдиться?

– Ну, раз сама не понимаешь... И вообще, чтобы подоб- ных раз- говоров больше не слышал! Вам понятно?

– Понятно, – ответили все хором.

Вздыхнула с облегчением. Спустя некоторое время присо- еди- нилась к бывшим одноклассникам из посёлка Садовый,

которые играли в волейбол.

– Смотри, а Бухарова-то в волейбол играет, и даже ничего, – услышала голос Тюбиной.

– Пошли поиграем! – предложила Кислиёва и кокетливо спросила, вставая рядом со мной в круг: – К вам можно?

– Конечно, – разрешили ребята.

Марина заискивающе заглянула мне в глаза: – А я и не знала, что ты умеешь играть.

«Ты многого не знаешь обо мне», – мысленно ответила ей.

Перед сном Константин Петрович предупредил, что с завтрашнего дня начинаются соревнования, и мы побежим на время.

Проснулась с рассветом. Запахи и музыка леса будили воображение. Всё ещё было в полудрёме, как и я: деревья, цветы, светлеющее небо... Умылась и приготовила завтрак – гречневую кашу с тушёнкой. Ребята с вечера натаскали воды, и не было надобности идти к роднику. Один за другим стали просыпаться одноклассники. Они очень удивились, что завтрак готов.

– Оперативно, – похвалил учитель.

Константин Петрович проследил, чтобы мне все сказали «спасибо» и помыли за собой посуду. Я была благодарна учителю. Мы отправились к старту. Я прибежала к финишу последней.

– Ты нас подводишь, зачем тебя только взяли... – возмущались одноклассники.

– Прекратить! – вмешался Константин Петрович. – Лена при- бежала последней, но это ещё ничего не значит: она и в списке по- следняя. Не забывайте, забег на время, и она может показать ре- 112

зультат лучше вашего.

Одноклассники побурчали и замолчали. Через час пошли к стенду, где вывесили итоги забегов. Учитель обнял меня за плечи и сказал:

– Не переживай: какой бы ни был результат, я с тобой.

Его слова согрели душу. Однако чем ближе подходили к стенду, тем сильнее волновалась. Одноклассники ускорили шаг и раньше меня заглянули в списки.

– У Кислiewой самый худший результат! А ещё наезжала на Бу- харову! Да и у тебя, Тюбина, время не блеск, – сказал Низитин и повернулся ко мне: – Лена, извини.

– Вот видите, как я и говорил: Лена выдала лучший результат. Не зря же её выбрал, а вот вы, девочки, подвели. Если бы не Лена, паковали бы чемоданы, а пока есть шанс побороться! – учитель ободряюще посмотрел на меня.

– Поборемся! – подтвердили одноклассники, и мы помчались купаться.

Впереди ждал конкурс рисунков «Жизнь на поляне», и я очень старалась не подвести ребят. Спустя несколько дней мы узнали своей победе в этом конкурсе. Наша команда

сразу взметнулась на несколько ступенек вверх – на одиннадцатое место из двадцати семи.

...Наступил последний вечер на поляне. Лёгкая грусть витала в воздухе: снова рвались нити дружбы. Когда ещё с кем увидимся?

Солнце садилось, и огненный закат красил небо. Волшебная тишина царила над поляной. Мы упаковали вещи, сложили палатки и присели у костра ждать автобус. Прислушалась к стрекотанию насекомых и вспомнила о доме, представила встречу с родными. Жёлтая бабочка вспорхнула с цветка и полетела, поднимаясь выше и выше. Лёша Алимов взял гитару и, глотая чистый воздух, наполненный ароматами леса, запел любимую всеми нами «Лодочку»... Где-то вдалеке прокуковала кукушка и смолкла. Перевела взгляд на угли костра, которые покрылись пеплом, и размышляла: вот вернёмся, и отношения с одноклассниками улучшатся. Воображение рисовало самые радужные картины. Тишину разорвал сигнал машины – мы узнали школьный грузовик.

– Наконец-то, – выдохнул Константин Петрович.

113

Грузовик остановился, из кабины вышел водитель:

– Извините, припоздал. Автобус сломался. Пока грузовик подготавливал, пока поляну нашёл... В общем, берите по спальному мешку и располагайтесь поудобнее.

Константин Петрович вместе с мальчишками помог девочкам забраться в кузов, на дне которого лежало душистое сено. Впервые видела спальный мешок. Он был мягкий и тёплый и сразу убаю- кивал, будто детская колыбель.

Водитель встал на подножку кабины и громко спросил: – Упаковались?

– Да, – в один голос ответили мы.

– Удобно?

– Да.

– Только не вставайте и не шумите. А то от милиции может вле- теть: так перевозить людей запрещено.

Шофёр зря волновался. У нас не было никакого желания не то что вставать, но даже пошевелить пальцем – так было хорошо и удобно.

* * *

Через несколько дней состоялась поездка в Саратов, в цирк. К школе подъехал «Икарус» – большой, удобный! Села в кресло и сразу же возникло ощущение какой-то особенной лёгкости, почти невесомости. Было много провожатых, родители напутствовали детей. Мой папа поднялся в автобус и, как директор школы,

пожелал всем доброго пути. Как только он вышел, дверь закрылась, и автобус мягко тронулся. По- смотрела на папу через стекло, помахала ему рукой и мысленно сказала: «Па-

почка, я тебя очень люблю».

В приподнятом настроении с любопытством рассматривала мелькавшие за окном сёла, любовалась природой. Время от времени перебрасывалась словами с молчаливой попутчицей.

Прибыли в Саратов. На площади, где располагался цирк, бил фонтан шарообразной формы. Проходя мимо, все коснулись воды. Никто не отказал себе в удовольствии полакомиться мороженым. Благо, папы и мамы позаботились — щедро снабдили деньгами. Пришли в цирк со вторым звонком. Тамара Ивановна, ответствен-

114

ная за поездку, объяснила, что это предупреждающие звонки, а с третьим начнётся представление. Прозвенел третий звонок, а люди продолжали идти. Забеспокоилась: не хотелось, чтобы кто-то опоздал.

...Медленно погас свет, заиграл оркестр. Ударил лучом света прожектор, выхватив из темноты элегантного мужчину в чёрном фраке — конференсье. Он поприветствовал гостей цирка и объявил первый номер программы.

Представление смотрела на одном дыхании: оно казалось чудесной сказкой. Закралась мысль: а что, если не возвращаться в совхоз к злым людям, а остаться жить в Саратове? А потом пожалела родителей и решила: стану взрослой и построю свой мир, в котором будет хорошо и свободно, где

сама себе буду хозяйкой.

* * *

По возвращению, школьные будни вновь захлестнули с головой: включилась в подготовку смотра художественной

самодеятельности. На мероприятие в нашем клубе должны были съехаться таланты со всего района. Репетиции шли каждый день.

В назначенный день и время, наш хор открыл концертную программу. Мурашки побежали по коже, когда отзвучали последние ноты. Судя по реакции, зрителям понравилось наше выступление. Когда закрыли занавес, я и несколько девочек поспешили в мамин кабинет, кабинет директора, где переоделись в народные костюмы для исполнения танца с ленточками. Коллективный танец исполнили синхронно и красиво, за что и получили шквал аплодисментов. А мне ещё предстояло одиночное выступление через три номера.

Переодевалась и пыталась представить, как воспримут таджикский танец. Вспомнила, как родилась идея, его танцевать. Мама как-то сказала: «Лена, руки у тебя очень нежные. Знаешь об этом?» С недоумением посмотрела на руки, а мама продолжила: «Твоими руками начала заниматься, когда ты была маленькой: учила делать волну. Сейчас ты её делаешь на уровне профессиональной балерины. Может, выучим какой-нибудь восточный танец? При его исполнении обыч-

но используется эта самая волна». – «А какой?» – «Таджикский, например. Платье серебристое есть, тибетейка с 115

косичками тоже, подберём музыку...»

...Ведущая объявила мой номер. Я сделала глубокий вдох-выдох и уже собралась выпорхнуть на сцену, но не услышала музыки. Сердце забилося часто-часто. Подняла глаза на маму. Она жестами показала, что пластинка крутится, а звук не идёт... Неужели специально подстроили? В зале прокатился шёпот. Тут музыка зазвучала, но так тихо, что слышно было только мне одной. Подбежала мама.

– Танцуй без музыки! – решительно сказала она и подтолкнула меня на сцену.

Хорошо ещё, что не потеряла равновесие и сохранила самообладание. Зрители, затаив дыхание, следили за моими движениями. Было очень тихо, и казалось, люди слышат, как я перебираю ногами, как шелестит платье, как косички ложатся на плечи.

Танец окончен.... Бурные аплодисменты...

– Какой успех, какой успех! – восклицала ведущая, удаляясь объявлять следующий номер.

Мама подхватила меня, выбегая навстречу:

– Дочка, всё отлично! Танец без музыки – невиданное представление!

– А мне немножко стыдно.

– Не твоя вина, что не было музыки. Получилось лучше, чем могло бы быть, – подбодрила мама.

До следующего выступления оставалось время. Не спеша наде- ла народный сарафан и вместе с девочками вышла подышать све- жим воздухом. На крыльце курили, и я верну- лась в клуб. В дверях споткнулась о порог, упала и почув- ствовала острую боль в руке. Девочки помогли подняться.

– Наверное, не смогу танцевать, – сказала я им.

– Лена, если не будешь танцевать, мы тогда тоже не смо- жем: на- рушится композиция танца.

– И как быть? Я даже руки поднять не могу.

Хореограф увидела, как меня под руки провели в мамин кабинет и последовала следом.

– Что с тобой, Леночка? – встревожено спросила она.

– Болит рука, я упала.

– Сможешь танцевать?

– Нет. Надо лечь, мне плохо.

116

– Лена, миленькая, может, всё-таки сможешь? Сейчас многое решается: если победите, то поедете на районный конкурс, а там, глядишь, и на областной. Пожалуйста, Лена, соберись, это очень важно.

– Даже если и стану танцевать, руки не смогу поднять: боль та- кая, что кричать хочется.

– А ты и не поднимай! Выйди на сцену, чтобы сохранить рисунок. Оля Данилова тебя прикроет. Оля, слышала?

Одноклассница кивнула головой.

– Хорошо, я согласна.

– Лена, ты молодец! Спасибо большое! – растроганно воскликнула хореограф и заключила меня в объятия.

– Спасибо, Лена, спасибо, – заговорили девочки обнимая и целуя меня.

В кабинет вбежала взволнованная мама: – Лена, что с тобой?!

– Упала, очнулась – гипс, – через силу улыбнулась я. – Шутка, конечно, но доля правды есть.

– Мне тут такие страсти понарасказывали! Идём домой.

– Я буду танцевать.

– Какие танцы, на тебе лица нет! Надо лечь в постель, вызвать доктора...

– Мам, не волнуйся, я выдержу!

– Она у нас героиня! – с восхищением заметила одна из девочек.

Тут подошла хореограф:

– Александра Трифоновна, я вызвала врача.

– Спасибо, Любовь Ивановна.

Женщина в белом халате попросила подробно рассказать, что случилось. Внимательно выслушав, ощупала руку.

– Лена, у тебя сильный вывих плеча, рука должна быть в посто-
янном покое. В школу надевай халат, на физкультуру не ходи, до тех пор, пока плечо не заживёт.

Наш выход... Зазвучала музыка, и мы плавно вышли на сцену. Девочки постоянно поглядывали в мою сторону: в их взглядах чи-
тала сочувствие. Боль была такой острой, что невольно закрывала глаза и сжимала зубы. Это как-то помо-
гало притупить боль, но не- 117

надолго. Чтобы не потерять сознание, мысленно повторя-
ла: «Толь- ко бы продержаться, только бы продержаться...»

Когда услышала аплодисменты, появились слёзы на гла-
зах. При- ближаясь к маме, она ждала за кулисами, незамет-
но вытерла слезу со щеки и подошла к ней.

– Идём, помогу снять сарафан.

Сарафан расстёгивался до пояса. Сложнее оказалось с
платьем, но я справилась. Мама проводила меня домой и
вернулась в клуб. Я легла в кровать и заснула. Разбудил шум:
родители громко разго- варивали и смеялись. И когда они
вошли в комнату, мама спросила: – Лена, а знаешь, кто по-
бедил?

– Неужели я?

– Да, дочка. Теперь поедешь на районный смотр художе-
ствен- ной самодеятельности.

– Одна?

– Из взрослых поедет народный хор, а из ребят выбрали только тебя.

– А как же народный танец?

– Лена, кого им удивишь? Подобные танцы показывают из года в год, ничего особенного. А вот твой танец без музыки – своего рода маленький шедевр.

– И всё же, как выбрали танец без музыки?

– Ты у нас так хорошо танцуешь, что тебя берут без музыки, – улыбнулся папа.

– Да-а-а, чудеса, да и только! А когда объявили меня победительницей, кто-нибудь что-нибудь сказал?

– Да, – сказал папа и посмотрел на маму.

Я напряглась.

– Папа, ну, говори же, не тяни!

– Кирилов, заведующий районо (ты его знаешь) сказал: «Алек-сей Николаевич, что ж ты дочке своей музыку не сделал? К следующему выступлению уж постарайся, организуй».

– Так и сказал?

– Ещё добавил, что ты у меня молодец и очень смелая.

Мама поцеловала меня и озабоченно спросила: – Как рука?

Попыталась поднять руку и вскрикнула от боли.

118

– Лежи, лежи, – остановила мама.

- Видимо, завтра пойду в школу в халате. Представляю, в какое бешенство придёт класс, – грустно произнесла я.
- Не обращай внимания, – посоветовал папа.
- Да, кстати, а когда районный смотр? Рука успеет к этому вре- мени зажить?
- Смотр не скоро, успеешь, поправиться, – заверил папа.
- * * *

В школе, естественно, появилась в халате. Раздражению одно- классников не было предела!

- И я хочу ходить в школу в халатике, – съязвила Абитова.
- А я в шортиках, – подыграл ей Кузнецов.

На уроке химии Нина Григорьевна сделала замечание. Выслу- шав объяснение, не поверила:

- Так сильно болит, что форму не надеть?
- Дочке директора можно всё! – выкрикнул Шапин.
- Надеюсь, это ненадолго. Ты своим видом расшатываешь дис- циплину, – отчитала меня Нина Григорьевна.

На уроке геометрии Тюбина задала вопрос «с подвохом»:

– Анастасия Петровна, можно мне завтра прийти в халате?

– Нет, нельзя.

- Почему тогда Бухаровой можно, чем она лучше нас?
- Всем.
- Если она дочь директора, ей всё можно? – поддержала подругу Кислиёва.

Поднялся гвалт. Классная руководительница стукнула кулаком по столу:

– Хватит! Бухарова будет ходить в халате, пока не заживёт рука! У неё есть медицинская справка!

– Липовая, – вставил своё словцо Артём Бакин.

Одноклассники засмеялись.

– Так, отвечать пойдёт не липовый Бакин.

Артём нехотя поднялся со своего места и недовольно пробурчал: – Не подготовился я.

– Садись, Бакин, два.

119

– К доске пойдёт Кислиёва.

– Вы что, мстите?

– Кислиёва, без разговоров решай задачу или...

– Да иду-иду, – раздражённо проговорила Марина.

Никто из одноклассников не посочувствовал мне, не говоря уже о том, чтобы поздравить с победой на смотре. Они набросились на меня, как голодные звери. А в принципе, это происходило изо дня в день – был бы повод. А если не было, то придумывали.

Вдруг в открытой двери кабинета увидела симпатичного парня, брюнета: он будто парил над полом. Неожиданно повернул голову в сторону нашего класса, и наши взгляды встретились. Я опустила глаза. Парень остановился, постоял

немного и лёгкой походкой на- правился дальше по коридору. Никогда не видела его среди учени- ков – наверное, выпускник.

Девочки зашушукались:

– Ты видела, кто был?

– Нет. А кто?

– Сам Пикорин!

– Да ты что? Эх, жаль, пропустила.

– Красавчик, каких не сыщешь!

Не стала прислушиваться к разговорам, только подумала: «Он действительно красив. И, по-видимому, первый парень на деревне, раз он лучший, так ему и встречаться с лучшей, то есть со мной. Ничего не нужно предпринимать: всё произойдёт само собой. Известно ведь, что подобное притягивается к подобному...»

После уроков, как всегда, осталась в группе продлённого дня. Анастасия Петровна дала задание выучить теорему и рассказать ей. Она никогда ранее не давала нам подобного задания, и я по- думала: «Неужели хочет, чтобы класс узнал, что у меня плохая память?» Очень хотела, чтобы это осталось в тайне, изо всех сил старалась запомнить заданный материал. Алла, сидевшая рядом, неожиданно предложила:

– Давай друг другу расскажем теорему, проверим себя.

Согласилась и рассказала теорему без запинок, она – мне. По- дошли к учительнице. Алле не составило труда повто- рить заучен- ное, а я...

– Иди, Бухарова, учи, – вынесла вердикт учительница.

120

Алла с сожалением посмотрела на меня.

– Лена, ты же только сейчас рассказывала мне теорему.

– Как видишь, уже забыла.

Села за парту и стала учить заново.

– У тебя что, такая плохая память?

– Да.

– А я и не знала. Как же ты тогда учишься?

Пожала в ответ плечами:

– Вот так.

Алла подошла к учительнице и сказала, что я ей рассказа- ла те- орему. Анастасия Петровна разрешила перейти к вы- полнению до- машнего задания.

Домашнее задание отложила – села за оформление стен- газеты. Ольга Данилова подошла помочь. В последнее вре- мя мы сблизил- ись с Ольгой. Не последнюю роль сыграли в этом совместные за- нятия в танцевальном кружке и поездка в Саратовский цирк.

– Лена, а как же уроки? – спросила Ольга.

– Ночью, – вздохнула я.

– Если хочешь, приходи – помогу с домашним заданием.

– А где живёшь?

– На другом конце твоей улицы, пятый дом с краю. Ты в баню ходишь мимо моего дома, я часто тебя вижу.

Дома спросила у мамы:

– Мам, ты Пикорина знаешь?

– Да.

– Идём в спальню пошушукаемся.

– Ну, пошли, – улыбнулась мама.

– А можно с вами? – попросила Наташа.

– Ты ещё маленькая.

– А мне можно? – спросил Саша.

– Нет, у нас женский разговор.

Закрыв за собой дверь, приложила ухо к ней и услышала шаги. Резко распахнула дверь – на пороге стояли брат с сестрой.

– Мы тут проходили мимо, – начал оправдываться Саша.

– Вижу. Сказала же «нет»! И не пытайтесь подслушивать: будем разговаривать шёпотом, – строго произнесла я и снова закрыла

дверь.

Когда оказались одни, мама спросила: – А почему спрашиваешь о Пикорине?

– Он приходил в школу, и про него много говорили.

– Если тебя интересует, есть ли у него девушка, то отвечу: нет. – Mam, почему? Ведь он очень красивый.

– Девчонки проходу ему не дают, а ему это не нравится.

– А в клубе он бывает? – поинтересовалась.

– Редко. Он учится в техникуме, сюда к маме приезжает. Он тебе понравился?

– Понравился, но мне сейчас не до романтики, учиться нужно, – серьёзно ответила я.

Поступление в педагогическое училище

Наш класс готовился к выпускным экзаменам. Многие, как и я, решили после восьмого класса не возвращаться в школу. О моих планах, кроме родителей, никто не знал. Неизвестно, как сложится: если вернусь, насмешек не оберёшься. Экзамены сдала на пятёрки и четвёрки, в свидетельстве не было ни одной тройки, что не могло не радовать. Вот и кончились мучения!

Спустя некоторое время с родителями поехала в г.Вольск – подавать документы в педагогическое училище.

В этот же день сняли квартиру, где уже жили две девочки. Как выяснилось, они тоже поступали в педагогическое училище. Родители уехали, оставили продукты и деньги. Полная свобода! С утра до вечера гуляла с соседками по городу. О подготовке к

экзаменам, конечно, и речи не шло. Совершенно не думала о том, что ждёт в случае неудачи.

Когда наступил день первого экзамена, словно очнулась ото сна. Да, замечательно отдохнула! А как дальше? Вот так попала в ситуацию... Стало страшно от мысли, что ничего не знаю и что придётся вернуться в совхоз. «Разве так делает человек, когда хочет изменить жизнь? Сначала поступи, а потом пари на свободе!» – укоряла себя.

Словом, пошла на экзамен неподготовленной. Вскоре приехали родители, и мы вместе направились в училище. Папа и мама были

122

в хорошем настроении, много шутили, а вот мне было не по себе. У доски объявлений сердце замерло... Увидела результат... Вот оно и случилось. Ведь знала, что, если не стану готовиться, не поступлю. Как могла так расслабиться? Самокритика закончилась, когда мама сказала:

– Что-то тебя в списке не можем найти.

– Вот моя фамилия, – показала рукой и стала наблюдать за реакцией родителей.

Готовилась к худшему. Никогда ещё не было так стыдно! Мама увидела оценку, и улыбка сошла с её лица. Взглянула на папу. Он не мог поверить тому, что видел:

– Это что? Не пойму... Это... единица? Какая красная и жирная.

Её такой специально нарисовали, чтобы все видели. Стыдоба, какая стыдоба!

Я опустила голову. Всё, что говорил папа и скажет мама, я за- служила.

– Мать, ведь меня тут знают. Всем сказал, что дочь привёз. Как теперь в глаза людям смотреть? – сокрушался папа.

– Лёш, в жизни всякое бывает, – утешала мама.

– Всё, что могу сделать, отвести к знакомому. Никогда не уни- жался, а сейчас придётся.

Зашли в музыкальный класс, и папа объяснил другу ситуацию.

– Если у Лены хороший музыкальный слух, смогу помочь, – ска- зал тот. – Если нет, то... Сам понимаешь.

У меня никогда не проверяли музыкальный слух, и я не знала, как нужно себя вести. Мужчина взял в руки карандаш и стал сту- чать по столу. Мне бы уловить ритм, а я стала вести счёт ударам: – Один, и два, и три, четыре, пять, шесть, и семь, и восемь, и девять, десять, одиннадцать...

Преподаватель протянул мне карандаш:

– Повторишь?

– Постараюсь, – ответила.

Вспомнила свой подсчёт. Откуда вообще взяла, что именно так надо, а не по-другому? Интуиция подсказывала, что сделала всё неправильно. Мужчина покачал головой и сказал:

– Лёша, ты всё слышал.

– Да...

123

И мне стало понятно: я сделала всё, чтобы не поступить в это училище. Вместо того чтобы уловить ритмическую основу мелодии, вникнуть в неё, я занялась счётом. Хуже не придумаешь! Папин друг продолжал объяснять:

– Без музыкального слуха никак нельзя: специфика работы – петь с детьми.

И я поняла, куда попала и как несерьёзно отнеслась к выбору профессии. Или не судьба? Вместе с родителями поехала на квартиру за вещами. Девчонки-квартирантки весело встретили меня. Я же чувствовала себя скованно, еле выжала из себя улыбку и быстро прошла в комнату.

– Ты куда?

– Домой.

– Ты что, не сдала? – в один голос спросили девочки.

– Нет.

– А мы сдали!

Одна девочка толкнула другую в бок: мол, зачем масло в огонь подливать?

– Поздравляю, девочки, – грустно сказала я, глядя им в глаза. – И что теперь?

– В десятый класс... Что ж ещё остаётся?

– Жаль, мы так подружились...

– Мне тоже жаль, очень, – вздохнула я.

Попрощались с девочками, хозяйкой. Папа взял вещи и мы вышли на улицу.

– Это надо же, не двойка, а кол! – не мог успокоиться папа, поднимая указательный палец.

– Лёша, она же не хотела, чтоб так вышло.

– Если бы не хотела, сидела бы и учила. Это надо же, кол! Я уж думал, что таких оценок и не ставят давно. Так отвратительно написала, что на двойку не потянула!

– Я не одна получила такую оценку.

– Видимо, много бездельников собралось.

– Лёша, меня тоже эта оценка расстроила. Однако жизнь продолжается, и надо думать о будущем, – прервала мама.

– А что думать? В школу пойдёт, – отрезал папа.

– Может, ещё куда-нибудь попробует поступить?

– Хватит одного позора! – отрезал папа.

– Знаешь, Лёш, я думаю, хорошо, что Лена не поступила. Во- первых, будет на наших глазах – мне меньше переживаний. Во- вторых, повзрослеет, в-третьих, получит полное среднее образова- ние. С аттестатом все дороги откроются...

– Да я же не против! Просто волнуюсь. Лене очень плохо в шко- ле, а я ничего не могу сделать! Вот и злюсь, – грустно сказал папа.

Смотрела на родителей и думала: «Мамочка, самая доб- рая на свете! Я тебя очень сильно люблю, ты моя защитница, заступница! Вот увидишь, папочка, я сумею многого добиться в жизни и ты бу- дешь мной гордиться. Вы самые лучшие родители в мире!»

* * *

В девятый класс пошла как ни в чём ни бывало, словно и не по- ступала в училище. Лелеяла надежду, что обидчики не продолжат учёбу в школе. Но открылась дверь, а на пороге все мои недобро- желатели, кроме Шапина, его похоронили недавно.

«Начинается...» – тоскливо подумала я.

Заканчиваю школу

Зима вступала в законные права: веяло лёгким морозцем, снеж- ные хлопья парили в воздухе, одевая деревья и кусты в пушистые шубы. Наслаждаясь морозной свежестью, я шла с мамой в клуб по мягкому покрывалу. Снег приятно хрустел под ногами.

В клубе встретила с одноклассниками.

— Кого мы видим! — без тени ехидства воскликнули девочки из компании Абитовой.

— Давно бы так, — добродушно сказала Надя.

— Молодец, что пришла! — приветливо махнула рукой Алла и двинулась за подружками.

Я удивилась такому приёму. «Может, одноклассники бояться маму?» — мелькнуло в голове. Весь вечер не отходила от мамы. Уже в конце рабочего дня она подвела меня к ребятам, которые в углу зала играли в шахматы и шашки, и громко, чтобы все слышали, сказала:

125

— Видишь, Лена, Слава ждёт, когда с ним кто-либо сыграет. При- саживайся.

Слава сидел вполоборота ко мне и тут же откликнулся на предложение:

— В шашки не люблю играть, только в шахматы.

— В шахматы так в шахматы, — согласилась я.

— А ты хоть знаешь, как их расставлять?

— Если перепутаю, подскажешь, — улыбнулась я.

— Мне нравится сражаться с сильным противником.

— Всё равно, кроме меня, нет желающих.

— Ну ладно, уговорила. С девчонкой ещё только не играл, — про- бурчал Слава.

Расставила фигуры.

– Надо же, всё правильно, – прокомментировал соперник.

– Сама не ожидала, – наигранно удивилась в ответ.

Подтянулись болельщики: многих заинтересовал наш поединок. Здесь не было принято, чтобы девчонки играли в шахматы, и моё участие в игре было из ряда вон выходящим событием.

Противник начал игру не совсем удачно и сразу же потерял несколько фигур.

– Славян, а ты, кажется, проигрываешь, – сказал один из парней, хлопая товарища по плечу.

Слава вспотел от волнения, явно не ожидая такого поворота событий.

– Так нечестно! Ты притворялась! – сказал Слава, делая ход конём.

– Ты слышал то, что хотел услышать. А я не спорила, – сказала я и поставила мат королю.

– Да, Славян, сделала она тебя, – сочувствовали «гроссмейстеру» ребята.

Весть о проигрыше лучшего шахматиста быстро разнеслась по клубу. Многие подошли к нашему столу только для того, чтобы увидеть меня, победительницу.

– Хочешь ещё партию? – невозмутимо спросила я.

Слава вскочил как ужаленный и едва не уронил стул.

– Больше с тобой никогда играть не буду! Позор – проиграть девчонке! – сокрушался он.

– Давай сыграем!

– Послушайся моего совета: не играй! Всё равно проиграешь! – уходя, крикнул Слава.

– Всё же попробую...

Ещё несколько ребят попытались счастья, но напрасно. Всю неделю ходила в клуб и беспрестанно одерживала победу то в шашках, то в шахматах. Меня вполне устраивало, как складываются отношения с парнями. Когда совсем освоилась, стала выходить танцевать, не отказывалась и от медленного танца. Как-то подошёл Бакин и торжественно сообщил, что гость из соседней деревни хочет сразиться со мной в шахматы.

Молодой человек уже занял место за игровым столом и расставил фигуры. С первых же ходов стало ясно: соперник слабый, – и я быстро выиграла партию.

– Вот так наши девчонки делают ивантеевских парней, – важно заключил Бакин.

– У вас все так играют? – поинтересовался паренёк.

– А ты надолго или так, проездом? – умело сменил тему разговора Артём.

На следующий день Марина Кислиёва зашла в класс с новостью:

– Мой брат из армии вернулся! Он сегодня в школу придёт!

Класс радостно загудел, а Марина приблизилась к моей парте и ядовито прошептала:

– А на тебя он и не посмотрит, красавица ты наша... Даже не думай!..

«Видимо, не хочет со мной родниться», – посмеялась я в душе.

После урока в кабинет вошёл парень в военной форме. Одно- классники окружили его. Я же решила не смотреть в сторону гостя, чтобы не злить Марину.

– А это кто такая хорошенькая? – услышала я.

– Дочка директора, я тебе о ней рассказывала, – поспешно пояснила Кислиёва.

Приближающиеся шаги... Голос Марины: – Не обращай на неё внимание.

– Нет уж, позволь самому решать.

Привлекательный молодой человек подошёл ко мне, наклонил-

127

ся и посмотрел в глаза.

– Привет, симпатяшка! – улыбнулся он.

– Привет, – ответила я и тоже улыбнулась.

Тут прозвенел звонок, парень выпрямился в полный рост

и сказал: – Не прощаюсь! Мы ещё встретимся.

Я молча улыбнулась. Солдат направился к выходу и в дверях громко обратился к ребятам:

– Всем пока! Рад был повидаться!

Посмотрел ещё раз с улыбкой на меня и вышел. Марина недо- вольно глянула в мою сторону и кинулась догонять брата.

...Близился Новый год... И я спросила маму, какой она будет шить костюм.

– Надо подумать.

– Хочется чего-нибудь необычного. Помнишь, у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»:

Месяц под косой блесит,

А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,

Выступает, будто пава...

– Хочешь быть Царевной-Лебедью? – улыбнулась мама.

– Хочу, но как сделать звезду? – задумалась я.

– Спроси у папы. Он, как физик, скажет, реально сделать то, что ты хочешь или нет.

– Вот так загнула! Сама придумала, что ли? – удивился

папа, когда услышал мой вопрос.

– Да. Уверена, у тебя получится, ведь ты самый лучший физик!

– Дай время подумать...

– Если отец смастерит звезду, за мной дело не станет, – пообещала мама. – Сошью такое платье, что все ахнут! Если уж Золушкой восхищались, то Царевной-Лебедью тем более будут! Лен, сбегай за Сашей. Он катается на горке, мокрый весь, наверное. Как бы не промёрз.

Первый поцелуй

Горка находилась рядом с клубом, в десяти минутах ходьбы от

128

дома. Было темно, и я едва разглядела брата в шумной ватаге ребят. – Саша, пора домой! – крикнула ему.

– Три последних разочка! – донеслось в ответ.

– Хорошо, жду.

Я стала наблюдать, как веселится детвора, задорно съезжая вниз. Кто-то слегка подтолкнул меня. Обернулась и увидела Галю, которая была старше меня на год.

– Лена, можно тебя на минутку? – такое обращение насторожило, но я не подала виду. – Отойдём в сторонку, а то тут очень шумно.

Галя взяла меня под руку, повела вдоль дороги и заговор-

щиче- ски начала:

– Лена, понимаешь, тут такое дело. У моего друга сегодня день рождения. Он хочет, чтобы ты была среди гостей, и приглашает тебя на праздник.

«Одета вовсе не по-праздничному, именинника не знаю. Да и брата нужно забрать», – подумала я и отказалась от приглашения.

Попыталась освободиться, но в это время какой-то высокий па- рень взял меня под руку.

– Лена, привет! Я Павел, двоюродный брат Лёши Кислиёва и Марины, я здесь бываю редко. Так вот, у Лёши день рождения, со- бралась вся родня, а он не радуется. Спрашиваем, почему груст- ный, а он отвечает, что Лены рядом нет. За стол никто не садится, все ждут тебя.

– Павел, передай Лёше самые наилучшие пожелания и отпусти меня, мне нужно домой, – попробовала вырваться я.

– Можешь говорить что угодно, это не поможет. Ты – лучший подарок для Лёши, и мы не отстанем.

Больше половины пути прошли. Показалось, что бдительность провожатых ослабла и я попыталась убежать, но, увы.

– Сбежать хотела! – Павел ещё крепче ухватил меня под локоть. – Не выйдет!

У Кислиёвых ни разу не была, поэтому не знала, где те живут.

– Вот и прибыли, – сказала Галя.

Павел отпустил мою руку, чтобы открыть калитку. Воспользовалась моментом и вырвалась из рук Гали. Она кинулась за мной, но остановилась. Тот, который был всё время в трёх шагах от меня,

преградил дорогу.

129

– А, именинник! – с иронией воскликнула я. – Прими поздравления! Пока! – эмоционально произнесла, пытаясь его обойти.

– Может быть, зайдёшь, коль пришла?

Скрипнула дверь, на крыльцо дома вышли две женщины.

– Что же вы не заходите в дом?

– Уже идём, – Павел взял меня под руку.

Дом был полон гостей. Алексей вежливо помог снять пальто. Пристально посмотрела на него.

– Не стесняйся, все свои, проходи к столу, – сказал Алексей, отводя взгляд.

– Смотрите, кого я вам привёл, – воскликнул Павел, указывая на меня.

– Ну, наконец! Заждались уж! – воскликнули гости.

Ни одно блюдо было не тронуту. Павел не обманул: здесь на самом деле ждали меня. Вроде бы приятно, но терзало чувство неловкости. Раздался женский голос:

– Оставим молодых, им есть о чём поговорить!

Взглянула на Алексея: он опустил глаза и отправился провожать гостей. Что здесь происходит и почему нас называли молодыми? «Они даже ничего не поели», – подумала я и стала наблюдать за тем, как люди уходят. Все улыбались и хлопали Лёшу по плечу, что-то говорили, но мне не было слышно. Ситуация было более чем странной. Вот и последний гость покинул дом... Алексей за- крыл дверь на замок. Я внутренне напряглась.

– Присаживайся к столу, угощайся, – предложил Кислиёв.

Какой может быть аппетит в такой обстановке? Я отказалась. – Между прочим, всё готовилось для тебя.

Я по-прежнему молчала. Именинник поставил пластинку, заиграла музыка.

– Потанцуем?

– Что-то не хочется.

– Извини, что вот так получилось... Не сердись, ведь у меня день рождения...

Он присел рядом на диван, коснулся длинных волос и нежно по- целовал меня в губы. Сердце затрепетало... Я будто провалилась в бездонную пропасть... Стало так хорошо, что забыла его оттол- кнуть. Первый в жизни поцелуй... И тут постучали в окно.

– Начинается, – раздражённо сказал Лёша и вышел в коридор.

Наскоро обулась, накинула пальто и собралась уйти, как услышала Павла:

– Всё нормально?

– Ты зачем пришёл?

– Узнать, как у вас дела.

– Как дела? Ты у меня спрашиваешь, как дела? Да ты мне всё портишь! Я же вам русским языком сказал: не приходить!

Этот диалог ещё больше запутал ситуацию. Я не стала ждать разгадки, резко открыла дверь, растолкала братьев на своём пути и выбежала на улицу.

– Видел, что ты сделал? Лена! Подожди! – крикнул вдогонку Лёша.

Я помчалась по безлюдной, плохо освещённой улице, под ногами громко хрустел снег. Несколько раз обернулась назад – погони не было видно. Для верности завернула в переулок и пошла быстрым шагом, на ходу поправляя пуховый платок и застёгивая светло-серое пальто на пуговицы. Холода не чувствовала – наоборот, было очень жарко, гулко стучало сердце в груди.

Дома обо всём рассказала маме, кроме одного, что чуть-чуть повзрослела и мечтаю о новом поцелуе.

– Кино какое-то. Не всё понятно в этой истории, но ясно,

что ты нравишься Кислиёву, а родители поддерживают его выбор. Но за- чем они так странно поступили? – удивлялась мама.

Хлопнула дверь – на пороге появился папа. Подбежала к нему: – Папа, придумал, как сделать звезду?

– Да, – довольно улыбаясь, ответил папа. – Нужна игрушка в форме звезды. Я вставлю вовнутрь звезды лампочку, батарейки спрячу за звезду. Игрушка должна быть не совсем прозрачной, лучше – пластмассовой, чтобы мог свободно проходить свет, – пояснил папа. – Будет звезда сиять весь вечер!

– Пап, а как ты еёкрепишь?

– В корону вставляю.

– Спасибо, папуль, ты молодец! Настоящий изобретатель!

Две недели спустя увижусь с Алексеем, эта встреча повлияет на принятие решения, не думать о нём.

131

* * *

Долгожданный новогодний вечер... Когда в костюме Царевны-Лебеди зашла в спортивный зал, где собралось много людей, все, как замороженные, стали смотреть на меня. Несколько ребят рас-крыли рты от удивления:

– А как же эта звезда горит?

- Она на батарейках, – кратко объяснила я.
- Что, в голове батарейки?
- В короне.

Ребята засмеялись. Решила больше не раскрывать тайну, а го- ворить просто: «Секрет». Однако на вопрос «Кто соорудил не- обыкновенную звезду?» с гордостью отвечала: «Мой папа!». Любопытные мальчишки младших классов следовали за мной по пятам и шептались друг дружке: «Провода нет, розетки нет, а звезда горит!»

Концерт прошёл по-настоящему празднично и весело. В конкур- се костюмов я победила, и мне вручили ценный подарок. Марина Кислиёва в образе Избушки на курьих ножках заняла второе место, а третьим стал Владимир Жиликов, нарядившийся пиратом.

Неожиданно в зале погас свет, и школа погрузилась во мрак. Свет от моей звезды бил на расстоянии пяти шагов. Несколько де- тей и взрослых встали рядом со мной, и я представила, что мы на- ходимся на маленьком светлом острове, а вокруг бушует чёрный океан. Я была счастлива, что мой свет пригодился. По просьбе ос- вещала нужную часть зала, и дети восклицали: «А нам не страшно!

У нас есть свет!»

Так, спокойно и без паники, пережили пятнадцать минут темно- ты. Это был последний Новый год в школе. И послед-

ний костюм, который сшила мама.

Концерт

Ко Дню Советской Армии, двадцать третьему февраля, школа готовила концерт, который планировали провести в клубе. Девчонки класса собрали деньги на подарки мальчишкам. За два дня до праздника ответственная за мероприятие Любовь Ивановна дала мне задание выучить стихотворение.

132

– Любовь Ивановна, я не успею, – сразу предупредила я.

– Если будешь учить, выучишь.

– При всём старании не запомню.

– Лена, если не ты, то кто? Не подводи!

Праздничную программу открыла песня «У солдата выходной», которую исполняла я вместе с Женей Мурнинской. Как только мы запели, в зале засмеялись и Женя убежала.

– Лена, прости, что тебя оставила. Люди стали смеяться – я и не выдержала, – сказала Женя за кулисами и добавила: – Да и толку от меня никакого! Только песню портила!

– Ладно уж, – успокоила подругу и попыталась вспомнить стихотворение, которое учила два дня. – Женя, я забыла стихи.

– А ты прочти и повтори ещё раз.

– Я, конечно, повторю, но, боюсь, на сцене произойдёт то же самое. Пойду скажу, чтобы из программы вычеркнули

мой номер.

Женя в знак солидарности пошла к учительнице вместе со мной. – Любовь Ивановна, вычеркните нас, – попросила я.

– Девочки, вы что? – обомлела учительница.

– Любовь Ивановна, я предупреждала, что не успею выучить. Так вот, я учила, но не запомнила.

– И я тоже, – вставила Женя.

– Понимаю Женю: она никогда не выступала на концертах. Но от тебя, Лена, такого никак не ожидала. Идите повторяйте!

Перед выступлением попросила Женю меня послушать.

– Молодец, без запинки! А боялась! – улыбнулась подруга.

– Это ненадолго.

– Как это?

– Ладно, не вникай.

Ведущая объявила стихотворение, и я ступила на сцену. И... вновь всё забыла! Зрители молча смотрели на меня. Такую тиши- ну уже испытала однажды – когда исполняла таджикский танец... Стихотворение не вспоминалось. И тут раздались громкие хлопки: это пришла на выручку любимая мама. Её порыв подхватили. Об- вела взглядом ряды и скрылась за занавесом. Аплодисменты зазвучали с удвоенной силой. Прежде чем объявить следующий номер, Любовь Ивановна извинилась:

– Лена, прости, думала, капризничаешь.

Подошла мама.

– Дочка, не расстраивайся. Такое бывает с каждым артистом, зато какие аплодисменты за минуту молчания! – улыбнулась она.

Я тоже улыбнулась, но представила лица одноклассников, их ухмылки и загрустила.

– Смешнее вашего с Женей выступления ничего не было, – продолжала мама. – Ваши голоса никак не подходят под эту песню, да и поётся она хором. К тому же Женя убежала со сцены. Но ты молодец, держалась до конца, показала характер! Лена, извини, но мы с отцом посмеялись от души, да и все в зале тоже.

– Я сегодня всех сместила: пела непонятно как, стихотворение рассказывала молча.

– Дочка, мы смеялись по-доброму. И благодарны за это.

* * *

На следующий день в классе только и разговоров было, что о моём выступлении. На перемене Анастасия Петровна подозвала к себе:

– Лена, почему ко мне не подошла, когда Любовь Ивановна ставляла учить стихотворение? Она не имела никакого права так поступать! Я бы постояла за тебя, потому что

знаю, как тебе непросто даётся заучивание наизусть.

– Спасибо, Анастасия Петровна.

– И на будущее – не стесняйся подходить, если что.

Смешки в мой адрес Анастасия Петровна прервала, резко стукнув ладонью по столу:

– Вы пальцем не пошевелили, чтобы что-нибудь сделать! Бухарова, между прочим, отдувалась за класс! Даже перестали помогать выпускать стенгазету! Она всё на себе тащит! А вы вместо благодарности смеётесь? Вам должно быть стыдно!

В классе наступила тишина. Прозвенел звонок на урок.

– Молчите? Правильно! Итак, записываем: билет номер двадцать пять...

Выпускные школьные экзамены

134

Сочинение писали четыре часа. Последняя минута...

– Сдавайте работы! – раздаётся голос председателя экзаменационной комиссии.

Вокруг вздохи не то облегчения, не то разочарования, шуршание бумаги...

Мы с Женей сразу пошли домой, но нас догнал Артём Бакин: – Девчонки, есть предложение отметить первый экза-

мен. Со- гласны?

– Если будет Тюбина, Кислиёва и вся их честная компания, не пойду, – твёрдо заявила Женя.

– Ну, и я тоже.

– Их точно не будет, – заверил двоюродный брат Жени. – Только пацаны и вы.

Было странно слышать такое. Очевидно, ребята выходили из- под влияния Абитовой. Мы с Женей переглянулись и приняли при- глашение.

– А что нужно приготовить? – поинтересовалась я.

– Ничего, уже всё приготовили: главное – чтобы вы пришли.

Я была приятно удивлена.

В назначенное время зашла к подруге, где уже ждал Бакин. Он заметно нервничал: Женя никак не могла подобрать платье. При- шлось включиться в процесс. За минут двадцать общими усилиями выбрали-таки наряд.

– Наконец-то! – радостно встретили нас ребята.

– Женька, копуша, целый час решала, что надеть! – доложил Бакин.

– Не позорь меня, – шепнула смущённо Женя.

– Главное – пришли, и за это нужно выпить! – торжественно произнёс Низитин.

– Лена, Женя, присаживайтесь, – сказал Самойлов.

Каких только блюд не было на столе! Неужели парни сами приго- товили и так умело, можно сказать, культурно накры-

ли стол? Ребята разлили водку по рюмкам. Я сказала, что не пью, но ребята настаивали. Погас свет – вылила водку на пол. Включили – сделала вид, что выпила. Но ребята догадались, что я не пила.

– Рюмка пуста? Пуста. Какие претензии? Никаких! – сквозь

смех сказал Низитин.

135

После посиделок пошли в клуб на танцы. И здесь Артём Бакин шепнул на ушко:

– Лен, с тобой хотят в шахматы сыграть.

Артём подвёл к столу, за которым сидел незнакомый парень. Шахматные фигуры уже были аккуратно расставлены.

– Сыграем на ящик водки? – с ходу предложил парень.

Посмотрела на молодого человека, перевела взгляд на Бакина. – Вы серьёзно?

Ребята переглянулись и улыбнулись друг другу: понятно, сговорились.

– Кстати, меня Алексеем зовут.

– А меня Елена.

– Знаю, – улыбнулся Алексей и посмотрел на Бакина.

Артём отвёл взгляд.

– Алексей, а если я выиграю, отдашь ящик?

– Этого не случится: я играю лучше всех в деревне.

– Получается, если проиграю, тебе водку подавай, а если я вы- играю, то приза не видать?

– Точно, – сказал деревенский Бендер.

– Ты же, Лен, не пьёшь, – заметил Бакин.

– Не пью, но так из-за принципа. Ладно, начнём, – сказала я и двинула белую пешку на две клетки вперёд.

Алексей, действительно, оказался сильным противником и тем не менее проиграл. Он встал из-за стола и, не веря в то, что произо- шло, воскликнул:

– Этого не может быть!

– Я предупреждал, что она лучшая.

К столу подошёл Саша Пикорин.

– А со мной партию?

И зачем только он садится играть? Неужели надеется вы- играть? Он проиграл очень быстро и без лишних слов ушёл. Глубоко вздох- нула и присоединилась к танцующим ребя- там. Когда закрыла клуб и стала спускаться по ступенькам широкой лестницы, меня оклик- нул Валера Бисеков.

– Лена, подожди!

– Жду, – улыбнулась я.

– Леночка, давай немного пройдемся.

– Давай.

Мы сделали несколько шагов, и Бисексов взволнованно сказал: – Нет, лучше постоим.

«Нервничает. Сейчас в любви признаваться будет», – предположила и посмотрела мимо Валеры в сторону клуба. На крыльце стоял Пикорин, облокотившись о перила.

– Хочу сказать... Давно наблюдаю за тобой и вижу в тебе только хорошее, светлое. Уверен, что таких, как ты, на свете нет. Я тебя очень люблю и хотел бы с тобой встречаться.

– Валера, ты хороший человек. Прости, но я тебя не люблю.

– Ты меня совсем не знаешь. Если будем встречаться, узнаешь и полюбишь...

– Нет, Валера, с тобой встречаться мы не станем. Извини, мне пора.

– Позволь тебя проводить, – Валера встал на своём пути.

– Нет, – твёрдо отказала я.

Вспомнила, что когда-то его сестра Наташа просила за меня заступить, а Валера не захотел. А теперь признаётся в любви и хочет встречаться. Наверное, жалеет, что не стал для меня героем, а может, и забыл, что была такая возможность.

– Эй, ты что к девчонке пристаёшь? Видишь, не желает с тобой общаться! – вдруг раздался крик Пикорина.

– Не твоего ума дело! – огрызнулся Бисексов и продолжил: – Ну хоть есть у меня шанс?

– А вон и мама идёт, мне пора.

– Лена, ответь!

– Нет, Валера.

– Молодой человек, в чём дело? – вмешалась мама.

– Да вот, я вашей дочери в любви признаюсь, а она гонит.

– Что ж, ей выбирать, – спокойно ответила мама.

Я взяла её под руку и мы пошли домой.

* * *

Сегодня экзамен по физике. Бегло повторила ответы на вопросы и отправилась в школу. Сдала легко. Пришла мысль отметить сдачу экзамена с ребятами, как в прошлый раз. Женья обрадовалась:

137

– Это идея! Но к тебе пацаны постесняются пойти. Можно у меня: завтра родители уезжают к бабушке. Оторвёмся!

В коридоре встретили Низитина, Бакина, Жиликова. Низитин восторженно выкрикнул:

– О чём разговор? Отметим!

– Тише! А то Юлька уже косится на нас, – шикнула Женья, и все ребята повернулись в сторону Тюбиной. – Не смотрите так от- крыто! Завтра в семь у меня. Будет кто интересоваться, зачем мы подходили...

– Рот на замке! – подхватил Максим и улыбнулся.

– Мы что, сами себе враги? – поддержали Бакин и Жия-ков.

– В чём дело? – полюбопытствовали только что подошедшие Самойлов Олег и Алимов Лёша.

– Вам всё расскажут, а мы побежали – готовить надо, – бросила Женя на ходу.

– Куда побежали, что готовить? – не понял Алимов, но нас и след простыл.

За три года я столько натерпелась, что изменения в отношениях с одноклассниками воспринимала осторожно. Думаю, ребята это понимали, хотя не подавали виду.

После кино осталась в клубе вместо мамы. Закончились танцы, и я попросила всех выйти. Саша Пикорин и Валера Бисеков сидели в креслах и рассказывали друг другу анекдоты, громко хохотали.

– Так, а вам особое приглашение надо? – поинтересовалась я. – Решили не уходить, – пошутил Саша.

– Придётся вас закрыть, – тоже пошутила в ответ.

– А мы – через кинозал.

– Что-то пропадёт – буду знать, с кого спросить.

– Ладно-ладно, уговорила.

Друзья стояли на крыльце, когда закрыла клуб, Саша предложил проводить меня. Я отказалась.

– Смотри, чтоб потом не пожалеть, – крикнул в след он.

– Не волнуйся, не буду.

– А вдруг на тебя нападут? – Саша догнал меня.

– Не беспокойся.

– А вдруг? Хотя, – Саша хитро улыбнулся, – если ты решишь, чтоб я тебя проводил, так тому и быть.

138

– Не говорила ничего такого! – удивлённо посмотрела на него. – Мне что, послышалось? Тогда я пошёл.

– Иди, – спокойно ответила я.

– А с другой стороны, я рядом. Можно сказать, уже провожаю. Дойду уж до конца.

– Иди уж, – сдалась я и подумала: «Ну и хитрец ты, Саша!» Мы шли и говорили о пустяках. Чувствовала себя спокойно, весело смеялась, шутила и твёрдо знала: Саше можно доверять. Вот и калитка. Пикорин коснулся руки и тихо сказал:

– Не хочется с тобой расставаться. Так легко, будто знаю тебя всю жизнь.

– И у меня такое же чувство, – смущаясь, призналась я.

– Может, ещё кружок?

Неожиданно нас осветило фарами – это «запорожец» подкатил к гаражу.

– Вот и всё, – проговорила я. – Папа выйдет из машины, позовёт домой, и мы расстанемся.

– А завтра увидимся?

– Может быть.

Папа вышел из машины, чтобы открыть двери в гараж, и

посмо- трел в нашу сторону:

– Лена, домой!

– Угадала, – засмеялась я.

– Ты хорошо знаешь отца. А он строгий?

– Очень.

– Тогда до встречи, – ласково попрощался Саша и махнул рукой, а я, окрылённая и счастливая, буквально влетела в дом.

– Мама, знаешь, кто меня провожал? – радостно воскликнула я. – Пикорин, мам, тот самый... Я ещё расспрашивала о нём. Было так хорошо!.. Думаю позволить ему снова проводить меня... – Не знаю, – засомневалась мама, – говорят, он больше одного раза девушку не провожает.

– Почему?!

– Очень разборчивый. Ему одного свидания хватает, чтобы определить, подходит девушка или нет.

Было над чем задуматься...

Утром, едва перешагнув порог класса, поняла: издёвок по пово- 139

ду «проводов» не миновать.

– А кого я вчера видела... – ехидно протянула Махалова.

– Кого? – все наострили уши.

– Нашу скромницу Бухарову, которая никому не позволя-

ет себя провожать, ни с кем не дружит, не целуется. Иду и слышу знакомые голоса. Оборачиваюсь – Бухарова с Пикориным.

– С Пикориным? – в один голос переспросили ошарашенные одноклассники.

– Сама сначала не поверила глазам, но факт есть факт.

Кислиёва добавила свою ложку дёгтя:

– Думаешь, нужна ему? Да он уже бросил тебя! И не мечтай, больше не подойдёт!

Чувствовала, что нравлюсь Саше, и была уверена: он не оставит меня. Вдруг вспомнила, как Марина опекала своего взрослого брата, и мне стало смешно.

– Ты что улыбаешься? Ещё посмеёмся над тобой, когда увидим Пикорина с другой.

Недобрая зависть кипела в словах Марины.

– Ну, ты и молодец! Не ожидал! – ободряюще шепнул Бакин, проходя мимо моей парты.

* * *

После школы готовили у Жени праздничный стол. Отлучилась домой привести себя в порядок – и снова к Жене. Вскоре подтянулись ребята, нарядные и весёлые.

– Вот-вот остальные нагрянут, – возвестил Артём Бакин.

Женя включила проигрыватель и поставила медленную музыку.

– А как же танцевать? Вас двое, а нас – уже шестеро, – посчитал Олег Самойлов.

– По очереди, – предложила я.

– Тогда мой танец – первый. Лена, можно тебя пригласить? – со-риентировался Олег.

– Конечно.

– Мне нужно ненадолго домой, – сказала Жене после третьего танца.

– Не хочу одной оставаться, – шепнула подруга. – Мальчишки собираются только из-за тебя, я им нужна как телеге пятое колесо.

140

– С чего это взяла?

– Когда звучала музыка, меня никто не пригласил на танец, ждали, когда ты освободишься. От них раньше привета не слышала. Ты дружишь со мной, вот они и зовут заодно. Ясно как божий день, – пожаловалась Женя.

– Женя, а ты забыла, как раньше они ко мне относились?

– Это девчонки жутко завидовали. Они-то и вынуждали мальчишек тебя шпынять. Ты им всегда очень нравилась, только они при-знаться стеснялись. Да и как ты можешь не нравиться?

– Жень, не переживай, я скоро.

Во дворе своего дома покормила кур, поросят, кроликов и устре-милась в дом Жени.

Когда зашла, застала Женю в слезах. Она подметала пол, на со- вке лежали осколки вазы.

– Что случилось? Где все? – спросила я.

Женя ещё сильнее расплакалась:

– Ты только ушла, как в дом залетела эта дурная компания – Тюбина, Кислиёва, Махалова. Устроили страшный скандал. Юлька упрекнула, что её не позвала. Эта троица забралась на стол и давай переворачивать тарелки, мять еду. Всё, что наготовили, – коту под хвост! Свалили вазу с цветами... За неё от родителей влетит... Зашла в зал и ужаснулась: посуда на столе перевернута, а при- готовленные блюда – сплошная каша...

– Они пьяные были?

– А то!

– А мальчишки что?

– Они от изумления не могли вымолвить ни слова. Потом, правда, Бакин очнулся, давай стаскивать Тюбину, а она – матом! Остальные пацаны тоже будто проснулись – начали снимать всех со стола. Такого наслушалась! Ненавижу эту Тюбину! Откуда только узнала о нашей вечеринке? Так стыдно перед ребятами, что больше не буду с ними отмечать ни одного экзамена.

– Очень жаль, что так получилось.

– Да, жаль...

- А что сказали ребята, когда девчонки ушли?
- Что они чокнутые и бесятся от бессилия и злобы.
- Жень, тебе надо развеяться. Пойдём в клуб.

141

- Нет настроения.
- Тогда давай помогу прибраться.
- И перед тобой совестно: столько продуктов принесла, целый день готовила, так ещё за этими свиньями прибираться? Нет уж, сама всё сделаю, – вытирая слёзы, сказала подруга.
- Женя, я завтра зайду, не вешай нос.

Случившееся в доме Жени сидело занозой внутри, но в клуб ле- тела на всех парусах. Как там Пикорин? Подойдёт или нет?

Начались танцы, а Саши не было. Чтобы удобнее наблюдать за входом, села играть в шахматы. Наконец появился Саша. В фойе стоял теннисный стол, и Пикорину предложили ракетку, но он от- казался. Посмотрел через стекло на танцующих, перевёл взгляд на шахматные столы, улыбнулся и направился ко мне.

- Привет!
- Привет! – улыбаясь, ответила я.
- Выигрываешь?
- Как всегда. Хочешь сразиться?
- Одного раза достаточно. Потанцуем?

Кивнула и через ход объявила сопернику мат. Целый вечер Саша не отходил от меня и снова провожал.

– Мне почему-то всё время встречались неинтересные девчонки, – завёл откровенный разговор Пикорин. – С ними не о чем поговорить, они словно бесцветные, потому и расставался легко и без сожалений. А с тобой – по-другому: ноги сами к тебе бегут. Еле дождался вечера... Со мной такое впервые...

У Саши радостно блеснули глаза. Его слова пролились бальзамом на растревоженное сердце – на карту была поставлена моя честь.

– Когда мы сюда переехали, решила, что ни с кем здесь не буду встречаться, поэтому не позволяла себя провожать, – призналась Саше и я.

– Надо же, и меня посещали такие мысли. Видишь, как вышло: подобное тянется к подобному.

Мы засмеялись.

Вручение аттестатов

142

В актовом зале было жарко, и ребята распахнули окна, откуда открывался вид на пришкольные просторы.

Папа на правах директора выступал первым. Как всегда, говорил ровным, хорошо поставленным голосом. В заключение объявил, что аттестаты получают все, кроме Игоря

Кузнецова. Игорь тут же густо покраснел и возмутился:

– Нечестно! Вы специально подстроили!

– Двойки мы тоже за тебя получали? – вмешалась класс-ная ру-ководительница.

– Кузнецов, у тебя будет возможность пересдать экзамены осе- нью, – пояснил папа.

Опустив голову, Игорь поднялся и вышел. Жаль парня, но сам виноват. Выступающие сменяли друг друга: преподаватели, класс-ная руководительница Анастасия Петровна, женщина из роди-тельского комитета. Папа, вручая атте-стат, улыбнулся мне, а я ему. Наконец-то свободна! Но, ко-гда с трепетом стала рассматривать пахнувшие типографской краской и чернилами странички, улыбка соскользнула с губ: по немецкому языку стояла четвёрка, хотя на экзамене по-лучила пять. После торжественной части ко мне по- дошли родные и поздравили с окончанием школы.

– Спасибо, мои дорогие. Мам, пап, а мне по немецкому четвёрку поставили вместо пятёрки.

– Ну-ка, ну-ка, – решила убедиться мама.

– Лёша, и правда! Но как это могло случиться?

– Заполняла Анастасия Петровна... – заглянул в документ папа.

– Наверное, торопилась и сделала описку. Сейчас разбе- русь. А вон и она...

– Мама, это не описка. Учителям всё кажется, что мне мало до- стало.

– Не расстраивайся, доченька...

– Знаешь, мама, кто на этом празднике самый счастливый?

– Догадываюсь.

– Это я. Одноклассники вон, слезу готовы пустить, а мне ниско- лечко не жалко расставаться со школой. Наоборот, с радостью бегу отсюда. Поставили не ту отметку – значит, желают зла. Да я счаст-

143

ливее их, потому что счастливый человек никому не пожелает зла.

– Какая же ты мудрая! – восхищённо заметил папа, приближаясь к нам.

– Ну что, Лёш? – нетерпеливо спросила мама.

– Извинилась.

– И всё? А дальше?

– Могу, конечно, написать в районо заявление. Но это долгая и не очень приятная процедура. Аттестаты выдаются строго по ко- личеству учеников, и, если происходят недо- разумения, отвечает директор. Четвёрка – неплохая оценка и общую картину, думаю, не испортит.

– А вдруг Лене при поступлении балла не хватит? Да и

справед- ливость должна же быть...

– Подумаю, что можно сделать, а пока давайте веселиться.

Сначала хотела уйти. Но, когда поняла, что многие желают ви- деть меня расстроенной и сломленной, изменила планы. До конца останусь победительницей! И сделаю это для себя самой! В конце концов, выпускной бал бывает раз в жизни. Обвела взглядом при- сутствующих и мысленно начала с ними прощаться: «Прощайте, нелюбимые учителя и одноклассники! Прощай, жестокая школа! Вы три года глумились надо мной, издевались, насмехались, злос- ловили, осыпали ругательствами, клеветой и унижали. И даже не представляли, как мне было тяжело. Что испытываю сейчас? На- пряжение, потому что всё ещё вижу вас, и радость, потому что ско- ро это закончится. Передо мной – широкая до- рога, и я счастлива, что буду идти по ней без вас!»

В четыре часа отправились на горку за деревней встречать рас- свет. По пути скинула босоножки и спрятала их в кусты.

– Не боишься, что украдут? – спросила Женя.

В розовом наряде Женя сливалась с другими одноклассницами. Я была единственная в платье салатového цвета, нежная ткань ко- торого почти не ощущалось на теле.

– Кому нужно лазить по кустам, да ещё в такую рань?

Женя подумала и последовала моему примеру. Несколько дев- чонок и мальчишек тоже сняли обувь. На горке устрои-

ли привал. Разложили газеты, достали из пакетов спиртное и закуску. Долго отказывалась от водки, но в итоге поддалась на уговоры и сделала 144

несколько глотков. Тёплая волна растеклась по телу. Поначалу понравилось ощущение расслабленности и лёгкости, но скоро острота восприятия исчезла, и я решила больше не пить.

Солнце медленно поднималось над горизонтом. Лучи отражались в капельках росы на траве и полевых цветах. Осторожно прикоснулась пальцем к росинке и дала ей перебраться на ноготь. Взглянула в глубь сверкающей капельки: в ней отражался мир. «Как красиво! – подумала я и прикоснулась губами к «жемчужине». – Едва уловимый вкус, очень нежный, тонкий».

Общение с природой прервала Махалова: ей хотелось знать, куда буду поступать.

– В Саратовское культурно-просветительное училище, – ответила я.

– Я тоже туда хочу, но решение ещё не приняла.

«Только не это», – подумала я и тут же почувствовала, что мы не будем учиться вместе.

Домой вернулась, когда совсем рассвело. Родители предусмотрительно не закрыли дверь. Тихо прошла к себе и легла спать. Разбудил стук в окно. Отодвинула занавеску – Максим.

– Мы на речку. Ты с нами?

– Нет, – сонно ответила я.

– Поехали.

– Спасибо за приглашение.

– А вечером в клуб придёшь?

– Да.

– Ну, тогда до вечера.

– Пока.

– Дочка, слышала твой голос... – заглянула в комнату
мама. – Доброе утро, мамочка.

– Как погуляли?

– Хорошо.

– А кто в окно стучал?

– Низитин на речку звал.

– Наверное, не выпалась. Поспишь ещё?

– Да.

* * *

145

Вечером в клубе одноклассники выглядели, откровенно говоря, неважно.

– Хорошо, что не поехала и не видела этот кошмар! Девчонки перепили, переругались, на деревья полезли, а слезть – шиш, – рассказывал Низитин. – Так и болтались, пока их не сняли. А Махалова с Абитовой до сих пор в кустах спят.

Подошёл Пикорин, протянул руку Низитину и спросил у

меня: – Как дела, выпускница?

– Отлично!

– Зато у нас у всех башка трещит, – пожаловался Максим, схватившись за голову.

– Пить меньше надо! – засмеялся Саша.

– Это точно. Ну ладно, ещё увидимся, – Максим поспешил к выходу, а мы с Сашей взялись за руки и пошли танцевать.

Студенческие годы в Саратове

В Саратов с мамой приехали днём, сдали документы в приёмную комиссию и занялись поисками квартиры. Недалеко от училища, через мост, были частные дома. Мы постучались в первый попавшийся дом. На пороге появилась хозяйка.

– Сдаёте комнату? – спросила мама.

– А откуда узнали?

– Наугад зашли.

– Вообще-то, сдала одной девочке. Если она не против, и вас возьму.

В дверной проём выглянула молоденькая девушка со светлыми волнистыми волосами. Открытое, располагающее лицо. Мы улыбнулись друг другу.

– Комната нужна моей дочке, – пояснила мама.

– Ты поступать? – спросила девушка.

– Да, в культурно-просветительное училище.

– Я тоже! – обрадовалась девушка. – А на какое отделение?

ние?

– На «организацию».

– И я.

– Здорово! Вместе будем ходить в училище. Как тебя зовут?

– Нурания.

146

– Ну-ра-ния, – повторила я.

– По-вашему – Нина.

– А Нурания – это...

– По-татарски.

– А как переводится, что означает?

– Ничего не означает и не переводится. А тебя как зовут?

– Лена, что значит «свет».

– Тётя Галя, возьмите, пожалуйста, Лену, – громко попросила Нина хозяйку. – Мы в одно училище поступаем, и даже на одно отделение.

– Вы что, серьёзно? – удивилась мама.

– Значит, судьба, – сказала хозяйка. – А тесно не будет?

– Она худенькая, – улыбнулась Нина.

С первой минуты у нас возникла взаимная симпатия. Мы обнялись, взяли мои сумки с чемоданом и понесли их в комнату.

– Разве такое бывает? – удивилась мама. – Постучали в

первый попавшийся дом и сразу сняли комнату. И не только сняли, а ты Лена ещё и однокурсницу встретила.

– Мы и сами удивляемся, – почти одновременно сказали я и Нина.

– Гляжу, как вы спелись, и думаю, что подружитесь, – улыбнулась мама.

– Точно спелись, – рассмеялась хозяйка.

– Ну вот, дочка, и устроилась. Теперь я спокойна. Пойду, мне ещё на автобус успеть...

У калитки мама остановилась:

– Ты много страдала, Лена, теперь завистников нет. Никто не помешает тебе быть счастливой и успешной. Верю, плохое позади. Видишь, без хлопот сняли комнату, подругу встретила. Рада за тебя, доченька! Будут новости – сразу же звони.

Мы поцеловались. Долго смотрела маме вслед. Слезы навернулись на глаза, комок подступил к горлу.

Подошла Нина:

– Проводила? Грустишь? Понимаю, сама плакала, когда с родителями расставалась. Не горюй, вместе справимся!

– Нина, хорошо знаешь город?

– Нет, я тут первый раз.

– Лена! – позвала хозяйка. – Зайди-ка, с правилами познакомлю. Я вопросительно посмотрела на Нину.

– Она меня тоже инструктировала, как дома себя вести, – шепнула на ухо подруга.

* * *

На следующее утро узнали в училище расписание экзаменов и решили осмотреть город. Сели в трамвай.

– Нина, как думаешь, мы едем в трамвае или в троллейбусе?

– В троллейбусе.

Вспомнила, как одноклассники Тане Купкаевой часто говорили: «Не трамвай – объедешь».

– Да нет же, троллейбус! – отреагировала Нина на моё утверждение, что это трамвай.

– Чтобы доказать свою правоту, спрошу у кого-нибудь.

– И не постесняешься? – удивилась Нина.

– Стеснятся надо плохих поступков, – произнесла я и обратилась к рядом стоящей женщине: – Скажите, пожалуйста, мы в трамвае едим или в троллейбусе?

Та от удивления широко раскрыла глаза, но потом улыбнулась и сказала, что в трамвае.

Домой вернулись к вечеру. Родители снабдили нас продуктами на первое время, поэтому ходить в магазин не было нужды. Нина не умела готовить, поэтому за дело взялась

я, а подруга помогала. Она рассказала, что хозяйка – продавец и часто не ночует дома: либо работает в ночную смену, либо едет в командировку. После ужи- на занялись уборкой: это входило в наши обязанности. Намочила тряпку, встала на стул и принялась вытирать пыль на шифоньере. В глаза бросилась коричневая коробка с красивыми ячейками.

– Интересно, что тут лежало? – произнесла я, опускаясь на пол. – Возможно, конфеты.

– Это наверняка какие-то дефицитные конфеты. Попробовать бы такие!

– Ты ещё не видела, какие у неё есть духи! Идём покажу, они в зале. – Нина указала полку и добавила: – Настоящие, французские.

– Понюхать можно?

148

– Бери, только очень аккуратно.

Взяла флакончик и нажала на распылитель – духи попали на руку.

– Лена, что ты наделала?

– Понюхала...

– А не могла их просто к носу поднести?

– Могла. А что?

– Чувствуешь, запах по комнате пошёл?

– Чувствую.

– Хозяйка придёт и сразу догадается, что мы пшикались

её духами.

Я тут же побежала на кухню мыть руки, но, как ни старалась, запах не улетучивался.

– Нин, а духи действительно французские! Такие стойкие, что руки до сих пор пахнут.

– Когда хозяйка придёт, старайся близко не подходить: может, и не почует, – посоветовала Нина.

Спустя два часа пришла хозяйка. Было заметно, что во хмелю, поэтому ничего не заподозрила и молча легла спать.

– Пронесло, – облегчённо вздохнула Нина.

* * *

На собеседовании каждая девушка из нашей группы исполняла номер художественной самодеятельности. Я показала таджикский танец, а Нина спела татарскую песню. Кроме того, надо было с одноклассницами продемонстрировать совместное выступление. Мы спели песню «Калинка, малинка моя...», все получили положительные оценки, чему были очень рады.

Следующий экзамен – сочинение. И мы днями напролёт штудировали учебник русского языка. В это время на квартире произошла такая история.

Вечером хозяева вернулись домой пьяными. Хозяйке долго не удавалось включить телевизор, и она попросила мужа это сделать. Тот сказал, что ничего не выйдет: он специально вытащил деталь, потому что жена всё время смотрит в экран,

не уделяет ему внимания. Хозяйка устроила скандал. Ничуть не стесняясь нашего при-

149

сутствия, поливала мужа грязными словами. А затем, не вынимая дымящейся сигареты изо рта, сняла тапочек и начала лупить им супруга по голове. Какой уж тут русский язык! Хозяйка подскочила к нашей двери и захлопнула её со словами:

– Не подслушивать!

Мы с Ниной вздрогнули и переглянулись.

– Будешь чинить телевизор? – с угрожающей нотой в голосе хозяйка подступила к мужу.

– Когда тебя не будет, вставлю детальку и буду смотреть! – отпаривал он.

– Ах ты, прощелыга, а ну, немедленно вставь деталь!

– Ты мне не начальник! – бросил хозяин и открыл дверь в нашу комнату.

Он пьянствовал почти каждый день и был очень худым. Хозяйка тоже любила выпить, но реже, поэтому выглядела здоровее. В трезвом состоянии супруг не осмеливался перечь властной жене. Ну, а когда напивался...

– Знаете, девчонки, однажды, когда спал, она меня кипятком облила, – пожаловался нам хозяин.

– Что, прямо из чайника? – спросила Нина.

– Представьте себе, – мужчина уселся на кровать и потянулся рукой к карману, из которого торчала пачка сигарет.

– Извините, не курите у нас, пожалуйста, – попросила я.

– Пардон. Правильно, здоровый образ жизни прежде всего... Так вот, когда она окатила кипятком, я проснулся. От боли корчусь, а она льёт и льёт из своего чайника, льёт и смеётся. Она ненормальная... Я бы вам, девчонки, не советовал здесь оставаться: мало ли что ей в голову стукнет. И ещё скажу: она любит горячим утюгом бросаться. Близко к ней – ни-ни, когда гладит, мало ли...

– Алкаш несчастный, выходи! – требовательно крикнула хозяйка. – Если не отдашь деталь, ящик сейчас долбану, чтобы и ты не смотрел, ирод!

– Девчонки, молчок, – приложил палец к губам хозяин и, вышел из комнаты, прокричал: – Я так решил: смотреть телевизор не будешь – и точка!

– Ах так, значит, власть почувствовал? Смотри! – заголосила

хозяйка.

Услышали грохот и высунулись из комнаты: на полу лежал разбитый телевизор.

– Интересно, девочки, да? А ну-ка марш из моего дома! – наки- нулась на нас разъярённая женщина.

Мы с Ниной нырнули в комнату, словно мышки в норку. Никогда не была в таких передрыгах и не знала, что предпринять. Интуиция подсказывала: лучше ничего не говорить, отсидеться.

– Ты что натворила? – возмутился мужчина. – Его уже не почи- нишь! Этот мусор только выбросить остаётся!

Хозяйка резко распахнула дверь в нашу комнату, и выпалила: – Я не повторяю больше одного раза! Улепётывайте!

Мы с Ниной выбежали на террасу. Хозяйка вновь переключи- лась на мужа.

– Нина, что делать будем?

– Понятия не имею.

– Вот влипли! У неё такой свирепый вид, аж жуть! Когда заходит на кухню, пол трещит и посуда гремит... Как в фильме ужасов.

В это время дверь открылась, и мы обернулись на голос хозяй- ки:

– Значит, я из фильма ужасов? Так, Нина, оставайся, а ты, Лена, убирайся!

– Сейчас?! Ведь ночь на дворе.

– Меня это не волнует.

– Уже темно, – заступилась подруга. – Где ей приютиться? Вот завтра найдёт квартиру...

– Нина, замолчи, а то и тебя выгоню! – неистовствовала хозяйка. – Я без Лены здесь не останусь.

– Ах так! Забирай шмотки и топай вместе со своей подружкой! Скатертью дорожка!

Молча собрались и покинули дом. Закрывая калитку, слышали голос хозяйки:

– Нина, ещё не поздно вернуться.

– Нет! – отрезала подруга.

Я расслабилась, и настроение поднялось. Мы шагнули в темно- ту, и Нина сказала:

– Лена, это всё из-за тебя.

Тотчас припомнила, как эту фразу часто произносили
прежние 151

подруги.

– Откуда я знала, что она подслушивает?

– Даже если и не знала, не надо ничего было говорить.

– Сама говорила, что боишься её. Разница в том, что мои слова она слышала, а твои – нет.

– Согласна.

– А может, и хорошо, что ушли. Вдруг она отомстила бы – ки- пятком полила или ещё чего?

– А где будем ночевать? – поинтересовалась Нина.

– В гостинице дорого, значит – на вокзале.

– Как на вокзале?

– Сейчас два часа ночи. Пока доберёмся до вокзала – час долой, а там и утро. Не паникуй, найдём квартиру, начнётся новая жизнь, – я обняла Нину и добавила: – Очень ценю твою дружбу: ты ради меня отказалась от такого «уютного» угла.

– Да ну тебя, – улыбнулась Нина и нежно толкнула меня в бок.

– Нин, а ведь завтра нам сочинение писать! Получается, что сна- чала – на экзамен, а потом – искать квартиру.

– В училище с вещами ехать?

– В камере хранения на вокзале оставим.

– Точно!

Мы весело разговаривали, по ходу решая важные вопросы. Вместе было легко и не страшно. Время пролетело быстро. В училище приехали рано. Нина направилась к зеркалу, а я спросила у вахтёра, как студенты находят квартиры.

– На доске объявлений посмотри: там должны быть адреса, – ответила та.

После экзамена отправились на поиски нового жилья. Первый дом, который оказался на нашем пути (он стоял в начале списка), был двухэтажным. Нас встретила миловидная женщина и мягким голосом произнесла:

– Сдаю весь второй этаж – кухня и три комнаты. Може-

те жить в любой, какая придётся по душе. В саду гуляйте, сколько хотите.

Хозяйка на первый взгляд доброжелательная, да и дом понравился: чистый, уютный, комфортный, а самое главное – по цене устраивал. Знаками спросила подругу, как ей. По её мимике поняла: супер! Что ж, договорились!

152

– Ну как, девочки, понравилось? – спросила хозяйка, завершив показывать дом.

– Очень! – едва не хором ответили мы.

– Только одна просьба: приходите засветло, а то буду переживать. Всё-таки район глухой, а вы девочки симпатичные. Да и пьяных тут всегда полно, ненормальных всяких.

Мы переглянулись.

– Смотрю, вас совсем запугала, но, если будете рано возвращаться, всё будет хорошо.

Оставили предоплату и получили ключи от второго этажа. Вышли на улицу довольные и счастливые, обнялись и завизжали от радости. Быстро съездили на вокзал за вещами – и обратно, обживаться.

Вот и заключительный экзамен по истории. Волнуясь с Ниной зашли в кабинет, поочерёдно взяли билеты. Мимикой спросила у Нины, хорошо ли она знает вопросы. Она показала, что не очень. «Значит, выкрутится», – подумала я.

– А ты как?

– Так, как и ты, – показала я ей.

Не призналась Нине, что у меня плохая память: не хотела отличаться этим от девочек из группы.

И вот отвечаю перед строгим экзаменатором. Излагаю матери- ал, как знаю. Дополнительный вопрос – справляюсь!

– Надеюсь, будете хорошо учиться,– говорит мужчина и ставит хорошую оценку.

– Конечно-конечно, спасибо большое!

От радости готова была расцеловать весь мир. Даже не ве- рилось, что вступительный марафон позади, и я его выдер- жала на славу. Уму непостижимо! Как же мне это удалось?

Девчонки радостно встретили в коридоре: – Ну, как?

– Сдала!

– Молодец, поздравляем!

Тут выбежала Нина и сообщила, что сдала. Мы обнялись, чуть-чуть прослезились... Теперь будем вместе, как и меч- тали.

– Лена, хочу жить с тобой на квартире, – вдруг заявила Ирина

Стужко.

153

– И я, Лен, хочу с тобой! – раздался голос Светы Спири- доновой. – Я первая сказала!

– Подумаешь, а я вторая!

– Мы тоже хотим! – загалдели Алла и Римма.

– Девочки это невозможно. Квартира не резиновая, не общежитие – там поместятся максимум три человека, – резонно заметила Ирина.

Алла и Римма замолчали.

– И третий – это, конечно, ты? – ухмыльнулась Света.

– Я первая сказала, что хочу с Леной жить. Ты городская, живёшь с родителями, в жилье не нуждаешься, а я временно в гостинице устроилась.

– Да, с родителями, но ради Лены готова их оставить! – не уступала Света.

– Лена, пожалуйста, возьми к себе! Устала по гостиницам мотаться, – взмолилась Ирина.

– Сними квартиру, – предложила Света.

– Вот я и хочу снять там, где Лена.

– Ирина первая изъявила желание жить со мной, тем более без своего жилья, – не успела договорить, как Ирина кинулась целовать и обнимать.

– Спасибо, Лена, спасибо! Ты вынесла очень справедливое решение! – радовалась Ирина.

– Ну вот, опять не повезло! Как всегда! Неудачница я! – пробурчала Света.

– Подожди радоваться, надо у хозяйки спросить, – остудила я пыл однокурсницы.

Ирина от дома была в полном восторге.

– Только бы согласилась меня взять, – нервничала подру-

га, ожигая хозяйку.

Женщину не пришлось уговаривать:

– Если хотите быть вместе – пожалуйста. Тем более вы одно- курсницы.

Ирина, как ребёнок, запрыгала от радости. Еле успокоили. Она немедленно отправилась за вещами. Мы – с ней: надо же знакомиться с городом. Начнётся учёба – будет не до гуляний.

Чем больше узнавала Саратов, тем больше он мне нравился.

154

Любимое место саратовской молодёжи – цветной музыкальный фонтан на проспекте Кирова. Напротив фонтана – красивейшее здание консерватории. «Был бы абсолютный музыкальный слух, с удовольствием поступила бы сюда учиться! Петать люблю», – по- мечтала я.

– Девчонки, пора в кинотеатр, – прервала фантазии Нина, – скоро фильм начнётся.

– А давайте после кино в планетарий! – предложила я. – Когда училась в школе, нас туда на экскурсию возили. Мне понравилось! – А что такое планетарий? – спросили девочки.

– Там знакомят с космосом. Заходите в помещение, свет постепенно гаснет. Потом появляются мерцающие звёзды, высвечиваются созвездия. Вы остаётесь наедине с ночным

небом. Лектор в это время рассказывает о планетах, галактиках...

– Я хочу! И я! – затараторили подружки.

Все три дня мы изучали достопримечательности города, сходили в кафе, на дискотеку. Грустно было расставаться, и утешало лишь то, что разлука ненадолго.

* * *

Перрон... Прощаюсь с подругами.... На душе вольготно и радостно: шагнула во взрослую жизнь, о которой давно мечтала. Я счастлива, потому что поступила в училище, нашла новых подруг и еду домой, где ждёт семья и любимый молодой человек. И не нужно возвращаться в Сальянскую школу! Никогда! Так хорошо! Ни разу не переживала ничего подобного!

Убедившись, что подозрительных пассажиров нет, подружки покинули плацкартный вагон. Поезд тронулся. Через окно послала Нине и Ирине воздушный поцелуй.

– Лена! – окликнул знакомый голос. – Вот так встреча!

Передо мной стояла заведующая районным отделом культуры Галина Ивановна.

– Здравствуйте!

– Какими судьбами?

– Еду домой.

– А ну-ка идём к нам за столик.

Наши места были недалеко друг от друга. Я села напротив двух весёлых женщин.

– Ну, рассказывай, что делала в Саратове.

– Поступала в Культпросвет училище.

– И как?

– Поступила.

– Молодец! Это дело надо обмыть, – Галина Ивановна наполнила четыре рюмочки.

– Я не буду.

– Тогда поешь. Помню себя в студенческие годы – постоянное чувство голода... Не стесняйся, бери всё, что есть.

– Спасибо, перед отъездом перекусила.

– Начинается. Узнают родители, что ехали вместе, спросят: «Галина Ивановна, ты нашу дочку покормила?» И что им ответу? Нет, дорогая, так не выйдет. Ешь через «не хочу».

«Бойкая женщина», – подумала я, улыбаясь, и взяла бутерброд.

– Другое дело! – обрадовалась Галина Ивановна и побежала заказывать у проводницы чай. Женщины ещё больше разомлели от выпитого и пошли пересказывать друг другу разные истории. Я поблагодарила Галину Ивановну за угощение и вернулась на своё место.

И, глядя в окно, за которым начинался дождь, стала ду-

мать, как дальше быть. Прибуду в районный центр в два часа ночи, автобусы до Сальянки в это время уже не ходят. Нужно или сидеть на вокзале до утра, или отправиться к бабушке Лизе. Но будить её среди ночи не очень-то хотелось. Вспомнила, как мама говорила, что бабушка живёт одна и будет рада встретиться, поговорить, узнать о нашей жизни, и тут же приняла решение – иду ночевать к бабушке. За размышлениями не сразу заметила молодого человека, который чаще других выходил в тамбур и пристально на меня смотрел. «Влюбился, наверное...» – подумала про себя и вышла подышать свежим воздухом. Следом – «влюблённый», будто ждал подходящего момента, чтобы заговорить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.